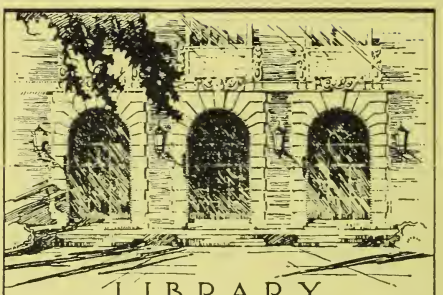
Ex libris

Dr A. Sum



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.7081
P94n

Filmed 88-0350/1

122

NOTICE: Return or renew all Library Materials! The *Minimum* Fee for each Lost Book is $50.00.

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 16 1989

OCT 19 1989

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/novaiaarfasborni00prok

СОСТАВИЛЪ
И. С. ПРОХАНОВЪ.

Новая арфа

СБОРНИКЪ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

для чтенія въ школахъ и семьяхъ.

Изданіе Т-ва „РАДУГА“
С.-Петербургъ,
Вознесенскій проспектъ, № 40.

Типографія Кюгельгенъ и Ко., С.-Петербургъ, Англійскій просп., д. № 28.

891.7081
P97n

Предисловіе.

Со времени ложно-классицизма и сентиментализма русская поэзія пережила два главныхъ періода: Пушкинскій и Некрасово-Надсоновскій. Въ настоящее время она переживаетъ переходное время. Хотя направленіе символизма и выразилось довольно ясно, но русская поэзія на немъ не останавливается. Она ищетъ новыхъ путей. По глубокому убѣжденію составителя этой книги она ищетъ идеала, который сочеталъ-бы въ себѣ не только начала красоты, но и основы добра и правды.

Она его пощупывала и нащупываетъ уже давно, но она еще не прониклась и не вдохновилась имъ вполнѣ. Этотъ идеалъ не новъ, скорѣе всего онъ старъ, но имѣетъ способность быть вѣчно новымъ. Этотъ идеалъ возвѣщенъ величайшимъ изъ людей: **Христомъ.**

Съ русской поэзіей происходитъ то-же, что и съ Евангельской грѣшницей.

О періодѣ Пушкина можно сказать то, что сказано на первой страницѣ этого сборника:

. . . . . заглушая,
Виномъ веселья зовъ святой,
Царила дѣва молодая
Надъ легкомысленной толпой.

О періодѣ Некрасово-Надсоновскомъ:

. . . . послѣ въ жаждѣ обновленья
Стонала трепетно она . . .

Это былъ періодъ покаянія . . .

Но теперь настаетъ третій періодъ:

Она теперь рукой спасенья
Для жизни новой избрана...
Она, царица жизни вольной,
Предъ кѣмъ курился ѳиміамъ,
Идетъ смириться добровольно
Въ служеньи нищимъ и рабамъ.

Третій періодъ будетъ періодомъ спасенія для самой поэзіи и началомъ ея служенія въ дѣлѣ спасенія душъ...

Раскаявшись въ грѣхѣ легкомыслія, русская поэзія получитъ внутреннее обновленіе, вдохновеніе свыше и воспоетъ новую пѣснь, хотя напѣвъ ея будетъ старинный.

Цѣль этого сборника—доказать наличность признаковъ новаго періода въ русской поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ дать въ одномъ изданіи самыя возвышенныя по внутреннему содержанію произведенія русской поэзіи для чтенія въ семьяхъ и школахъ.

И. С. Прохановъ.

С.-Петербургъ
Декабрь 1909 г.

„Новая арфа“.

№№		
1.	Призывъ	*И. С. Прохановъ.*
2.	О Ты пространствомъ безконечный. . .	*Державинъ.*
3.	Покаяніе	*И. С. Прохановъ.*
4.	Искушеніе.	„ „ „
5.	О Царь и Богъ, мой! Слово силы. . .	*Хомяковъ.*
6.	Взгляни на ниву: пашни много	„
7.	Молитва. О, Боже мой! возстанови .	*А. Плещеевъ.*
8.	Онъ шелъ безропотно тернистою дорогой.	„ „
9.	Отче нашъ, сына моленью внемли . . .	*Полонскій.*
10.	Измученной жизнью суровой.	*Никитинъ.*
11.	О, мой Богъ и упованье	*В. Головинъ.*
12.	Преткновеніе	*И. С. Прохановъ.*
13.	Сбрось ярмо.	„ „ „
14.	Дума	„ „ „
15.	Молитва	„ „ „
16.	Христіанинъ	„ „ „
17.	Любовь	„ „ „
18.	Блаженъ, кто въ жизни безмятежной .	„ „ „
19.	Я памятникъ въ себѣ самомъ нерукотворный.	„ „ „
20.	Море тихо, неподвижимо	„ „ „
21.	Не говори: „души спасенье“.	„ „ „
22.	То не царь земной въ порфирѣ	„ „ „
23.	Ты знаешь вѣдь: Христосъ Спаситель .	„ „ „
24.	Вождь народа	„ „ „
25.	Мы запретили	„ „ „
26,	Дума	„ „ „
27.	Ты говоришь: борьба стихій законна. .	„ „ „
28.	Есть два дивнихъ чуда въ мірѣ	„ „ „
29.	Какъ солнечный лучъ обѣянья снѣговъ.	„ „ „
30.	Была пора: подъ сѣнью рая	„ „ „
31.	Два варіанта къ стихамъ.	*Гр. Ал. Толстого, Гр. П. А. Валуевъ.*
32.	(Молитва). Спаси меня, Господь . . .	*Гр. П. А. Валуевъ.*

№№

33.	Радуга	*И. С. Прохановъ.*
34.	Покрытый ранами, поверженный во прахъ.	*Ю. Жадовская.*
35.	Среди нужды, среди лишенья	*Н. В. Т.*
36.	Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ.	*Жемчужниковъ.*
37.	Научи меня, Боже, любить	*К. Р.*
38.	Молись въ день радужнаго счастья. . .	*неизв. авт.*
39.	Надѣйся на Бога, дитя дорогое	„ „
40.	Хвали Творца, лишь день начнется. . .	„ „
41.	Счастлива та семья, гдѣ Богъ живетъ .	„ „
42.	Господь! Ты этотъ день мнѣ подарилъ.	„ „
43.	Христосъ тебя ради до яслей смирился	„ „
44.	Христосъ Воскресъ! Воскресъ Мессія!	„ „
45.	Христосъ воскресъ! благіе очи.	*Ивановъ.*
46.	Молись, дитя! Сомнѣнья камень . . .	*Никитинъ.*
47.	Безгрѣшнаго Христа распяли іудеи. . .	*неизв. авт.*
48.	Не въ колесницѣ Иліи	*С. Б-въ.*
49.	О Боже! Съ пламеннымъ моленьемъ .	*неизв. авт.*
50.	Услышь, Христосъ, мое моленье	*Козловъ.*
51.	О, Боже мой! благодарю	*Мережковскій.*
52.	Намъ жизнь дана, чтобы любить. . . .	*И. Горбуновъ-Посадовъ.*
53.	(Жизнь). Жизнь вѣчный — трудъ! . .	*Кіевскій.*
54.	(Моя вѣра). Я вѣрю въ Бога тріединаго.	*И. С. Прохановъ.*
55.	Голгоѳа	*К. Льдовъ.*
56.	Покайтеся!	*Аполлонъ-Коринѳскій.*
57.	(Евангеліе). Читая вѣчныя, священныя страницы	*Ф. Пестряковъ.* .
58.	Когда смущаетъ сердце страхъ	*С. Анненковъ.*
59.	Господь! мольбѣ моей смиренной . . .	*Гр. П. А. Валуевъ.*
60.	Есть чувство святое въ душѣ человѣка.	*А. Зименко.*
61.	О, Боже, Боже! дай мнѣ силы	*В. И. Ивановъ.*
62.	Къ тебѣ, Господь, возставъ отъ сна .	*Адамовичъ.*
63.	Передъ Тобой, Господь всесильный . .	„
64.	Мой Царь — Христосъ! Ты братскою любовью	*И. П. А.*
65.	Къ тебѣ, Спаситель мой, взываю . . .	*неизв. авт.*
66.	Какъ время кратко, время мчится . .	*М. Щербининъ.*
67.	Подъ громомъ бури, въ часъ урочный.	*Э. Губеръ.*
68.	Любовью духъ горитъ къ тебѣ, Спаситель мой.	*Козловъ.*
69.	И въ радости, и въ горѣ жизни . . .	*А. Ключаревъ.*

№№

70. (Библія). Испытывалъ ли ты тѣ чудныя мгновенья . . . . . *неизв. авт.*
71. (Мой Богъ). Въ немъ сила съ правдою въ союзѣ неразрывномъ . . . . . „ „
72. Снова пѣсни мы составимъ (Пс. 97) . „ „
73. Когда въ послѣдній день неволи (Пс. 123) . . . . . *К. Льдовъ.*
74. Какъ хорошо и какъ пріятно (Пс. 132). *И. С. Прохановъ.*
75. У водъ вавилонскихъ печалью томимы (Пс. 136) . . . . . *неизв. авт.*
76. Покорно предайся Божественной волѣ. „ „
77. Распадись, моя грѣховная тюрьма . . *И. С. П.*
78. Еще ужъ годъ прошелъ, еще звена не стало. . . . . *Я. Б.*
79. Когда креста нести нѣтъ мочи . . . . *К. Р.*
80. Пусть эта книга священная . . . . . „ „
81. Я новое небо и землю увидѣлъ. . . . „ „
82. Любить! Кто - жъ постигъ это слово святое. . . . . *С.*
83. (Сампсонъ). Изъ добродѣтелей вы цѣпи мнѣ сковали . . . . . *С. Г. Петровъ.*
84. Вражду житейскую разсѣявъ . . . . . *В. В. Жуковъ.*
85. Сидѣлъ Христосъ съ учениками . . . *В. М.*
86. Людямъ волей Всеблагого. . . . . *Ф. П.*
87. Пораженъ житейской битвой. . . . . *неизв. авт.*
88. Когда отрада упованья . . . . . „ „
89. Люби Того, Кого омыла. . . . . *И. П. А.*
90. И будетъ, Божьи дѣти встанутъ . . . *Я. Б.*
91. (Пророкъ). Роскошныхъ зданій высились карнизы. . . . . *В. Буренинъ.*
92. Другъ мой, братъ мой, усталый . . . *С. Я. Надсонъ.*
93. Я не тому молюсь . . . . . „ „ „
94. Христосъ! Гдѣ ты, Христосъ, сіяющій лучами . . . . . „ „ „
95. (Двѣ жизни). Двѣ жизни есть: одна, какъ океанъ безбрежный . . . . *К. Фофановъ.*
96. Все въ этомъ мірѣ суета . . . . . *В. Лихачевъ.*
97. Сомнѣніе. Нѣтъ! Я не стану лицемѣрить . . . . . *Д. Михайловскій.*
98. (Псаломъ жизни). Не называйте, нѣтъ, вы жизнь . . . . . *Н. Н. Дебольскій.*
99. Отче нашъ! Богъ, въ небесахъ обитающій . . . . . *К. Фофановъ.*
100. (Гимнъ). Тебѣ подымавшему бездны . „ „

№№
101. (Свѣтъ Христовъ). Какъ мглой ночною. *Б***.*
102. (Христова звѣзда). Когда въ Вифлеемѣ родился Христосъ . . . . . *В. Мироновъ.*
103. Въ годину бѣдъ, тяжелыхъ испытаній. *М. Анненкова.*
104. (Молитва). Мнѣ зло желающимъ, о Боже . . . . . *И. Бѣлоусовъ.*
105. (Враги людей). Есть врагъ людей и врагъ тотъ—голодъ . . . . . *Д. Ратгаузъ.*
106. (Два свѣточа). Въ сумракѣ ночи звѣздой путеводной . . . . . *П. Поповъ.*
107. (Хлѣбъ насущный). Океанъ остался тамъ за нами . . . . . *А. Кругловъ.*
108. (Молитва). О Боже, на грѣшнаго сына воззри. . . . . *В. Л. Величко.*
109. Ты говоришь, что я останусь одинокъ. *А. Кругловъ.*
110. Есть въ мірѣ грезы, есть мечты . . . *А. Коринѳскій.*
111. Во тьму души, страдающей подъ гнетомъ . . . . . *А. Д. Львова.*
112. Счастливъ тотъ, кто даръ природный. *А. Кругловъ.*
113. Иди впередъ! Борись съ судьбой! . . *Л. Афанасьевъ.*
114. Въ небѣ звѣзды горятъ изумрудныя. . *М. Д. Ѳедоровъ.*
115. Когда нашъ прахъ оледенитъ. . . . . *Д. Михайловскій.*
116. Блаженъ, въ чьемъ сердцѣ миръ глубокій *Д. Мережковскій.*
117. (Камень и зодчій). Камни они въ города громоздятъ. . . . . *К. Фофановъ.*
118. (Невѣдомому Богу). Мы идемъ къ невидимой святынѣ . . . . . *Г. Аркатовъ.*
119. Самаритянинъ.. Что есть любви еще въ тебѣ . . . . . *В. С. Лихачевъ.*
120. Не угасай небесный пламень. . . . . *Н. Рябовъ.*
121. Мутные потоки пошлости вседневной. *В. Величко.*
122. Не все равно, на что истратить сердца жаръ . . . . . *А. Кругловъ.*
123. Въ томъ нѣтъ грѣха, что въ разныхъ книгахъ . . . . . „ „
124. Подъ тяжестью креста, за темный міръ страдая . . . . . *А. Коринѳскій.*
125. Не мсти врагамъ. . . . . *В. Авенаріусъ.*
126. Средь моря жизненной пустыни . . . *Г. П. Данилевскій.*
127. Пріидите ко Мнѣ . . . . . *А. Львовой.*
128. (Изгнанники). Есть радость въ томъ . *Мережковскій.*
129. Полно, успокойся . . . . . *А. М. Федоровъ.*
130. (Dies irae). Люди опомнитесь! . . . . *Д. Мережковскій.*
131. Есть въ груди святая сила . . . . . *Г. Альбинскій.*

№№

132. (Мечъ). Суровый гнѣвъ души своей уйми . . . . . *Л. Афанасьевъ.*
133. (Сумерки). Мы умираемъ каждый часъ *В. Величко.*
134. Благодарю Тебя, Создатель. . . . . *К. Фофановъ.*
135. О, нѣтъ — отъ Бога не уйти . . . . . *В. Величко.*
136. Ты знаешь ли книгу? Великій пророкъ. *В. Г. Бенедиктовъ.*
137. Помыслилъ въ сердцѣ мужъ безумный. *В. И. Ознобишинъ.*
138. (Вопли сердца). Я не ропщу, что не дано. . . . . *Гусева.*
139. Есть одинъ очарованный храмъ . . . *Л. Афанасьевъ.*
140. (Миръ). О, не скорби! не дологъ вѣкъ желѣзный . . . . . *Г. Аркатовъ.*
141. (Пѣвцу). Когда ты видишь: міръ безпечный . . . . . *И. С. Прохановъ.*
142. (Искушеніе Христа). На горѣ первозданнной. . . . . *Л. Мей.*
143. (Сѣятель). Въ ширь раскинувшись лежала . . . . . *И. С. Прохановъ.*
144. (Юному другу). Когда въ лицемѣрной и лживой . . . . . *А. Слуцкій.*
145. (Людская доля). Не до пѣсенъ благъ и свободы . . . . . *С. Бердяевъ.*
146. (Пророкъ). Съ пытливымъ взоромъ, съ вѣщимъ словомъ . . . . . *Н. Аксаковъ.*
147. (Фантазія). Шелъ бой... Звучали клики, стоны. . . . . *В. Величко.*
148. О, Боже, Ты и жизнь, и свѣтъ всего творенья. . . . . *В. С. Лихачевъ.*
149. Господь сказалъ въ началѣ дней . . . „ „ „
150. Намъ міръ видѣніе въ обманутыхъ очахъ . . . . . „ „ „
151. Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло тому на свѣтѣ . . . . . „ „ „
152. (Рождество Христово). Въ рождественскую ночь я видѣлъ дивный сонъ . . . . . *С. Бердяевъ.*
153. (Рождество Христово). Дѣтки! ближе подойдите . . . . . *неизв. авт.*
154. Христосъ воскресе! возгласилъ . . . . *А. Ѳедотовъ.*
155. (Воскресъ). День наступилъ... Зажглась денница . . . . . *К. К. Случевскій.*
156. (Христосъ Воскресъ!) Христосъ воскресъ, а гибнущаго брата . . . *В. Мироновъ.*

№№

157. (Воскресеніе Христово). Сердца холодныхъ и лѣнивыхъ . . . . . *Кн. Е. Горчакова.*
158. (Воскресенье). Крылатый стражникъ, ангелъ рая. . . . . *К. Ф.*
159. (Пасхальная греза). Я—смертный, я—плѣнный. . . . . *Л. Косуновичъ.*
160. Христосъ воскресе, смертію смерть поправъ . . . . . *В. Мюръ.*
161. Онъ, какъ ястребъ, прилетаетъ. . . . *И. С. Прохановъ.*
162. (Христосъ воскресе!) Онъ пришелъ Божественный Учитель . . . . . *В. Мюръ.*
163. (Христосъ воскресъ). Спаситель насъ училъ . . . . . *В. Ракитинъ.*
164. (Моленіе о единствѣ). Съ вечери тайной въ часъ полночный . . . . . *И. С. Прохановъ.*
165. (Свѣтъ и тьма). Въ Египтѣ тьма. Питомецъ Нила. . . . . „ „ „
166. (Рыбаки). Надъ волной Тиверіады . . „ „ „
167. (Горе мальчика). Мама! Мама! дѣти въ школѣ . . . . . „ „ „
168. (Нарушеніе завѣта). И шелъ Онъ, шелъ печальною долиной. . . . . *А. Коринѳскій.*
169. (Пиръ Валтассара). На тронѣ царь сидитъ . . . . . *Г. Данилевскій.*
170. (Бичеваніе Христа). Зачѣмъ озлобленной толпой. . . . . *Э. Губеръ.*
171. (Блудный сынъ). Подъ небомъ знойнаго Востока . . . . . *И. С. Прохановъ.*
172. (За свободу совѣсти). Глубокая ночь надъ землею . . . . . „ „ „
173. (Странникъ). Однажды странствуя среди долины дикой. . . . . *Пушкинъ.*
174. (Христіанка). Спитъ гордый Римъ, одѣтый мглою . . . . . *С. Я. Надсонъ.*
175. (Іуда). Христосъ молился, потъ кровавый . . . . . „ „ „
176. (Вознесеніе Господне). Не въ колесницѣ Иліи . . . . . *Клопштокъ.*
177. Лепта вдовицы. Учениками окруженный. *В. В. Богословскій.*
178. Исчезли волны фиміама . . . . . *О. Чюмина.*
179. (Тайная вечеря). Уже провидя вѣщимъ окомъ . . . . . *И. К. П.*
180. Моленіе о чашѣ. Въ саду Геѳсиманскомъ стоялъ Онъ одинъ . . . . . *Апухтинъ.*

№№

181. Моленіе о чашѣ. Сверкаетъ западъ озлащенный . . . . . *Никишинъ.*
182. (Три волхва). Три мудреца изъ дальнихъ . . . . . *О. Чюмина.*
183. (Бѣгство въ Египетъ). Затмитесь, звѣзды Палестины . . . . . *Ѳ. Глинка.*
184. (Іоаннъ Креститель въ пустынѣ). И было то, было въ Виѳаварѣ . . „ „
185. (Христосъ и Самарянка). У колодца, сидѣлъ, отдыхая Христосъ . . . . „ „
186. (Откровица). И собрались къ нему всѣ власти. . . . . *Л. Т.*
187. (Исцѣленіе бѣсноватаго). Безумнымъ ужасомъ объятый. . . . . *О. Ч.*
188. (Слѣпорожденный). То были времена чудесъ. . . . . *Л. Мей.*
189. (Богатырь). Гдѣ-то нѣкогда вѣками . *И. С. Прохановъ.*
190. (Торж. входъ Господа въ Іерусалимъ). Забрезжился востокъ . . . . . *О. Чюмина.*
191. (Пропов. Предтечи и пр. Христа). Среди песковъ пустыни . . . . . *О. Чюмина.*
192. Христосъ ходилъ по Галилеѣ. . . . . *В. В. Богословскій.*
193. (Іисусъ у Марѳы и Маріи) Склонялся медленно къ закату. . . . . *О. Чюмина.*
194. (Грѣшница). И говорятъ Ему: она . . *Полежаевъ.*
195. (Воскрешеніе Лазаря). Былъ боленъ нѣкто Лазарь. Онъ . . . . . *В. В. Жуковъ.*
196. (Волхвы). Въ сіяньѣ звѣздномъ къ дальней цѣли . . . . . *К. Льдовъ.*
197. (Святая ночь). Надъ Виѳлеемомъ ночь сіяла . . . . . *О. І.*
198. (Поклоненіе волхвовъ). Тихо полночь плыветъ . . . . . *Г. Аркатовъ.*
199. (Звѣзда Виѳлеема). И вотъ свечерѣло. *А Коринѳскій.*
200. У святыхъ яслей. Въ пещерѣ пастуховъ. *неизв. авт.*
201. (Моленіе о чашѣ). Когда одинъ въ полн. мглѣ . . . . . *О. Чюмина.*
202. (Варавву иль Христа). Въ разливѣ огненномъ . . . . . *М. Ватсонъ.*
203. (Погребеніе Христа). Всесильный, движимый любовью . . . . . *В. Мюръ.*
204. (Свѣтл. Христово Воскресеніе). Была тиха безмолвна. . . . . *А. Линдехренъ.*

№№
205. (Воскресеніе Спасителя). Святымъ писаніемъ реченное . . . . . *В. Мюръ.*
206. (Странникъ и Ангелы). Что съ тобою, странникъ . . . . . *Мережковскій.*
207. (Сны Фараона). Приснился царю удивительный сонъ. . . . . *Б. Никоновъ.*
208. (Валтасаръ). Въ безмолвіе ночи и мглу. *Ивановъ.*
209. (Іовъ). Да будетъ проклятымъ на вѣкъ. *Мережковскій.*
210. Я не хочу веселія земного . . . . . *Миллеръ.*

---

1. Призывъ.

Возьми ты арфу Палестины
Свободной, смѣлою рукой;
И пусть звучитъ напѣвъ старинный,
Надъ опечаленной землей.
Воспой о томъ, какъ, заглушая
Виномъ веселья зовъ святой,
Царила дѣва молодая
Надъ легкомысленной толпой;
Какъ послѣ въ жаждѣ обновленья
Стонала трепетно она,
И какъ теперь рукой спасенья
Для жизни новой избрана.
Она, царица жизни вольной,
Предъ кѣмъ курился ѳиміамъ,
Идетъ смириться добровольно
Въ служеньи нищимъ и рабамъ.
Воспой, мой братъ, и въ звукахъ пѣнья,
Могучихъ истиной святой
Провозгласи освобожденье
Плѣненнымъ жизненной тюрьмой;
Неси страдальцу утѣшенье,
Вѣщай мятежному покой,
И чудо Божье — исцѣленье —
Душой недужному открой.
Заблудшимъ въ сумракѣ сомнѣнья
И малодушнымъ предъ борьбой
Вдохни надежду на спасенье
И вѣру въ подвигъ трудовой.
Пройди во всѣ концы вселенной
И всѣмъ, кто мыслитъ, всѣмъ живымъ
Неси ты с[illegible] пѣснью вдохновенной
Призывъ любви, грядущей къ нимъ!

Іюнь 1892 г.
г. Владикавказъ.

2.

О, Ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньѣ вещества,
Теченьемъ времени предвѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества;
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ.
Не можетъ духъ нашъ просвѣщенный
Отъ Духа Твоего рожденный
Изслѣдовать судебъ Твоихъ...
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ, —
Въ Твоемъ величьѣ исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ,

О чудо тайны сокровенной!
Изъ ничего Ты міръ создалъ,
А вѣчность прежде дней вселенной
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ...
Себя собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя, —
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ:
Создавшій все единымъ словомъ,
Въ твореньѣ простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь въ вѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее скрѣпляешь и живишь,
Любви дарами осыпаешь

И смертью жизнь Ты всѣмъ даришь;
Какъ искры сыпятся, стремятся,
Такъ твари отъ Тебя родятся.
Тобой созданные, текутъ
По небу яркихъ звѣздъ мильоны,
Твои они творятъ законы
И свѣтъ животворящій льютъ.

Какъ капля, брошенная въ море,
Вся тварь передъ Тобою сія,
Но что весь міръ въ его просторѣ
И что передъ Тобою я?
Въ пространствѣ свѣта необъятномъ
Міры умножу я стократно
Въ умѣ восторженномъ и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой — ничто!

Ничто! Но ты во мнѣ сіяешь
Величіемъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! Но жизнь я ощущаю;
И мысль, и чувство простираю
Въ предѣлы вѣчной высоты;
Къ Тебѣ душа моя пылаетъ
И о Тебѣ лишь размышляетъ:
Я есмь, конечно, есь и Ты...

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твое велѣнье положило,
Чтобъ бездну смерти проходило
Мое безсмертное бытье;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился

И чтобъ чрезъ смерть я возвратился.
Отецъ, въ безсмертіе Твое.

Пути Твои непостижимы!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей..,
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Твоей любовью наслаждаться
И, славя въ сердцѣ, слезы лить...

Державинъ.

3. Покаяніе.

I.

Я согрѣшилъ передъ Тобою,
Господь и Богъ мой! Я упалъ
И грязью жизни, суетою
Я вновь одежды запятналъ.
Скажу ли я, что въ часъ паденья
Ты въ небесахъ о мнѣ забылъ?
Не ты, а я въ чаду забвенья
Твой голосъ дивный заглушилъ.
Скажу ли я: приманкой злою
Меня лукавый соблазнилъ?
Когда-бъ я льнулъ къ Тебѣ душою,
Ко мнѣ бы онъ не приступилъ.
Скажу ли я: во тьмѣ незнанья
Не видѣлъ рва я предъ собой?
Но предо мной было сіянье
Предвѣчной истины святой.
Скажу-ль я слово оправданья?
Нѣтъ, нѣтъ, уста мои молчатъ
И льются слезы раскаянья,
Ланиты пламенемъ горятъ...

Закона приговоръ ужасный
И судъ людской меня казнятъ;
„Погибъ навѣки ты, несчастный!“
И умъ и совѣсть мнѣ твердятъ.
Я плачу въ мукѣ сокрушенья,
Но море слезъ безсильно смыть
Мою вину и согрѣшенья
И чистоту мнѣ обновить.
Скорблю душой, грѣхомъ разбитой
И съ жаломъ казни во плоти
И предъ лицомъ любви забытой,
Я падаю: Прости! Прости!
Прости меня, хоть не прощенья,
А смерти лишь достоинъ я;
Прости, хоть робокъ стонъ моленья,
Хоть нечиста мольба моя.
Прости, хоть лучшихъ дней потерю
Не возвратятъ мои шаги;
Прости, хоть я не твердо вѣрю;
Прости! въ невѣрьи помоги!
Прости меня и сердца клѣти
Лучами вѣры освѣти!
Какъ обѣщалъ въ Твоемъ завѣтѣ,
Во имя словъ Твоихъ прости!
Прости во имя мукъ Голгоѳскихъ,
Во имя крови пролитой;
Во имя милостей Отцовскихъ
Прости, любовію покрой!
Какъ Твой борецъ, Твой рабъ Іаковъ,
Не отойду, пока душой
Я не приму спасенья знаковъ,
Пока не принятъ я Тобой!
Мой грѣхъ великій отпусти!
Прости! Прости!

II.

Какъ сквозь туманъ лощины сонной
Блеснетъ нежданно лучъ живой,

Такъ и къ душѣ моей сраженной
Проникнулъ голосъ неземной:
„Когда бы пурпура краснѣе
Сгустился твой случайный грѣхъ,
Я-бъ убѣлилъ тебя бѣлѣе
И ослѣпительнѣй, чѣмъ снѣгъ;
Когда-бъ твой грѣхъ тебя жестоко
Цѣпями муки обложилъ,
Его-бъ какъ западъ отъ востока
Твой Богъ мгновенно удалилъ.
О, маловѣръ! Тебя прощаю,
И, вѣрь, давно уже простилъ,
Твоей вины не вспоминаю:
Я навсегда ее забылъ...
Воспрянь! Возьми Мою одежду
Неизрѣченной чистоты,
Иди и въ міръ неси надежду
Къ разбитымъ жертвамъ темноты;
Скажи мятущемуся брату,
Какъ ты метался, устрашенъ,
Какъ безъ динарія въ уплату
Должникъ помилованъ прощенъ.
Пусть ближній твой о Мнѣ услышитъ,
Пусть онъ скорѣй ко Мнѣ придетъ,
Пусть нынѣ-жъ счастьемъ онъ задышетъ,
И голосъ свой съ твоимъ сольетъ.
Вставай же сынъ, Отцомъ принятый,
И объ Отцѣ вѣщать иди!“
И всталъ я, Молвившимъ поднятый,
И пѣснь хвалы раздалася въ груди...

Октябрь 1896. *И. С. Прохановъ.*

4. Искушеніе.

„У Тебя источникъ жизни“
Псал. 35, 10.

Я пламенѣлъ восторгомъ яснымъ,
Я слышалъ Божьи голоса;
И чьимъ-то повелѣньемъ властнымъ

Мнѣ открывались небеса;
И видѣлъ я Творца сіянье,
Его дворцы, Его престолъ;
И въ торжествующемъ собраньи
Я сладкую бесѣду велъ.
Я слышалъ Божьихъ духовъ пѣнье
И слаже словъ было оно;
И сердце здѣсь въ земномъ хожденьи
Тѣхъ отзвуковъ было полно.
Земли жилецъ, я неба счастье
Душой спасенною вкушалъ;
И въ мракѣ бурь и въ мглѣ ненастья
Я солнце дивное видалъ.
И пѣлъ я пѣснь, псаломъ великій
И вѣсть благую возвѣщалъ...
И предо мной свѣтлѣли лики,
Когда я скорбныхъ навѣщалъ...
Но вотъ, пронесся голосъ внятный:
„Твоихъ видѣній и рѣчей
„Блаженна жизнь, псалмы пріятны, —
„Но то ли нужно для людей?
„Не слово нужно имъ, а дѣло
„И не мечта — добро услугъ;
„Спустись съ небесъ, размысли зрѣло,
„Отвергни сны, примись за плугъ!“
И голосу тому послушный
Я духъ восторговъ угасилъ;
Видѣнья, какъ миражъ воздушный,
И рѣчи Божьи я забылъ.
Я шелъ, творилъ дѣла въ молчаньѣ;
Но... въ лицахъ ближнихъ не видалъ
Я прежней радости; роптанье
И тайный гнѣвъ ихъ омрачалъ.
Въ себѣ самомъ я — плодъ нежданный —
Печальный терній увидалъ;
Какъ змѣй жестокій, пламень странный
Моей душой овладѣвалъ... —
Вражды невѣдомая сила

Проникла глубины души;
Она погибелью грозила,
Какъ бури гулъ въ лѣсной глуши.
Росла волна негодованья
И крѣпла съ ней гордыни власть;
И сталъ я слышать льва рыканье,
И сталъ я видѣть бездны пасть...
И, полный скорби безнадежной,
Я цѣпенѣлъ уже душой;
Но голосъ мощный, голосъ нѣжный
Заговорилъ въ тиши ночной:
„Изъ дерева извлекши соки,
„Сокрывши свѣтлый небосводъ
„И осушивъ ручей глубокій,
„Слѣпецъ! хотѣлъ собрать ты плодъ.
„Смотри! Вотъ, плодъ: жизнь умираетъ!
„Душа не можетъ быть пустой;
„Когда Духъ Божій покидаетъ,
„Въ ней Духъ вселяется иной...
„Очнись, слѣпецъ! Молись усердно
„О дняхъ, когда огнемъ горѣлъ,
„И, полный рѣчи милосердной,
„Ты сѣялъ сѣмя Божьихъ дѣлъ.
„Въ тѣ дни слова твои и пѣнье
„Заблудшимъ путникамъ земли
„Къ дѣламъ небеснымъ вдохновенье
„И силъ источники несли“.
И палъ я, трепетомъ объятый,
Молясь: „о Вѣчный Духъ, приди!
„Приди! Вселись опять въ меня Ты
„И отъ меня не отходи“.

Января 1905 г. *И. С. Прохановъ.*

5.

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Ты, бывши на землѣ, сказалъ
И сокрушенъ былъ плѣнъ могилы
И Лазарь ожилъ и возсталъ.

Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: „встань!“ душѣ моей
И мертвая изъ гроба встанетъ,
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей;
И оживетъ и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ
Тебѣ — сіянью Отчей славы,
Тебѣ — умершему за насъ...

Хомяковъ.

6.

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди,
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!
Ты купленъ дорогой цѣною;
Крестомъ и кровью купленъ ты;
Сгибайся пахарь надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!
Подъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ.
Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ
И не ослабну предъ борьбой,
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего...

Хомяковъ.

7. Молитва.

О, Боже мой! возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый:
Я жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы.

Запуганъ мракомъ ночи я
И въ немъ я ощупью блуждаю,
Ищу въ свѣтильникъ свой огня,
Но гдѣ обрѣсть его, не знаю...

Въ изнеможенья скорбный часъ
Простри спасительныя руки,
Да упадетъ завѣса съ глазъ,
Да прочь идутъ сомнѣнья муки.

Внезапнымъ свѣтомъ озаренъ,
Отъ лжи мой умъ да отрѣшится
И вѣчной истины законъ
Постигнуть сердцемъ онъ стремится.

Услышь, о Боже, голосъ мой!
Да, возлюбивъ всѣмъ сердцемъ брата,
Во тьмѣ затерянной тропой
Пойду я вновь и безъ возврата.

А. Плещеевъ.

8.

Онъ шедъ безропотно тернистою дорогой;
Онъ встрѣтилъ радостно и гибель, и позоръ;
Уста, вѣщавшія ученье правды строгой,
Не изрекли толпѣ глумящейся укоръ.

Онъ шелъ безропотно и на крестѣ распятый,
Народамъ завѣщалъ и братство, и любовь;
За этотъ грѣшный міръ, порока тьмой объятый,
За ближняго лилась Его святая кровь.

О, дѣти слабые болѣзненнаго вѣка!
Иль вамъ не говоритъ могучій образъ тотъ
О назначеніи великомъ человѣка
И волю спящую на подвигъ не зоветъ?

О нѣтъ, не вѣрю я. Но вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета;

Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь, и силу
Въ нашъ обветшалый міръ ученіе Христа.

А. Плещеевъ.

9.

Отче нашъ, сына моленью внемли!
Всепроникающую,
Всесозидающую
Братскую дай намъ любовь на земли...
Сынъ Божій, сшедшій во имя любви.
Ожесточаемое,
Оскудѣваемое
Сердце Ты въ насъ освѣжи, обнови,
Духъ Святой, правды источникъ живой!
Дай силу страждущему;
Разуму жаждущему
Ты вожделѣнныя тайны открой.
Боже! спаси Ты отъ всякихъ цѣпей
Душу проснувшуюся
И ужаснувшуюся
Мрака и зла, и неправды людей.
Вставшихъ на гласъ Твой услыши мольбу
И цѣпенѣющую
Въ лѣни коснѣющую
Жизнь разбуди на святую борьбу...

Полонскій.

10.

Измученный жизнью суровой,
Не разъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ предвѣчнаго слова
Источникъ покоя и силъ.
Какъ дышатъ святые ихъ звуки
Божественнымъ чувствомъ любви
И сердца тревожнаго муки
Какъ скоро смиряютъ они!

Здѣсь все въ жизнетворной картинѣ
Описано Духомъ Святымъ:
И міръ существующій нынѣ,
И Богъ управляющій имъ,
И сущаго въ мірѣ значенье,
Причина, и цѣль, и конецъ,
И вѣчнаго Сына рожденье
И крестъ, и терновый вѣнецъ...
Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши
И плакать, и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души!

И. Никитинъ.

11.

О, мой Богъ и упованье!
Не оставь меня молю,
Озари своимъ сіяньемъ
Душу грѣшную мою.
Дай мнѣ сердце безмятежное,
Чтобъ Тобой было полно
И, какъ птичка бѣлоснѣжная,
Чисто было бы оно;
Чтобъ твои законы вѣчные
Могъ на немъ Ты начертать,
Чтобъ святая, безконечная
Въ немъ сіяла благодать.

В. Головинъ.

12. Преткновеніе.

„Ты избавилъ душу мою... и ноги мои отъ преткновенія, чтобы я ходилъ предъ лицемъ Божіимъ во свѣтѣ живыхъ. Пс. 55, 14

Онъ слышалъ истины святыя,
Хотѣлъ онъ вслѣдъ Христа итти,
Но три картины роковыя
Ему предстали на пути...

Вотъ, здѣсь въ чаду вина пируютъ
„Хранители ключей“ Христа;
А тамъ на торжищѣ торгуютъ
Дарами вѣчнаго креста;
А дальше съ именемъ Христовымъ
На брата братъ идетъ съ мечемъ;
И льется кровь въ бою суровомъ
И гаснутъ жизни подъ огнемъ...
„Христово имя неземное
Залито кровью и виномъ
И имъ кичится племя злое...
Нѣтъ не пойду Его путемъ“.
Такъ онъ сказалъ... Но вотъ нежданно
Предъ нимъ явился дивный ликъ
Въ вѣнкѣ шиповъ, въ струѣ багряной;
И звукъ небесъ къ нему проникъ:
„Я былъ распятъ, я былъ въ страданьѣ
„Отъ фарисеевъ прежнихъ дней;
„Теперь, нося мое названье,
„Они казнятъ еще больнѣй.
„Ужель подъ маской фарисеевъ
„Ты не увидѣлъ палачей!
„Ужель, слова Мои разсѣявъ,
„Не видишь ты Моихъ скорбей?
„Ужель, смотря, какъ міръ лукавыхъ
„Прикрылся именемъ Моимъ,
„И ты прибавишь ранъ кровавыхъ
„Къ Моимъ терзаньямъ вѣковымъ?
„Небесной силы легіоны
„Сильны враговъ добра казнить;
„Но ими распятый, казненный,
„Хочу спасать, а не губить...
„Хочу, не глядя на глумленье,
„Имъ дать любви Моей престолъ...
„Ужель Мое долготерпѣнье
„Ты за безсиліе почелъ?
„Подъемли взоръ: вотъ три картины:
„Кровавымъ заревомъ костровъ

„Горитъ Нерона садъ старинный;
„Тамъ жгутъ Моихъ учениковъ...
„Не стонъ борьбы, не вопли муки
„Дрожатъ предъ грозною толпой...
„Мольбы и пѣснопѣнья звуки
„Несутся тихою волной...
„Имъ міръ сулилъ пиры веселья,
„Всѣ наслажденія земли:
„Они забавамъ — подземелья
„И пламень муки предпочли...
„А вотъ въ горахъ, гдѣ дни унылы,
„Вблизи аула у бугровъ
„Чернѣютъ грустныя могилы
„За правду сосланныхъ борцовъ...
„Напрасно звалъ ихъ міръ лукавый,
„Суля соблазновъ мишуру;
„Они, любя мои уставы,
„Отвергли рабство серебру...
„И здѣсь въ глуши чужого края,
„Вдали отъ братьевъ и друзей
„Они, молясь и Мнѣ внимая,
„Служили истинѣ Моей...
„А вотъ, село въ нуждѣ суровой;
„Вотъ, за столомъ простой избы
„Читаютъ братья Божье слово
„Съ сіяньемъ радостной мольбы...
„Сердецъ восторженное пѣнье
„Несется сладкою волной...
„Моей любви благословенье
„Даетъ имъ радость и покой.
„Имъ чужды бури несогласья;
„Подъ сѣнью Моего креста
„Въ потокѣ радостнаго счастья
„Любовью ихъ душа чиста...
„Мои друзья не славны въ мірѣ...
„Но съ ними Я, они со Мной
„И всѣхъ царей земныхъ въ порфирѣ
„Они счастливѣе душой.

„А ты? о, вижу: ты несчастенъ,
„И ночь царитъ въ душѣ твоей...
„Познай же: твой Спаситель властенъ
„Послать блаженство свѣтлыхъ дней...
„Довольно медлить, сынъ сомнѣнья!
„Отвергни думъ печальный гнетъ!
„Иди за Мной и рай спасенья
„Сквозь тучи бурь къ тебѣ сойдетъ...
И въ зноѣ сладкаго волненья
Онъ молвилъ: „Господи, иду!“
И онъ увидѣлъ путь терпѣнья,
А въ выси Божію звѣзду...

И. С. Прохановъ.

13. Сбрось ярмо.

Въ клѣти сердца молодого
Ты хранилъ зерно добра
И цѣнилъ Господне слово
Выше слитковъ серебра.
А теперь ты-рабъ мамоны,
Ты творишь его законъ,
Золотымъ тельцомъ прельщенный;
И цѣпей я слышу звонъ.
Жизнь твоя, какъ камень, стала,
Жаръ любви къ добру исчезъ;
Лишь взойдя, въ кустахъ завяло
Сѣмя, данное съ небесъ.
Но внемли! звучатъ призывы;
Сбрось ярмо дневныхъ заботъ
И твой духъ, какъ день счастливый,
Новой жизнью расцвѣтетъ.

И. С. Прохановъ.

14. Дума.

Христосъ! Какъ выпупъ драгоцѣнный,
Ты Самъ Себя на муку далъ,
Чтобъ вышелъ міръ изъ цѣпи плѣнной,
Въ невольныхъ узахъ не стоналъ,

Но отчего, земли Спаситель,
Такъ много стонущихъ рабовъ?
Не оттого-ль что міра житель
Такъ любитъ звонъ своихъ оковъ?
Иль даръ Твой чистый, даръ священный,
Твой крестъ любви безсильнымъ сталъ?
Не ждешь ли Ты, чтобъ духъ надменный,
Кто вольной мыслью міръ сковалъ,
Съ слезой раскаянья смиренной
Передъ Твоей любовью палъ?
Надъ тайной мракъ, кругомъ темница..
Но, чуткимъ взоромъ вдаль смотря,
Я вижу: въ тучахъ лучъ искрится,
То занимается заря...
Грядетъ, я знаю, день великій,
Когда земли Твоей концы
Провозгласятъ Тебя Владыкой
И принесутъ къ Тебѣ вѣнцы;
Когда бѣднякъ-ягненокъ будетъ
Со львомъ-тираномъ возлежать;
Когда неволю міръ забудетъ
И перестанетъ воевать;
Когда земля растить не станетъ
Ни терній колкихъ, ни волчцовъ
И къ жизни новой міръ воспрянетъ
Безъ грозныхъ бурь и облаковъ;
Когда свѣтильники свободы
Зажгутся свѣтомъ красоты
И станутъ братьями народы,
А ихъ душою станешь Ты.

И. С. Прохоновъ.

15. Молитва.

Люблю, Спаситель, въ мирной кельѣ
Безмолвно пасть передъ Тобой
И созерцать не рукъ издѣлье —
Твой образъ любящій, живой.

Люблю въ часы благоговѣнья
Подъ терномъ жесткаго вѣнца
Я видѣть кроткій взоръ прощенья
И свѣтъ чарующій лица...
Люблю я видѣть въ униженьи
Величье истины святой
И въ плотскомъ, слабомъ облаченьи
Источникъ жизни міровой.
О, какъ прекрасенъ ликъ Твой чудный!
Кто видѣлъ разъ его душой,
Тому не нуженъ образъ скудный,
Рукой начертанный людской;
Но въ сердцѣ томъ Свое подобье
О, вѣчный Богъ, рисуешь Ты
Въ чертахъ смиренья и беззлобья
Въ цвѣтахъ любви и чистоты!

6 апр. 1895 г.

16. Христіанинъ.

Среди смятенья и рыданій,
Среди потоковъ слезъ людскихъ,
Среди руинъ погибшихъ зданій —
Одинъ лишь онъ спокоенъ, тихъ.

Онъ слышитъ братьевъ скорбныхъ стоны,
Онъ видитъ жертвъ кровавыхъ бѣдъ
И міръ слезами затопленный —
Но онъ не плачетъ, люди, нѣтъ!

Его чело, какъ небо, ясно,
А взоръ свѣтлѣетъ, какъ заря;
Онъ смотритъ въ даль грозы ненастной,
Восторгомъ радостнымъ горя.

Онъ видитъ: къ безднѣ волнъ бѣгущихъ
Простерлась мощная рука,
Чтобъ избавлять пловцовъ зовущихъ,
Чтобъ смолкла слёзная рѣка.

Онъ знаетъ: близокъ день спасенья
И стихнетъ бурь грѣховный адъ;
И, не рыданья,—звуки пѣнья
Міръ обновленный огласятъ.

Его лицо свѣтлѣетъ ясно,
Чтобъ братъ плывущій взоръ поднялъ
И чтобъ, спасенъ рукою властной,
И онъ восторгомъ просіялъ.

Октябрь 1904.
СПБ.

17. Любовь.

Любви святой дыханье
Свѣтъ жизни намъ даетъ
И устъ ея лобзанье
Въ сердца отраду льетъ.
Любовь у колыбели
О счастьѣ намъ поетъ;
Склонившись у постели,
За насъ молитву шлетъ.
Когда гроза съ вѣтрами
Надежду потрясетъ,
Любовь горюетъ съ нами
И помощь намъ несетъ.
Когда нашъ братъ стонаетъ,
Невольный иль больной,
Любовь повелѣваетъ
Намъ жертвовать собой.
Любовь врагамъ внушаетъ
Другъ другу руки дать,
И грѣшныхъ насъ прощаетъ,
И учитъ насъ прощать.
Не въ бурѣ ревнованья,
Не въ облакѣ мечты,
Любовь сильна въ сознаньѣ
Безгрѣшной чистоты.

И рѣчи даръ прекрасный,
И поприще крови,
И подвигъ вѣры властной, —
Все — мусоръ безъ любви.
И знанье увядаетъ,
И солнце дня зайдетъ, —
Любовь не умираетъ,
Одна любовь живетъ.
Любовью міръ несчастный
Возставленъ къ счастью вновь;
Ей ангелы прекрасны;
И вѣчный Богъ — любовь.

И. С. Прохановъ.

18.

I.

Блаженъ, кто въ жизни безмятежной
Ярма неволи не носилъ;
Блаженъ, кто съ молодости нѣжной
Свободу духа сохранилъ;
Блаженъ, кто головы покорной
Предъ силой грубой не склонялъ
И съ лестью жалкою, притворной
Любви своей не расточалъ;
Блаженъ, кто могъ всегда свободно
Сказать, о чемъ онъ помышлялъ
Кто, вѣрный совѣсти природной,
Могъ дѣлать то, что онъ сказалъ.

II.

Но во сто кратъ блаженнѣй духомъ,
Кто въ рабствѣ жизни погибалъ,
Но, внявъ призыву вѣры слухомъ,
Пошелъ и вдругъ свободнымъ сталъ;
Кто отъ суровыхъ узъ плѣненья
Остался съ раненымъ челомъ;
Кто горе лжи и заблужденья

Позналъ мучительнымъ путемъ.
Съ слезою чистой умиленья
Онъ помнитъ прежнюю тюрьму
И гордый духъ превозношенья
Не прикасается къ нему;
Въ немъ пламенѣетъ духъ прощенья
И наболѣвшею душой
Онъ не осудитъ жертвъ паденья,
Но ихъ поддержитъ онъ рукой.
Онъ дастъ имъ слово искупленья
И радость ихъ сольетъ съ своей.
Гдѣ выше въ мірѣ наслажденье?
И есть ли гдѣ восторгъ полнѣй?

Но во сто кратъ блаженнѣй духомъ,
Кто ненавидимымъ трудомъ
Былъ угнетаемъ, какъ недугомъ,
Какъ наказанія крестомъ,
Но кто въ порывѣ обновленья
Воспрянулъ смѣлою душой,
И принялъ трудъ благословленья
На нивѣ жизненной людской;
Кто твердой поступью свободной
За плугомъ радостно пошелъ,
Чтобъ бороздить въ землѣ холодной
И рѣзать толщу лжи и золъ.
И труденъ путь его тернистый
И льется потъ съ его лица,
Но дышетъ онъ надеждой чистой
И счастливъ въ сердцѣ безъ конца.
Вотъ, онъ прорѣжетъ почву нивы,
Посѣетъ правды сѣмена...
А тамъ... колосьевъ переливы
И сборъ завѣтнаго зерна...
И вмѣсто жгучаго упрека
За путь безплодный позади
Волною радости широкой
Забьется все въ его груди.

III.

Но тотъ несчастенъ безконечно,
Кто въ тайникѣ души носилъ
Завѣтъ свободы, правды вѣчной,
Но выше жизни не цѣнилъ;
Кто, искушенію подвластный,
За блескъ мишурный суеты
Отдалъ надежды даръ прекрасный
И даръ сердечной чистоты.
Какъ первородство чечевица,
Свободу блескъ не замѣнитъ
И вотъ, какъ въ пышной клѣткѣ птица.
Онъ объ утратѣ заскорбитъ;
И тайный призракъ осужденья
Пробудитъ горечи струю
И какъ слѣпецъ, лишенный зрѣнья,
Онъ проклянетъ судьбу свою.
Увы! Свободы даръ безцѣнный
Никто ему не возвратитъ
И язвы боли сокровенной
Его никто не исцѣлитъ;
Никто съ чела его не смоетъ
Измѣны страшную печать;
Никто его не успокоитъ
Минувшимъ счастіемъ опять.

И. С. Прохановъ.

19.

Я памятникъ въ себѣ самомъ нерукотворный,
Не самъ воздвигъ себя, но собранъ изъ частей,
Поставленъ силой я какой то животворной
Надъ пропастію тьмы, заполненною ей.
Я памятникъ живой премудрости творенья;
Я памятникъ даровъ богаче серебра,
Пролитыхъ надъ землей рукой долготерпѣнья;
Я памятникъ любви, исполненной добра.

И кѣмъ то вложено во мнѣ изображенье;
И если вихрь тотъ обликъ ясный затемнитъ,
Приходитъ нѣкто и крылами дуновенья
Смываетъ пыль и онъ опять въ лучахъ горитъ.
И вновь на мнѣ сіяютъ Божьи начертанья:
„Воздвигнутъ и омытъ Строителемъ Самимъ!
Пройдетъ земля, пройдетъ и мірозданье
Но будетъ памятникъ Строителемъ хранимъ.

И. С. Прохановъ.

20.

Море тихо, неподвижимо
И свѣтла равнина водъ;
Въ глубинѣ неизмѣримой
Отразился небосводъ.
Море бурное въ движеньѣ,
Волны илъ несутъ со дна;
Ни тѣней, ни отраженья:
Какъ земля, вода темна.
Сердце! Въ часъ любви смиренья
Образъ неба носишь ты;
Но темно ты въ часъ сомнѣнья,
Въ часъ страстей и суеты.

И. С. Прохановъ.

21. Не говори.

„Онъ и въ ангелахъ Своихъ усматриваетъ недостатки". Іов. 4, 18.

Не говори: „души спасенье
Я добрымъ дѣломъ заслужу".
Хотя-бъ ты въ жизни на мгновенье
Не преступилъ добра межу;
Хотя-бъ рукою безупречной
Ты каждый мигъ благотворилъ;
Хотя бы кротостью сердечной
Ты всѣхъ людей превосходилъ;

Хотя-бъ соблюлъ ты всѣ законы,
Весь древній кругъ заповѣдей;
Хотя-бъ, какъ ангелъ вознесенный,
Не вѣдалъ ты людскихъ страстей;
Но все жъ, когда съ горящимъ ликомъ
Придетъ на землю Судія,
Падешь ты въ трепетѣ великомъ
И скажешь: „Боже! Грѣшенъ я!“
На ризахъ ангеловъ небесныхъ
Онъ видитъ признаки тѣней;
Но что-жъ на рубищахъ тѣлесныхъ
Увидитъ взоръ Его очей?

24-го Іюня 1906 г. *И. С. Прохановъ.*

22. То не царь земной...

Написано было: „Іисусъ Назарей Царь Іудейскій“ (Іоан. 19, 19).

То не царь земной въ порфирѣ, —
Въ багряницѣ палачей
Облеченъ, поруганъ въ мірѣ
Царь небесный, Царь царей.

То не царь земной на тронѣ,
На крестѣ среди крестовъ
Истомленъ въ борьбѣ и стонѣ
Царь небесный, Царь міровъ.

То не царь земной въ коронѣ,
То въ вѣнкѣ шиповъ распятъ
Тотъ, Кто славенъ на Сіонѣ,
Кѣмъ концы земли стоятъ.

То не перстни золотые
Съ блескомъ рѣдкостныхъ камней
Гвозди острые, лютые
На рукахъ Царя царей.

То не царь спасенъ изъ плѣна,
То Спаситель Божій Сынъ
Всталъ изъ узъ могилъ и тлѣна
Съ сонмомъ ангельскихъ дружинъ.

То не царь земной съ войсками
Торжествуетъ надъ врагомъ, —
То ликуетъ въ вышнемъ храмѣ
Побѣдитель надъ грѣхомъ.

И. С. Прохановъ.

23. Ты знаешь вѣдь...

Если-бы Я не пришелъ и не говорилъ имъ то не имѣли бы грѣха; а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ. Іоан. 15. 22.

Ты знаешь вѣдь: „Христостъ Спаситель
Былъ за грѣхи твои казненъ“;
И все же ты, грѣху служитель,
Дѣлами плоти увлеченъ.
Несчастный, взглянь: творя пороки,
Казнишь ты Бога своего;
Не дрогнешь ли, палачъ жестокій,
При видѣ ранъ чела Его?
За грѣшныхъ, кто Христа казнили,
Молился Онъ, любви Пророкъ;
Но тѣ, невѣдая, грѣшили,
А ты, познавъ... творишь порокъ...
Онъ ихъ простилъ любовью вѣчной...
И... можетъ быть, тебя проститъ...
Но не падешь ли, безсердечный,
Когда „прощаю!“ прозвучитъ?..
Не будутъ ли Его даянья
Твой умъ во вѣки сожигать
И рай души въ очагъ страданья
И въ бездну муки обращать?

И. С. Прохановъ.

24. Вождь народа.

О, еслибъ всѣ въ народѣ Господнемъ
были пророками! Числ. 11. 29.

Съ печатью ужаса на ликѣ
Къ пророку отрокъ прибѣжалъ:
О, Моисей, пророкъ великій,
Глашатай Божескихъ началъ!
Ты вѣнчанъ властію Іеговой,
Тебя избралъ отъ вѣка Онъ
Вѣщать пророческое слово
И открывать Его законъ.
При свѣтѣ яркомъ съ небосвода
Ты далъ ту власть своимъ вождямъ;
Но вотъ... два мужа изъ народа
Теперь пророчествуютъ намъ...
На власть твою посягновенье
Ты-ль не накажешь о пророкъ?
Скажи имъ Божье повелѣнье
И запрети рѣчей потокъ!"
Въ тотъ мигъ пророкъ въ лучахъ захода
Возсталъ съ сіяніемъ лица:
„О, еслибъ всѣ сыны народа
Были пророками Творца
О, еслибъ тѣни фараона
Израиль вѣчно позабылъ
И вѣсти новаго закона
Сердца свободныя открылъ!
О, еслибъ съ неба Духъ Могучій
Сошелъ, какъ сладкій ураганъ
И пролилъ рѣки жизни лучшей
Въ шатры моихъ израильтянъ!
О, еслибъ всѣ сыны завѣта,
Познавъ свободу вѣчныхъ словъ,
Вѣщали небо безъ запрета
Въ свободѣ Божіихъ сыновъ!
Тогда бы, равный среди равныхъ,

Я бремя власти позабылъ
И безъ тревогъ въ собраньяхъ славныхъ
Іегову съ братьями хвалилъ".

27-го авг. 1906 г. *И. С. Прохановъ.*

25. „Мы запретили".

И говорятъ: „Благой учитель!
Въ пути мы встрѣтились съ однимъ,
Кто врачевалъ, какъ исцѣлитель,
Взывая именемъ Твоимъ.

Онъ былъ одинъ, онъ не былъ съ нами;
Послушный вольному уму,
Своими овъ ходилъ путями...
И запретили мы ему".

Они не радость прочитали
Во взглядѣ Вождя своего;
Лучъ сожалѣнья и печали
Зажжется на лицѣ Его.

„Мой духъ не знаетъ ревнованья,
Ни горькихъ чувствъ, ни мысли злой;
Не врагъ онъ добраго дѣянья,
Свершеннаго чужой рукой.

Мой духъ—духъ свѣта и свободы;
Онъ не несетъ съ собой ярма;
Онъ не тѣснитъ людской природы
Въ угоду чуждаго ума.

Онъ не мертвитъ побѣговъ хлѣба,
Гдѣ-бъ въ полѣ ни росли они;
Имъ созданы созвѣздья неба
И одинокіе огни.

О, еслибъ знали вы Духъ Божій,
Огонь бы въ васъ любви горѣлъ;
Вы были-бъ на Него похожи,
Идя на встрѣчу добрыхъ дѣлъ.

Чужды запретовъ, вы-бъ взывали
О томъ, чтобъ искорки добра
Подъ пепломъ зла не угасали,
Но разрослись въ огонь костра".

Вы-бъ знали: грозными словами
Духъ Божій угасить нельзя,
Что кто не противъ насъ, тотъ съ нами,
Что тѣ намъ братья и друзья"—

Ноябрь 1904 г.
СПБ.

26. Дума.

Я вѣрю: если кто повѣритъ свято,
Что въ міръ любимый до зари временъ
Богъ отдалъ на смерть Сына, людямъ брата,—
Кто вѣритъ такъ, тотъ будетъ Имъ спасенъ.

Я вѣрю въ то, что въ безднѣ преисподней
Нѣтъ темныхъ силъ, могущикъ похитить
Овецъ Христовыхъ изъ руки Господней
Иль душамъ Имъ спасеннымъ повредить...

Но, Боже мой! Передъ смущеннымъ окомъ
Мильоны душъ, и ихъ не перечесть—
Живутъ вѣка въ невѣдѣньи глубокомъ
И имъ чужда Твоя благая вѣсть.

Ихъ души въ міръ приходятъ и уходятъ,
Не слыша имени Спасителя людей;
Онѣ томятся тьмой, но свѣта не находятъ;
Молясь свободѣ, стонутъ отъ цѣпей...

И даже—какъ ужасенъ мракъ!—Желая
Спасенья и молясь о томъ съ слезой,
Онѣ хулятъ Того, Кто, умирая,
Горѣлъ за нихъ любовью и мольбой...

О, неужель тѣ жертвы тьмы, незнанья
Тобой отвергнуты и въ адъ осуждены?
О, неужель такъ строго наказанье
За зло людьми несознанной вины?

Ты справедливъ въ судѣ, казня пороки,
Но вѣрю я, Ты—вѣчный Богъ любви;
И ненапрасно за ихъ мракъ глубокій
Неслась молитва пролитой крови.

Я вѣрю: путь одинъ къ добру ведущій,
И вѣрю: Ты, хотящій міръ спасти,
Богъ любящій, но также Всемогущій,
Спасешь и тѣхъ, кто не нашли пути...

Ноябрь 1904 г.
СПБ.

27.

Ты говоришь: борьба стихій законна,
Что праведенъ племенъ кровавый споръ,
Что въ буряхъ смерти—въ войнахъ нѣтъ урона,
Что благу служатъ распри и раздоръ

Взгляни на небо: по кругамъ вращенья
Несутся тамъ созвѣздія міровъ
И тѣхъ планетъ другъ къ другу тяготѣнье—
Основа бытія, пространства и вѣковъ.

Взглянь на Христа: изъ-подъ вѣтвей терновыхъ
Съ креста, гдѣ лилась праведная кровь,

Въ лучахъ живительныхъ и вѣчно новыхъ
Сіяетъ слово дивное: „любовь!“

Любовь—отъ сердца къ сердцу тяготѣнье,
Союзъ Творца и духовъ, и людей;
Любовь Самъ Богъ, душа творенья,
Источникъ благъ и солнце нашихъ дней...

Не вѣдая, вращался міръ съ землею,
Не вѣря, люди по любви живутъ;
Невидима иль распята толпою,
Любовь свершаетъ свой великій трудъ.

Она зоветъ враговъ къ работѣ дружной;
Предъ ней смолкаютъ вѣстники борьбы,
Предъ ней стихаетъ ураганъ ненужный
И сходитъ вѣкъ покоя и мольбы.

Ноябрь 1904 г.
СПБ.

28.

Есть два дивныхъ чуда въ мірѣ:
Хоры звѣздъ на небесахъ,
Вѣчно блещущихъ въ эфирѣ,
И законъ Христа въ сердцахъ.

Тамъ на небѣ въ сѣти млечной
Меркнутъ звѣздныя стада;
Но законъ любви предвѣчной
Не погаснетъ никогда.

Тѣхъ чудесъ ума старанья
Объяснить намъ не могли;
Но какъ сладко ихъ сіянье
Среди сумерковъ земли!

Ноябрь 1904 г.
СПБ.

И. С. Прохановъ.

29.

Какъ солнечный лучъ одѣянья снѣговъ
На горныхъ вершинахъ въ ручьи обрашаетъ
И ими обширныя степи питаетъ,
Такъ чудная сила Евангельскихъ словъ
Въ холодную, скорбную грудь проникая,
Надеждой и вѣрой ее согрѣваетъ,
Потокъ вдохновенной любви пробуждаетъ
И духъ обновляетъ, спасая...
И міръ оглашается пѣснью живою,
Зовущей всѣ души къ мольбѣ и покою...

И. С. Прохановъ.

30.

Была пора: подъ сѣнью рая
Жилъ родъ людской—одна чета;
Въ любви Творца жизнь молодая
Текла, какъ сладкая мечта.

Духъ своеволья, духъ роптанья
Надъ раемъ пышнымъ пролеталъ
И ликъ Творца, Его сіянье
Онъ въ кущахъ рая увидалъ.

И онъ померкъ; и планъ лукавый
Задумалъ онъ въ душѣ своей:
И человѣка съ Богомъ славы
Разъединилъ губитель-змѣй.

Была пора: вдали отъ рая
Жилъ родъ людской—одна семья—
Въ любви другъ съ другомъ, вспоминая
Блаженство райскаго житья.

Союзъ ихъ былъ—одно страданье,
И крестъ одинъ въ одной судьбѣ;

Ихъ мысль была: изъ тьмы изгнанья
Не допускать врага къ себѣ.

Духъ своеволья, духъ роптанья
Надъ міромъ падшимъ пролеталъ
И родъ людской съ клеймомъ страданья
Вдали отъ рая увидалъ...

И тамъ на высотѣ пустынной
Онъ мыслилъ съ грустью: „родъ людской,
Враждебный мнѣ, въ любви единый
Не дастъ мнѣ власти надъ землей“...

И новый замыселъ откованъ:
И убиваетъ брата братъ;
Съ тѣхъ поръ міръ адомъ завоеванъ
И бурею борьбы объятъ...

Съ тѣхъ поръ міръ гнѣвомъ пламенѣетъ,
На брата братъ идетъ войной,
А духъ мятежный кривду сѣетъ
Надъ ихъ несчастною землей...

5 декабря 1904 г.
СПБ.

31. Два варіанта къ стихамъ графа А. К. Толстого.

Господь, меня готовя къ бою...

I.

Господь, меня готовя къ бою,
Огонь любви вложилъ мнѣ въ грудь
И вѣры силою святою
Благословилъ на трудный путь.
Онъ звалъ меня могучимъ словомъ
На подвигъ въ мѣрѣ моихъ силъ;
Но не преклоннымъ и суровымъ
Меня Господь не сотворилъ.

Ударъ я вынесъ за ударомъ,
Передъ врагомъ не отступилъ,
Но мощь свою истратилъ даромъ
И подвига не совершилъ.
Налетомъ мнѣ враждебной вьюги
Даю отпоръ, но устаю...
Я вышелъ въ поле безъ колчуги
И гибну раненый въ бою.

1887 г. Январь.

II.

Я задремалъ главу понуря...

Я духомъ палъ, поникъ главою
И прежнихъ силъ не узнаю;
Дохни, Господь, тепла струею
На душу скорбную мою.

Какъ знакъ призыва надо мною
Лучъ яркій солнца засвѣти,
Сожги имъ ржавчину покоя
И мглу унынія смети.

Да встану я, вновь озаренный
Сіяньемъ благости Твоей,
Почуявъ миръ души смятенной
И силу дѣлъ въ рукѣ моей.

1887 г. Январь. *Графъ П. А. Валуевъ.*
В. И. 1802. Т. 14. № 26.

32. Молитва.

Спаси меня, Господь! Затмился надо мною
Твоихъ святыхъ небесъ лазоревый покровъ.
Просвѣта нѣтъ; гроза находитъ за грозою,
И между грозъ, отъ мглы нависшихъ облаковъ
На все вокругъ меня ложится тѣнь сѣдая.
Гнетущею тоской я день и ночь томимъ.

То съ бурею въ борьбѣ, то бурю ожидая,
Я вѣрою одной въ Тебя, Господь, хранимъ.
Господь, храни меня!

Спаси меня, Господь! Таинственную силу
Той вѣры до конца даруй душѣ моей,
Пока я не свершу пути, пока въ могилу
Я не сложу съ земною жизнію своей
Все то, чѣмъ нѣкогда Ты далъ ей озариться,
Что я считалъ моимъ, о чемъ Тебя молилъ,
Что Ты мнѣ далъ любить, и далъ къ чему стремиться
Чѣмъ испыталъ меня и чѣмъ благословилъ.
Господь, веди меня!

Спаси меня, Господь! Трудна была дорога;
Борьба съ преградами, ненастье, близость бѣдъ,
И сердца чуткаго немолчная тревога
Мой утомили духъ. На прошлой жизни слѣдъ
Въ раздумьи тягостномъ смотрю усталымъ взоромъ.
Воспоминаній рядъ проходитъ предо мной—
И больно мнѣ, когда они звучатъ укоромъ,
И грустно мнѣ, когда я слышу звукъ другой.
Господь, прости меня!

1887 г. Январь. *Гр. Н. А. Валуевъ.*
В. И. 1892. Т. 15. № 8.

33. Радуга.

Явится радуга и Я вспомню
Мой завѣтъ. Быт. 9, 14–15.

Еще надъ грѣшною землею
Покровъ недавнихъ каръ висѣлъ;
И громоздясь кругомъ горою
Еще лежали груды тѣлъ;
Еще не высохли долины
Отъ водъ, бѣжавшихъ сорокъ дней;
Еще какъ будто селъ руины
Стонъ погибавшихъ потрясалъ,
И вотъ сіяющей дугою
На небѣ радуга зажглась;

То—миръ творилъ Творецъ съ землею,
Въ ней рѣчь любви къ землѣ лилась;
„Отнынѣ, полный сожалѣнья
Даю завѣтъ вамъ, грѣшный людъ:
Виновный міръ за согрѣшенья
Ужъ больше воды не зальютъ!“

Господь! вотъ надъ землей родною
Потокъ несется смутныхъ дней;
Явись съ побѣдной красотою
Предвѣчной милости своей.
Огонь вражды, раздоръ несущій
Могучимъ словомъ угаси
И радугу любви грядущей
Зажги надъ нивами Руси.

И. С. Прохановъ.

34.

Покрытый ранами, поверженный во прахъ,
Лежалъ я при пути въ томленьѣ и слезахъ
И думалъ про себя въ тоскѣ невыразимой:
О гдѣ моя родня? гдѣ близкій, гдѣ любимый?

И много мимо шло. Но чтожь никто изъ нихъ
Не думалъ облегчить тяжелыхъ ранъ моихъ;
Иной бы и желалъ, да вдаль его манила
Житейской суеты губительная сила:

Иныхъ пугалъ видъ ранъ и мой тяжелый стонъ.
Ужъ мной овладѣвалъ холодной смерти сонъ;
Ужъ на устахъ моихъ стенанья замирали,
Въ тускнѣющихъ глазахъ ужъ слезы застывали

Но вотъ пришелъ одинъ, склонился надо мной
И слезы мнѣ отеръ спасительной рукой.
Онъ былъ невѣдомъ мнѣ, но полнъ святой любовью.
Текущею изъ ранъ не погнушался кровью.

Онъ взялъ меня съ собой и помогалъ мнѣ самъ
И лилъ на раны мнѣ цѣлительный бальзамъ.
И голосъ мнѣ сказалъ, въ душѣ неотразимый:
„Вотъ, кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый".

Ю. Жадовская.

35.

Среди нужды, среди лишенья,
Среди страданья и тоски
Отрадно вѣрить въ смыслъ ученья,
Что человѣкъ лишь гость земли.
Что здѣсь въ странѣ невзгодъ, ненастья
На мѣстѣ плача и скорбей
Безумны поиски всѣ счастья,
Смѣшны желанья ясныхъ дней.
Но что за рядомъ испытаній,
Надеждъ обманутыхъ и мукъ,
Есть міръ иной—міръ упованій,
Гдѣ успокоится нашъ духъ.
Лишь тамъ въ обители небесной
Свое блаженство онъ найдетъ,
Лишь тамъ при звукахъ райской пѣсни
Задачу горя онъ пойметъ.

Н. В. Т.

36.

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали: порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой
И птицъ, изъ окрестныхъ степей прилетая,
На нихъ налетаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучемъ изсушило.

Средь тернія пало иное зерно
И въ терніи дикомъ заглохло оно.
Напрасно шелъ дождь и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росою:
Одинъ за другими проходятъ года—
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода;
Но въ добрую землю упавшее сѣмя—
Какъ жатвы настанетъ урочное время,
Готовя стократно умноженный плодъ,
Высоко и быстро, и сильно ростетъ
И блещетъ красою, и жизнію дышетъ.
Имѣющій уши, чтобъ слышать—да слышитъ!

Жемчужниковъ.

37.

Научи меня, Боже, любить
Всѣмъ умомъ Тебя, всѣмъ помышленьемъ,
Чтобъ и душу Тебѣ посвятить,
И всю жизнь съ каждымъ сердца біеньемъ.
Научи ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю:
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.
Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
Ты своею пречистою кровью—
Безкорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

К. Р.

38.

Молись въ день радужнаго счастья,
Предъ труднымъ подвигомъ молись!
Молись, когда грозитъ несчастье,
Когда смущаешься, молись!
Молись, когда обиду сносишь,
Когда въ опасности, молись!

Молись, когда за милыхъ просишь,
За злаго недруга молись!
Молись, когда слабѣютъ силы,
Когда возносишься—молись!
Молись у дорогой могилы,
За жизнь рожденную молись!
Молись въ минуту искушенья,
Коль побѣдилъ себя—молись!
Молись въ печальное мгновенье,—
Чтобъ Богъ простилъ тебя—молись!

39.

Надѣйся на Бога, дитя дорогое!
На милость Его уповай
И дѣтскаго сердца моленье простое
Съ надеждой къ Нему возсылай.
Лишь въ утреннемъ небѣ заря загорится,
Смиренно колѣна склони.
Съ Тобой—мой Спаситель: мы станемъ молиться
Источнику вѣчной любви.
Молиться мы станемъ душей умиленной,
Чтобъ міръ Онъ крыломъ осѣнилъ
И чтобъ всемогущій Создатель вселенной
Насъ грѣшныхъ, ничтожныхъ простилъ.

40.

Хвали Творца, лишь день начнется!
Хвали, когда земля проснется!
Съ восходомъ солнечнымъ хвали!
Хвалу пріемлетъ Богъ любви.
Хвали Творца за все созданье;
При пѣньѣ птицъ и щебетаньѣ
Съ ихъ общимъ хоромъ слей свой духъ!
Богъ близко, Божій всюду слухъ.
Хвали Творца, какъ полдень свѣтитъ.
Хвали и ночью, Онъ замѣтитъ

И въ ночь, и въ день твой чистый даръ
Молитвы шепотъ, сердца жаръ.

41.

Счастлива та семья, гдѣ Богъ живетъ,
Гдѣ за одно сердца любовью бьются,
Гдѣ за одно молитвы всѣхъ несутся
И въ небо всѣхъ душа влечетъ.
Счастлива та семья, гдѣ имя драгоцѣнно
Христа для каждаго изъ нихъ
И дѣти съ радостью священной
Поютъ о Немъ въ кругу родныхъ.
Счастлива та семья, гдѣ молятся всечасно,
Гдѣ слово Божіе хотятъ любить
И жизнію святою и прекрасной
Для Бога вѣчнаго служить.

42.

Господь! Ты этотъ день мнѣ подарилъ,
Отъ бѣдъ и золъ меня хранилъ;

О, будь же Ты и въ тьмѣ ночной
Съ Твоей любовью надо мной.

Отецъ! Тебѣ я отдаю себя,
Я буду спать, но Ты храни меня.

И малыхъ, и большихъ, всѣхъ Богъ насъ стережетъ —
Вотъ отчего я сплю безъ страха и заботъ.

43.

Христосъ тебя ради до яслей смирился,
Смотри, не гордишься-ль, не высишься-ли ты?
Христосъ для тебя же былъ нищъ, умалился,
А ты не клеймишь ли стыдомъ нищеты?

Всѣ ужасы смерти, всѣ виды позора
Христосъ для спасенья подъялъ твоего;
Ты-жъ брату одежду иль хлѣбъ безъ укора,
Смотри, подаешь ли во имя Его?
Христосъ былъ распятъ и прощалъ, и молился,
А ты не спѣшишь ли врагамъ отомстить?
Христосъ заушеній принять не стыдился,
А ты не стыдишься-ль обиды простить?
О нашихъ паденьяхъ Онъ плакалъ, страдая;
Свои согрѣшенья оплакивалъ ты?
Терновый вѣнецъ Онъ носилъ, умирая,
А ты наслажденій не рвешь ли цвѣты?
Христосъ и гоненья, и трудъ, и напасти,
И крестъ тебя ради съ любовью понесъ;
А ты Его ради попралъ ли хоть страсти?
Въ тебѣ воцарился ли Царь твой, Христосъ?

44.

Христосъ воскресъ! Воскресъ Мессія!
Распятый на крестѣ воскресъ!
Опять звучатъ слова святыя,
Какъ будто съ высоты небесъ.
Христосъ воскресъ! Любовь, прощенье
Всему Онъ міру завѣщалъ;
И умеръ Онъ за насъ въ мученьѣ,
И воскресеньемъ смерть попралъ.
Христосъ воскресъ! Сегодня, братья,
Забудемъ въ сердцѣ мы себя,
Раскроемъ братскія объятья
Для ближнихъ, вѣря и любя!

45.

Христосъ воскресъ! Благіе очи
На насъ съ любовію глядятъ
И въ темнотѣ житейской ночи,
Какъ солнце истины горятъ...

Христосъ воскресъ! Та вѣсть благая
Слетѣла нынѣ къ намъ съ небесъ
И мы обиды всѣмъ прощая,
Воскликнемъ всѣ: „Христосъ воскресъ!

Ивановъ.

46.

Молись, дитя! Сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготитъ;
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ.
Молись, дитя! Тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ духовъ
И капли словъ твоихъ считаетъ
И отвѣчать тебѣ готовъ.
И вѣрь, дитя! Христосъ Спаситель
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель
Къ престолу Бога отнесетъ.
Молись же чистыми устами
И дай Богъ въ пору позднихъ лѣтъ
Такими-жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ.
Приникни съ жаркими слезами
Къ Христу Спасителю земли;
Ты примиришься съ небесами
И съ Богомъ въ радостной любви.
И вновь тогда изъ райской сѣни
Къ тебѣ Спаситель твой придетъ
И за склонившаго колѣни
Молитву Богу вознесетъ.

Никитинъ.

47.

Безгрѣшнаго Христа распяли іудеи,
Распяли грѣшники, убійцы и злодѣи—
Но вотъ свершилось чудо изъ чудесъ:
Христосъ воскресъ!

Онъ вѣчный, какъ Отецъ, и Божій сынъ отъ вѣка
Воспринялъ на себя страданья человѣка;
Чтобъ грѣшниковъ спасти, Онъ снизошелъ съ небесъ
И умеръ, и воскресъ.
Христосъ законъ свободы людямъ проповѣдалъ
И ближняго любить, какъ брата, заповѣдалъ;
Прощеніе и миръ на землю Онъ принесъ —
Спаситель и Христосъ.
Воскликнемъ же, прослушавъ рядъ воспоминаній
За насъ Имъ принятыхъ мучительныхъ страданій
Воскликнемъ, позабывъ минуты слезъ:
Христосъ воскресъ!

48.

Не въ колесницѣ Иліи,
Не съ грознымъ жезломъ Моисея
И не гремя и пламенѣя
По искрометному пути,
Но съ мирнымъ отблескомъ зари
Вознесся въ горнюю обитель
Вѣнчанный терніемъ Учитель
Смиренья, кротости, любви.
Священный образъ въ небесахъ
Вечерней звѣздочкой свѣтился;
Вѣдь Онъ и въ грѣшный міръ явился
Не съ грознымъ знаменемъ въ рукахъ
Не для отмщенія въ крови,
Но для страданья и терпѣнья,
Для всепобѣднаго смиренья
И всеобъемлющей любви...

С. Б—въ.

49.

О Боже! съ пламеннымъ моленьемъ
Я возношусь къ Тебѣ душой;
Дай мнѣ покорность и терпѣнье
И просвѣти разсудокъ мой!

Мы во Христѣ родныя братья —
Я слышу, люди говорятъ,
Но ихъ холодныя объятья
Мнѣ умъ и сердце леденятъ.
Душа томится и порою
Такъ жадно просится любить
Но, Боже, грустнымъ сиротою
Я долженъ жизнь свою влачить.
Кто въ жизни правый путь укажетъ?
Кто отъ злословья защититъ?
Кто отъ души мнѣ правду скажетъ?
Отъ заблужденья сохранитъ?
И слабну духомъ я въ страданьѣ;
Прости, о Боже, ропотъ мой,
Пошли мнѣ въ душу упованье
И чистой вѣры лучъ святой!
И я въ смиреніи глубокомъ
Отраду чистую найду
И съ наслажденіемъ высокимъ
Путемъ назначеннымъ пойду.

50.

Услышь, Христосъ, мое моленье,
Мой духъ Собою озари
И сердца бурнаго волненье,
Какъ зыбь морскую, усмири.
Тебѣ во слѣдъ идти готовый,
Молю, чтобъ духъ мой подкрѣпилъ;
Хочу носить вѣнецъ терновый,
Ты Самъ, Христосъ, его носилъ.
Тревожной совѣсти угрозы
О, Милосердный, успокой;
Ты видишъ покаянья слезы:
Молю, не вниди въ судъ со мной.
О дай, чтобъ вѣрою святою
Разсѣялъ я туманъ страстей

И чтобъ смиренною душою
Прощалъ врагамъ, любилъ друзей;

Чтобъ лучъ отрадный упованья
Всегда мнѣ въ сердце цроникалъ,
Чтобъ помнилъ я благодѣянья
И чтобъ обиды забывалъ.

Козловъ.

51.

О, Боже мой! Благодарю
За то, что далъ моимъ очамъ
Ты видѣть міръ—Твой вѣчный храмъ
И землю, небо и зарю...

Вездѣ я чувствую, вездѣ
Тебя, Господь, въ ночной тиши
И въ отдаленнѣйшей звѣздѣ,
И въ глубинѣ моей души.

Пока живу—Тебѣ молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой;
Когда умру, съ Тобой сольюсь,
Какъ звѣзды съ утренней зарей.

Хочу, чтобъ жизнь моя была
Тебѣ немолчная хвала;
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть—благодарю.

Мережковскій.

52.

Намъ жизнь дана, чтобы любить,
Любить безъ мѣры, безъ предѣла,
И всѣмъ страдальцамъ посвятить
Свой разумъ, кровь свою и тѣло.

Намъ жизнь дана, чтобъ утѣшать
Униженныхъ и оскорбленныхъ

И согрѣвать, и насыщать
Увѣчныхъ, слабыхъ и бездомныхъ.

Намъ жизнь дана, чтобъ до конца
Бороться съ тьмой, бороться съ ложью
И сѣять въ братскія сердца
Одну святую правду Божью.

А правда въ томъ, чтобы любить,
Любить безъ мѣры, безъ предѣла
И всѣмъ страдальцамъ посвятить
Свой разумъ, кровь свою и тѣло.

В. И. 1891. Т. II, № 316. *Горбуновъ-Посадовъ.*

53. Жизнь.

Жизнь—вѣчный трудъ! а много-ль благъ
Она работникамъ даетъ?
Борьбой отмѣченъ каждый шагъ,
И всюду зло, ужасный врагъ,
Ревниво смертныхъ стережетъ,
Мѣшая имъ вступить на путь
Единства, честности, добра,
Гдѣ-бъ, наконецъ, свободно грудь
Могла, несчастная, вздохнуть
Въ часы желаннаго утра!
Милѣе темной силѣ ночь
Съ ея густою пеленой!
О, люди, какъ бѣдѣ помочь,
Уйти изъ мрака къ свѣту прочь,—
Какъ обновиться намъ душой,
Чтобъ наши добрыя дѣла
Потомкамъ принесли плоды,
Исчезла нравственная мгла,
Пора унылая прошла
Гнетущей, роковой нужды;

Чтобъ не вставалъ на брата братъ
Съ лукавствомъ дьявольскимъ подчасъ
Иль дикой злобою объятъ;
Чтобъ не заманивалъ развратъ
Въ свой безобразный омутъ насъ?
О, еслибъ правда и любовь
Міръ Божій возродить могли,—
И смолкъ проклятый звонъ оковъ,
И не струилась больше кровь
Изъ ранъ страдающей Земли.

Вс. И. Т. XXVI. № 13. *Кіевскій.*

54. Моя вѣра.

Я знаю, въ Кого увѣрова
2 Тим. 1. 12.

Я вѣрю въ Бога тріединаго,
Начало и конецъ причиннаго;
Я вѣрю въ Бога всемогущаго,
Вседобраго и вездѣсущаго;
Я вѣрю въ Бога, днями вѣчнаго,
Святого, царствомъ безконечнаго;
Въ Отца я вѣрю, все начавшаго,
Бытье земли, небесъ создавшаго,
Невидимое основавшаго,
Духъ жизни видимому давшаго;
Въ Отца я вѣрю Вседержителя,
Судебъ живущаго Правителя;
Я вѣрю въ Сына всесвободнаго
И у Отца Единороднаго,
Не сотвореннаго, рожденнаго,
Какъ свѣтъ отъ свѣта Имъ зажженнаго,
Отцу Своей природой равнаго
И силой творческой съ Нимъ славнаго.
Сынъ Божій прежде былъ созданія,
Отца Онъ образъ и сіяніе.
Я вѣрю въ Сына Божья, взятаго
Во дни Пилата и распятаго,

Умершаго и погребеннаго,
За грѣхъ созданья осужденнаго.
Онъ умеръ за меня преступника
И я имѣю отъ заступника,
Какъ даръ, жизнь вѣчную, нетлѣнную;
Его я кровью драгоцѣнною
Искупленъ; даромъ благодати я
Спасенъ отъ ада и проклятія.
Въ день третій, вѣрю по писанію,
Воскресъ въ мое Онъ оправданіе.
Я вѣрю въ Сына, въ небо вшедшаго
При вознесеньи и возсѣдшаго
По правой сторонѣ Всезрящаго
Отца и съ Нимъ теперь царящаго;
Я вѣрю въ Сына вновь грядущаго
Со славою и въ міръ несущаго
Судъ для живыхъ и мертвыхъ; склонится
Предъ Нимъ всякъ; правда узаконится;
Его же царству ликованія
Не будетъ въ вѣки окончанія;
Я вѣрую въ животворящаго
Святого Духа, исходящаго
Отъ Сына и Отца, хвалимаго
Съ Отцомъ и Сыномъ недѣлимаго
Во славѣ, въ древнихъ говорившаго,
Тварь новую въ насъ сотворившаго;
Я вѣрю въ Церковь, какъ духовное
Христово тѣло; въ ней верховное
Христово совершенство явлено
И имъ, Главой, она прославлена.
И всѣ, чей путь сокрытъ въ Спасителѣ,
Какой бы не были обители,
Лишь сердцемъ на Христа похожіе
Суть члены Церкви вѣчной Божіей.
Я исповѣдую крещеніе
Въ Христову смерть и погребеніе,
Свершаемое возрожденными
Отъ Духа, вѣрою спасенными,

Какъ знакъ для міра умиранія
И Божьей волѣ послушанія.
Я чаю мертвыхъ воскресенія
И жизни будущей спасенія.

И. С. Прохановъ.

55. Голгофа.

Я до утра читалъ божественную повѣсть
О мукахъ Господа и таинствахъ любви,
И негодующая совѣсть
Терзала помыслы мои...
Чего мы ждемъ еще, какого откровенья?
Не поданъ ли съ креста спасительный примѣръ?
Зачѣмъ же прячешь ты подъ маскою сомнѣнья
Клеймо порока, лицемѣръ?
„Вождя!—взывалъ ты,—„учителя, пророка,
Я жажду истины,—о, скоро ли разсвѣтъ?“...
Но ежели звѣзда затеплится съ востока,
Пойдешь ли ты за мной вослѣдъ?

Пойдешь ли ты вослѣдъ со смирною и златомъ
Затеплишь ли Царю кадильные огни?
И, если станетъ Онъ на судъ передъ Пилатомъ,
Не закричишь ли ты: „Распни Его, распни!“
О, жалкій фарисей! Въ источникъ утѣшенья,
Въ родникъ цѣлительной божественной любви,
Ты мечешь яростно каменья
И стрѣлы жгучія свои!
И въ каждый мигъ Христа ты предаешь, какъ прежде,
Бичуешь подъ покровомъ тьмы
И въ окровавленной одеждѣ
Поешь кощунственно псалмы...
Разбей же, Господи, негодные сосуды,
Какъ пыль съ одеждъ, стряхни предательскую сѣть.
И на лобзаніе Іуды
Лобзаньемъ пламеннымъ отвѣть.

(Прил. къ журн. Отдыхъ Христ.). *К. Льдовъ.*

56. „Покайтеся!..“

Покайтеся, дѣти порока,—
Убійца, грабитель и тать,—
Ты—падшая такъ же глубоко
Дѣтей позабывшая мать!..
Покайтеся, братья обмана,
Холопы коварной вражды;
Вы—сердцемъ увядшіе рано
Вечернія жертвы нужды!..
Покайтеся, други разврата,
Погрязшіе въ безднѣ страстей,
И ты—подкупающій брата
Соблазна цѣной, фарисей!..
Покайтеся слуги наживы,
Вы—роскоши праздной рабы—
И всѣ, кто не въ мѣру кичливы
Щедротами властной судьбы!..
Покайтеся, Каины слова,—
Предатель и льстецъ-клеветникъ,
Завистники счастья людского,
Чей лживъ и продаженъ языкъ!..
Покайтесь, преступныя жены
Невѣрные кайтесь мужья;
Покайся, поправшій законы,
Неправедный преторъ—судья!..
Покайтеся вы, лицемѣры—
Жестокіе втайнѣ ханжи,
Прикрывшіе святостью вѣры
Весь ужасъ растлѣнья и лжи!..
Покайтеся, черствыя души,
Холодныя кайтесь сердца,
Вы—люди, имѣвшіе уши,
Глухіе къ завѣтамъ Творца!.,
Покайтесь, питомцы разлада
Вносящіе рознью своей
Отраву змѣинаго яда
Въ стремленья враговъ и друзей!..

Покайтеся!.. только не словомъ,
Покайтеся всею душой,
Вѣнцомъ увѣнчайтесь терновымъ,
Распните свой грѣхъ роковой!..

Аполлонъ Коринѳскій

57. Евангеліе.

Читая вѣчныя, священныя страницы,
Переношусь я мыслью въ край иной:
Передо мной встаютъ Божественныя лица
И слышится мнѣ голосъ ихъ святой.
И думъ исполненный высокихъ и чудесныхъ
Я горячѣй молюсь и слезы лью
И мудрости земной предъ мудростью небесной
Печальную ничтожность познаю.

Ф. Пестряковъ.

58.

Когда смущаетъ сердце страхъ
Упрекомъ совѣсти тревожной,

Спѣши упасть предъ Богомъ въ прахъ
Съ слезой раскаянья неложной.

Припомни кроткій взоръ Христа
Въ тотъ мигъ, какъ Онъ въ вѣнцѣ терновомъ
За насъ истерзанный съ креста

Молилъ Отца смиреннымъ словомъ
Убійцамъ злобнымъ грѣхъ простить.

И вѣрь, Онъ хочетъ искупить
Твой грѣхъ по благости безмѣрной,

Лишь только дай нелицемѣрно
Обѣтъ законъ Его хранить.

С. Анненковъ.

59.

Господь! Мольбѣ моей смиренной
Съ высотъ небесъ Твоихъ внемли
И мира для души смущенной
Мнѣ дуновенье ниспошли.
Какъ хартія, передъ Тобою
Раскрыта повѣсть моихъ дней:
Давно туманной пеленою
Думъ тяжкихъ тѣнь лежитъ на ней;
Давно мнѣ чудится невольно,
Что новая печаль близка
И умъ въ тискахъ и сердцу больно
И скорбью связана рука.
Я не ропщу, Господь, я знаю,
Что я виновенъ предъ Тобой,
Но я молюсь, я уповаю,
Судъ милостивъ мнѣ будетъ Твой.
Да даромъ благости верховной
Земная явится печаль...
Принять ее душой покорной
Велитъ священная скрижаль.
Не радостей земныхъ на время
Прошу, Господь, чтобъ отдохнуть:
На мигъ забыть-бы только бремя
И разъ свободно лишь вздохнуть.

Гр. П. А. Валуевъ.

60.

Есть чувство святое въ душѣ человѣка;
То чувство съ надеждой и вѣрой Христосъ,
Чтобъ горе утѣшить, чтобъ радость удвоить
Грѣховному міру съ Собою принесъ.

Онъ въ мірѣ то чувство Божественнымъ словомъ
Очистилъ и кровью Своею омылъ

И смертному въ душу, какъ неба святыню,
Хранить заповѣдавъ, то чувство вложилъ.

То чувство Божественной властью
Смиряетъ въ насъ страсти и съ Богомъ миритъ
И будто бы съ братомъ—съ врагомъ ненавистнымъ
Не помня обиды, встрѣчаться велитъ.

Оно отираетъ несчастному слезы
Отраднымъ участьемъ и словомъ благимъ
И съ свѣтлой надеждой, и съ вѣрою теплой
За грѣшника плачетъ и молится съ нимъ.

Любовью то чувство зовется и въ сердцѣ,
Какъ перлъ многоцѣнный таится оно...
И счастливо сердце, въ которомъ безплодно
Погибнуть богатству любви не дано.

А. Зименко.

61.

О, Боже, Боже! дай мнѣ силы
За ближнихъ душу полагать
И въ сердцѣ вѣчно до могилы
Врагамъ обиды всѣ прощать.
Не дай мнѣ съ ложью примириться
Въ суровой жизненной борьбѣ
И научи меня молиться,
Молиться пламенно Тебѣ.
О Господи! Въ словахъ проклятья
Всѣ на землѣ клеймятъ меня;
Но я открою имъ объятья,
Христову заповѣдь храня.
Пусть камни въ грудь мою кидаютъ,
Не признавая чувствъ святыхъ;
Пусть ненавидятъ, проклинаютъ;
Я душу положу за нихъ.

UNIVERSITY

О, дай мнѣ силъ Твои завѣты
Въ душѣ страдающей хранить
И помоги враговъ навѣты
Съ терпѣньемъ, съ кротостью сносить.

В. И. Ивановъ.

62.

Къ Тебѣ, Господь, возставъ отъ сна,
Спѣшу съ душою благодарной.
Душа моя—любви полна,
Стремится въ свѣтъ Твой лучезарный.
Отецъ щедротъ! къ стопамъ Твоимъ
Я припадаю со смиреньемъ:
Благослови дѣла мои
Твоимъ святымъ благословеньемъ.
И свѣтомъ истиннымъ Твоимъ
Не преставай насъ просвѣщать
И даруй намъ—дѣтямъ Твоимъ
Твою святую благодать.

Адамовичъ.

63.

Передъ Тобой, Господь всесильный,
Съ мольбой я пламенной стою,
Твоею благостью обильной
Ты осѣни здѣсь жизнь мою.
И свѣтомъ разума и силы
Мой умъ померкшій просвѣти,
Чтобъ, не преткнувшись до могилы,
Я могъ бы жизни путь пройти.
И чтобъ я всей своей душою
Любилъ добро, гнушался зла
И чтобы жизнь передъ Тобою
Всегда во всемъ чиста была;
Чтобъ жаждалъ я всего святого,
Чтобъ грѣхъ въ душѣ я презиралъ,

Чтобъ, отрѣшившись отъ земного,
Къ Тебѣ я духомъ воспарялъ;
Чтобъ я, поддержанный Тобою,
Тебѣ во всемъ могъ угодить,
Чтобъ могъ я искренней душою
Тебя Единаго любить.

Адамовичъ.

64.

Мой Царь—Христосъ! Ты братскою любовью
Велѣлъ любить отъявленныхъ враговъ;
А нынѣ братъ багрится братской кровью
Въ угоду лжи за пару колкихъ словъ.

Не небо-ль намъ, стряхнувъ съ насъ гнетъ проклятья,
Твои уста отчизной нарекли?
О для чего-жъ цари, народы, братья
Ведете брань вы за клочекъ земли?

Ты далъ намъ власть всю жизнь просить безъ страха,
Ты намъ Себя и вѣчность дать готовъ.
Что-жъ просимъ мы? Мы просимъ праха,
Какъ бы въ укоръ величію даровъ...

Сомнѣній нѣтъ, завѣтъ Христа прекрасенъ;
Зачѣмъ я мертвъ, когда въ Немъ жизни ключъ?
Зачѣмъ лукавъ, когда Онъ простъ и ясенъ?
Зачѣмъ я слабъ, когда Онъ такъ могучъ?

Пусть были дни, когда страну востока
Онъ—вышній свѣтъ—внезапно озарилъ;
Тогда въ толпѣ подъ именемъ пророка
Небесный гость невѣдомо ходилъ.

Но и теперь обагреннаго кровью
Сыны земли Его не узнаютъ;

Его завѣтъ начертанный любовью
Въ аду страстей забвенью предаютъ.

И видитъ Онъ и въ горечи склоняетъ
Съ печалью взоръ на шумный жизни пиръ
И Онъ скорбитъ и какъ слезу роняетъ
Онъ слово чистое на грѣшный міръ.

И. П. А.

65.

Къ Тебѣ, Спаситель мой, взываю,
Къ Тебѣ стремлюсь больной душой;
Съ надеждой на Тебя взираю
И горько плачу предъ Тобой.
Простри ко мнѣ святыя руки
И отъ грѣха меня омой;
Хочу забыть я жизни муки
И лишь въ Тебѣ искать покой.
Хочу горячими устами
Твое лишь имя призывать,
Хочу раскаянья слезами
Я о прощеньѣ умолять.
Прости мнѣ ропотъ мой безумный
Что горя я не могъ снести;
Порывъ отчаянія бурный
Забудь, Спаситель, мой, прости!
Я къ людямъ не пойду съ тоскою;
Имъ мало дѣла до другихъ,
Но предъ Тобой склонюсь главою
И отдохну у ногъ Твоихъ...
А Ты, какъ тихій свѣтъ вечерній,
Отраду въ душу мнѣ прольешь,
Изъ сердца вынешь острый терній
И дальше въ путь меня пошлешь.
И я пойду, но будь со мною!—
Тогда не страшенъ жизни путь.

Спаситель! Будь моей звѣздою,
Чтобъ въ морѣ слезъ не утонуть.
О научи меня, Спаситель,
Какой дорогою идти,
Чтобы открыть Твою обитель
И счастье вѣчное найти.
О дай мнѣ силы, дай терпѣнье
Нести свой крестъ и не роптать,
Когда на камень преткновенья
Я долженъ въ жизни наступать,
Чтобъ всей душой, а ненаружно
Я людямъ могъ бы все простить,
Чтобъ я служилъ, когда имъ нужно
И могъ бы искренно любить...

66.

Вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь праведный Судья въ день оный. 2 Тим. 4, 8.

Какъ время кратко, время мчится,
Ужъ близокъ сталъ всему конецъ!
И какъ подвижникъ Твой стремится
Стяжать желанный свой вѣнецъ.
Какъ много въ этомъ жалкомъ мірѣ
Вѣнцовъ и почестей земныхъ!
И какъ усердно и ревниво
Ихъ вѣнценосцы ищутъ ихъ.
Но этихъ всѣхъ вѣнцовъ сіянье
Твоей душѣ не дастъ покой,
Не утолятъ они страданье
И мира не дадутъ собой...
Одинъ вѣнецъ ихъ превосходитъ
Высокой славою своей
И въ немъ усталый духъ находитъ
Отраду для своихъ очей.
То радостный вѣнецъ страданья,
Вѣнецъ презрѣнья отъ людей
Того, кто принялъ поруганье
Чтобъ смертью насъ спасти своей.

Вѣнецъ насмѣшливой рукою,
Сплетенный для главы Того,
Кто послѣ признанъ былъ землею
За Господина Своего.
Какого же вѣнца сіянье
Сравнить могу съ вѣнцомъ такимъ?
И чьи слова и чьи дѣянья
Не будутъ блекнуть передъ нимъ?
Зачѣмъ межъ суетной толпою
Искать мнѣ почесть отъ людей?
Искать мнѣ съ славою иною
Вѣнца для головы моей?
Вѣнецъ земной, почетный, новый
Не нуженъ для главы моей,
Когда понесъ вѣнецъ терновый
За насъ Господь и Царь Царей.

М. Щербининъ

67.

Подъ громомъ бури, въ часъ урочный
Склонивъ усталую главу,
Тебя молитвою порочной
О, Боже, благости, зову...
Твоя невѣдомая воля
Меня по терніямъ вела
И тяжело земная доля
На рамена мои легла.
Не попусти въ цѣпяхъ недуга
Остыть въ тоскѣ душѣ нѣмой,
Но озари улыбкой друга
Неотвратимый жребій мой.
Мои мучительныя ночи
Отраднымъ сномъ благослови
И на заплаканные очи
Повѣй дыханіемъ любви.
И если грудь въ борьбѣ застонетъ
И врагъ лукавый ядъ страстей

Съ насмѣшкой злобною заронитъ,
Во глубину души моей,—
О, Боже! Замыселъ лукавый
Отъ мысли грѣшной отгони,
Наставь на путь меня Твой правый
И душу вѣрой осѣни.

Э. Губеръ.

68.

Любовью духъ горитъ къ тебѣ, Спаситель мой,
Не радостныхъ небесъ желаньемъ увлеченный,
Не ада мрачными огнями устрашенный
И не за бездны благъ мнѣ, данныя Тобой.

Въ Тебѣ люблю Тебя: съ любовію святой
Гляжу, какъ на крестѣ Сынъ Божій изнуренный
Виситъ измученный, виситъ окровавленный,
Какъ тяжко умиралъ предъ буйною толпой.

И жаръ таинственный мнѣ въ сердце проникаетъ:
Безъ рая свѣтлаго плѣнилъ бы Ты меня;
Ты-бъ страхомъ былъ моимъ безъ вѣчнаго огня.

Подобную любовь какая цѣль рождаетъ?
Душа въ любви къ Тебѣ надеждъ святыхъ полна;
Но также и безъ нихъ любила бы она.

Козловъ.

69.

И въ радости и въ горѣ жизни,
Среди покоя и трудовъ—
На всѣхъ путяхъ земной отчизны
Всѣхъ просвѣщаетъ свѣтъ Христовъ...
Мудрецъ! Тебя томитъ тревожное сомнѣнье?
Безвѣстенъ путь и цѣли нѣтъ?
Взгляни съ любовію на крестъ—
Въ немъ всякой тайны разрѣшенье.

Страдалецъ! Ты отвергъ надежду на спасенье?
На крестъ съ надеждою взгляни
И взоръ останови, душою отдохни...
Въ крестѣ твое успокоенье!
Богачъ! Томишься ты тоскою пресыщенья?
Чтобъ утомленною душою отдохнуть,—
Взгляни на крестъ и твой безцѣльный путь
Въ немъ цѣль найдетъ и утѣшенье.
И въ радости и въ горѣ жизни
Среди покоя и трудовъ,
На всѣхъ путяхъ земной отчизны
Всѣхъ просвѣщаетъ свѣтъ Христовъ...

А. Ключаревъ.

70. Библія.

Испытывалъ ли ты тѣ чудныя мгновенья,
Когда въ душѣ твоей, подъ бременемъ сомнѣнья,
Въ туманѣ смутнаго и тягостнаго сна
Вдругъ будто зазвучитъ волшебная струна
Протяжно, жалобно, какъ робкій и печальный
Въ полночный часъ въ горахъ свирѣли звукъ прощальный,
И мигомъ вкругъ тебя слетится рой тѣней
Давно минувшихъ лѣтъ, давно забытыхъ дней.

И мнится, будто все, что часъ одинъ назадъ
Вливало въ грудь твою обиды жгучій ядъ
И жгло тревожный умъ и тучей роковою
Висѣло надъ твоей унылою душою—
Все было только сномъ, тяжелымъ смутнымъ сномъ
Въ больной душѣ твоей, въ умѣ твоемъ больномъ;
И этотъ сонъ исчезъ, какъ призраки могилы,
При первомъ блескѣ дня и вновь кипучей силы
И жизни молодой полна душа твоя,
Какъ утромъ свѣжее, здоровое дитя,
И вновь—торжественны, крѣпки, звучны и юны
Звенятъ, поютъ ея трепещущія струны.

Такая же струна въ душѣ моей больной
Мгновенно зазвучитъ, едва передо мной,
Раскроются безсмертныя скрижали,
Гдѣ истина и слава записали
Воспоминанья тѣхъ блаженныхъ дней,
Когда онѣ съ высотъ святыхъ слетѣли
Въ пріюты дольніе людей
И пѣсню первую запѣли
Подъ грохотъ разбиваемыхъ цѣпей.

71. Мой Богъ.

Исходъ XX, 5, 6.

Въ Немъ сила съ правдою въ союзѣ неразрывномъ;
Въ десницѣ мечъ,—у ногъ лежитъ гирлянда розъ;
Въ одномъ созвучіи, въ одномъ аккордѣ дивномъ
И трели соловья и грохотъ буйныхъ грозъ...
Таковъ мой Богъ! Таковъ тотъ чудный, мощный геній,
Что въ часъ отчаянья, явившись предо мной
Средь тьмы невѣрія, средь сумрака сомнѣній
Зажегся яркою звѣздой.

Онъ далъ мнѣ острый мечъ и далъ вѣнокъ душистый,
Сказавъ: „Иди дорогою тернистой,
Смирись предъ истиной и правду защищай;
Пусть будетъ отъ враговъ Мой мечъ тебѣ защитой;
А розы ты на путь, ручьями слезъ облитый,
Къ ногамъ друзей бросай!“
Таковъ мой Богъ!

72. Псаломъ 97.

(Переложеніе).

Снова пѣсни мы составимъ,
Напряжемъ мы къ пѣнью гласъ,
Крѣпость Божьихъ рукъ прославимъ;
Онъ Своей рукой насъ спасъ.

Свою милость къ защищенью
Онъ съ небесъ намъ ниспослалъ;
Путь устроилъ намъ къ спасенью,
Власть грѣховную попралъ.
Богъ обѣтъ Свой изрекаетъ,
Что Іакову изрекъ;
Богъ всю землю осыпаетъ
Своей милостью во вѣкъ.
Вся земля возобновится
Въ красотѣ хвалы своей,
Небо новое явится
Надъ вселенной новой всей.
Мы, бряцая, какъ въ тимпаны,
Воспоемъ къ святой странѣ
И сердецъ своихъ органы
Всѣ настроимъ къ похвалѣ.
Чистымъ сердцемъ и душою
Славу Богу вознесемъ,
Какъ прегромкою трубою,
Пѣснь побѣды воспоемъ.
Море съ нами да взыграетъ;
И земныхъ пространство водъ
Буря волны поднимаетъ
Подъ небесный вышній сводъ.
Время страшное настанетъ,
Какъ весь міръ придетъ къ концу.
Правый лишь одинъ предстанетъ
Къ Твоему, Господь, лицу.

73. Псаломъ 123.

(Подражаніе).

Когда въ послѣдній день неволи
Воззвалъ къ Израилю Господь,
Мы въ жертву агнца закололи,
Въ постѣ томили нашу плоть.
Но въ сердцѣ вспыхнуло веселье,
Какъ робкій хворостъ на кострѣ,

И освѣтилось подземелье,
Какъ чаща лѣса на зарѣ.
Такъ восклицали всѣ народы,
Мы пѣли Господу псаломъ
О новыхъ радостяхъ свободы
И о страданіи быломъ.
О сократи, Всевышній, сроки!
Устали плѣнники Твои.
Какъ рѣкъ полуденныхъ потоки,
Пролей свободныя струи
И тѣ, что сѣютъ со слезами,
Съ улыбкой счастія пожнутъ
И отягченные снопами
Съ работы радостно придутъ.

Конст. Льдовъ.

74. Псаломъ 132.

(Переложеніе).

Какъ хорошо и какъ пріятно
Жить братьямъ дружною семьей!
Какъ льется мягкій, ароматный
Елей на волосы струей
И жесткость ихъ собой смягчаетъ
И нѣжный видъ имъ придаетъ,—
Такъ и любовь сердца смиряетъ
И силу кротости даетъ.

Какъ хорошо и какъ пріятно
Жить братьямъ дружною семьей!
Какъ надъ равниной необъятной
Иль надъ Сіонскихъ горъ грядой
Роса обильно ниспадаетъ
И освѣжаетъ все собой—
Такъ и любовь ихъ оживляетъ
И возращаетъ плодъ святой.

И. С. Прохановъ.

75. Псаломъ 136.

(Подражаніе).

У водъ вавилонскихъ печалью томимы
Въ слезахъ мы сидѣли, тотъ день вспоминая,
Какъ врагъ разъяренный по стогнамъ Салима
Бѣжалъ, все огню и мечу предавая,
Какъ дочери наши рыдали. Онѣ
Разсѣяны нынѣ въ чужой сторонѣ.

Свободныя волны катились спокойно.
„Играйте и пойте“ враги намъ сказали.
„Нѣтъ, нѣтъ, Вавилона сыны недостойны,
Чтобъ наши имъ пѣсни звучали;
Рука да отсохнетъ у тѣхъ, кто врагамъ
На радость ударитъ хоть разъ по струнамъ.

Повѣсили арфы свои мы на ивы:
Свободное намъ завѣщалъ пѣснопѣнье
Салимъ, какъ его совершилось паденье.
Такъ пусть же тѣ арфы висятъ молчаливы!
Во вѣкъ не сольете со звуками ихъ,
Гонители наши, вы пѣсенъ своихъ.

76.

Покорно предайся Божественной волѣ
Воззвавшаго къ жизни всѣхъ смертныхъ Творца.
Къ нему обращайся ты въ тягостной долѣ
И въ Немъ ты увидишь благого Отца.
Не сѣтуй: Кто прежде временъ существуетъ,
Кто правитъ съ премудростью тьмами планетъ,
Кто вихрямъ и морю предѣлъ указуетъ,
Тотъ путь безопасный и намъ обрѣтетъ.

На Божію благость свое упованье
Возложимъ съ спокойной душою во всемъ;

Тогда всѣ и тайныя сердца желанья
Господь увѣнчаетъ отраднымъ концомъ;
Напрасно трудами, заботой усильной
Ты къ цѣли стремишься и тратишь покой;
Молись и получишь ты силу обильно;
Всѣ блага даетъ Онъ молитвѣ одной.

Съ любовью предвидитъ премудрая воля,
Въ чемъ благо для сердца, что вредъ принесетъ
И каждому послана Господомъ доля,
Но вѣрныхъ Своихъ Онъ къ блаженству ведетъ;
Ни въ чемъ нѣтъ преграды Его начертаньямъ,
Блаженство твореній—конецъ Его дѣлъ.
Повѣрь же Господнимъ святымъ обѣщаньямъ
И вѣчная радость—твой вѣчный удѣлъ.

Надѣйся! Онъ видитъ души сокрушенной
Всю скорбь и страданья въ жестокой борьбѣ;
Но вѣрь и увидишь тогда несомнѣнно,
Что все Онъ устроитъ ко благу тебѣ.
Какъ радостно Богомъ Христомъ быть спасеннымъ!
Ты примешь отъ Бога побѣдный вѣнецъ
И внидешь съ хваленьемъ души искупленной
Въ міръ вѣчный, готовый для вѣрныхъ сердецъ.

77.

Распадись, моя грѣховная тюрьма
Съ узами порока и гнетущихъ золъ!
Богъ меня въ тебѣ скорбящаго нашелъ
И свободу далъ для сердца и ума.
Мой Богъ! Я хочу пребыть всегда съ Тобой!

О, разсѣйтесь всѣ сомнѣнія и страхъ,
Давніе тираны сердца моего!
Богъ ко мнѣ явился въ дивныхъ чудесахъ
И навѣки я увѣровалъ въ Него.

О, разсѣйтесь всѣ стремленья къ похвалѣ
И желанья славы, почести людской!
Нѣтъ другой теперь мнѣ славы на землѣ,—
Какъ всегда, вездѣ Господнимъ быть слугой.

О, разсѣйтесь всѣ кумиры думъ людскихъ,
Всѣ плѣнители души моей слѣпой!
Я Христу отдалъ служенье силъ моихъ
И теперь Единый Онъ Властитель мой.

Да изгладятся прожитые года,
Дни плотскаго наслажденья и страстей!
Наступаютъ дни служенья и труда
Для Спасителя, для ближнихъ, для людей.

И. С. П.

78.

Еще ужъ годъ прошелъ, еще звена не стало
Въ запасѣ скудномъ нашихъ дней;
Такъ годъ за годомъ шелъ, умчалось ихъ не мало
И жизнь изсякла, какъ ручей.

Давно-ль была весна?—Ее зима смѣнила.
Давно ли вы въ расцвѣтѣ лѣтъ
Мечтали жить?—мечтали такъ въ избыткѣ силы
И все прошло . . . и силы нѣтъ. . .

Едва лишь загорѣлся день—ужъ вечерѣетъ
И близокъ часъ ночной поры;
Не въ высь восходитъ путь и ваша жизнь не зрѣетъ,
О нѣтъ, идете вы съ горы:

Не видно, какъ средь грезъ и жгучихъ ожиданій
Угасъ лучъ юности златой;
И вотъ, прошла пора обманчивыхъ мечтаній,
Ихъ время унесло съ собой;

И нѣтъ возврата имъ: они на вѣки смыты
Въ безбрежный океанъ волной,
И тамъ погибли всѣ, какъ гибнетъ вдругъ разбитый
Корабль безслѣдно подъ водой...

Ужъ больше нѣтъ дали заманчивой туманной,
Ужъ нѣтъ ласкающей мечты;
Что-жъ вмѣсто нихъ? Увы! смѣнилось все нежданной
Тоской сердечной пустоты.

Укоромъ совѣсти тяжелой и гнетущей
За жизнь въ минувшіе года
И страхомъ трепетнымъ предъ Богомъ въ часъ грядущій
Его небеснаго суда...

О горе вамъ! Какъ вы обмануты, несчастны!
Вамъ вѣчной мукой адъ грозитъ.
Ни добрыя дѣла, ничто конецъ ужасный
Отъ грѣшныхъ васъ не отвратитъ.

Богъ праведенъ въ судѣ. Но знайте вы хоть нынѣ:
Не хочетъ вашей смерти Онъ,
И къ Вамъ—о, къ вамъ—рабамъ страстей, врагамъ святыни—
Призывъ Господній обращенъ.

Онъ возвѣщаетъ вамъ, какъ даръ, Свое прощенье,
Забвенье, полное грѣховъ,
Навѣки жизнь и, лишь завидитъ возвращенье
Принять въ объятья васъ готовъ...

Достойны-ль вы любви?—О, нѣтъ! но Богъ съ Собою
Васъ смертью Сына примирилъ:
Онъ жертва за грѣхи, Онъ дорогой цѣною,
Цѣною крови васъ купилъ.

Свободны вы! вамъ нѣтъ ужъ больше осужденья:
Страдая на крестѣ за всѣхъ,

Господь и вамъ простилъ всѣ ваши преступленья
И съ васъ совлекъ навѣки грѣхъ.

Приблизясь, Онъ зоветъ на вечерю святую
И васъ съ измученной душой;
Идите вы къ Нему, примите вѣсть благую—
И вы найдете въ Немъ покой.

Я. Б.

79.

Когда креста нести нѣтъ мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы къ небесамъ возводимъ очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловалъ Господь.
Но если вслѣдъ за огорченьемъ
Намъ улыбнется счастье вновь
Благодаримъ ли съ умиленьемъ,
Отъ всей души, всѣмъ помышленьемъ
Мы Божью милость и любовь?

К. Р.

80.

Надпись въ Евангеліе.

Пусть эта книга священная
Спутница вамъ неизмѣнная
Будетъ вездѣ и всегда.
Пусть эта книга спасенія
Вамъ подаетъ утѣшеніе
Въ годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные,
Какъ отголоски небесные
Въ грустной юдоли земной,
Пусть въ ваше сердце вливаются
И небеса сочетаются
Съ чистою вашей душой.

К. Р.

81.

Откров. XXI. 1—4.

Я новое небо и землю увидѣлъ...
Пространство далекое прежнихъ небесъ миновало
И прежней земли преходящей и тлѣнной не стало,
И моря ужъ нѣтъ. Новый городъ священный я видѣлъ,
Отъ Бога сходящій въ великомъ безбрежномъ просторѣ.
Подобно невѣстѣ младой въ подвѣнечномъ уборѣ,
Невѣстѣ прекрасной, готовой супруга принять.
„Се, скинія Бога съ людьми! Обитать
Здѣсь съ ними Онъ будетъ“ я слышалъ слова громовыя:
Самъ Богъ, будетъ Богомъ въ народѣ своемъ,
И всякую съ глазъ ихъ слезу Онъ отретъ. И земныя
Печали исчезнутъ; въ томъ градѣ святомъ
Не будетъ ни плача, ни вопля, ни горькихъ стенаній;
Не будетъ болѣзни, ни скорби, ни тяжкихъ страданій
И смерти не будетъ— таковъ мой обѣтъ;
Прошло все, что было и прежняго нѣтъ.

К. Р.

82.

Любить! Кто-жъ постигъ это слово святое?
Кто-жъ вникъ въ его смыслъ и значенье?
Любить—это значитъ на счастье чужое
Смотрѣть со слезой умиленья;

Любить—это съ ближнимъ, какъ съ другомъ и братомъ
Дѣлить его горе, мученье;
Быть недругамъ другомъ, прощать виноватыхъ,
Унявъ въ себѣ злобу презрѣнья.

Любить это значитъ смотрѣть съ сожалѣньемъ
На зло и пороки людскія;
Заблудшимъ людямъ указать путь къ спасенью,
Давая совѣты благіе.

Любить—это значитъ для счастья другого
Отречься отъ личныхъ стремленій;
Любить—это Бога великое слово,
Но кто-жъ его понялъ значенье?

С.

83. Сампсонъ.

Изъ добродѣтелей вы цѣпи мнѣ сковали,
Изъ твердости моей воздвигнули тюрьму;
И силу мощную, какъ воры вы украли
И душу ввергнули въ безрадостную тьму.

Тѣ цѣпи мрачныя, какъ змѣи, сердце гложутъ
И въ той тюрьмѣ верчу я ваши жернова.
Унылый звонъ цѣпей васъ больше не тревожитъ
И вы бросаете мнѣ дерзкія слова.

Но чувствую: во мнѣ ростетъ и зрѣетъ сила;
Чѣмъ дольше я терплю—тѣмъ будетъ хуже вамъ:
Пусть свѣта я лишенъ, но праздникъ вашъ—могила,
На васъ и на себя я опрокину храмъ.

С. Г. Петровъ.

84.

Вражду житейскую разсѣявъ,
Смиренный, Кроткій, Онъ входилъ
Въ столицу древнихъ іудеевъ
И всѣхъ въ единое сплотилъ.

И бросивъ домъ, во время оно,
Къ Нему на встрѣчу изъ воротъ
Порабощеннаго Сіона
Съ восторгомъ вышелъ весь народъ.

Свершилось чудо и нежданно
Отверзлись дѣтскія уста

И Избавителя Христа
Встрѣчали возгласомъ: „Осанна!“

Прошли минуты торжества,
Какъ лѣтомъ тучи съ небосвода:
Но яркій свѣточъ Божества
Сіялъ средь грѣшнаго народа.

За души, вѣрящихъ въ Ваалъ,
За міръ, погибшій отъ разврата,
Смиренный, Кроткій, Онъ предсталъ
Предъ очи грознаго Пилата.

Забыты радостные дни
И въ это время тотъ же самый
Народъ, неистово упрямый
Кричалъ: „Распни Его! распни!

В. В. Жуковъ.

85.

Сидѣлъ Христосъ съ учениками
На Елеонѣ и предъ Нимъ
Лежалъ, высокими стѣнами
Весь окруженъ, Ерусалимъ.
Священный городъ красовался
Въ садахъ, пестрѣвшихъ здѣсь и тамъ,
И надъ домами возвышался,
Какъ царь, величественный храмъ.
И указавъ Своей рукою
На городъ тотъ, скорбя душою,
Христосъ сказалъ ученикамъ:—
„Великій городъ. Чудны зданья!..
Настанетъ часъ, какъ будетъ онъ,
Врагами злыми окруженъ,
Разрушенъ весь до основанья.
Настанетъ время войнъ кровавыхъ
И моръ, и голодъ подойдетъ,

По прихоти царей лукавыхъ
Народъ возстанетъ на народъ
И будетъ ужасъ, и смятенье,
И поколеблется земля...
На васъ жестокое гоненье
Воздвигнутъ люди за меня,
И предадутъ на поруганье,
Въ темницахъ будутъ содержать,
Безъ сожалѣнья, состраданья
Васъ будутъ бить и распинать...
Не ужасайтесь, не ропщите,
Въ то время дѣти вы Мои!
Мученья твердо выносите
Во имя правды и любви: —
Мое великое ученье
Восприметъ міръ—и племена
Произнесутъ съ благоговѣньемъ
Страдальцевъ первыхъ имена".

В. М.

86.

Людямъ волей Всеблагого
Сила дивная дана;
Вѣрой кроткою, святою
Эта сила названа.
Вѣра въ юности мятежной
Намъ погибнуть не даетъ,
И ко пристани надежной
Кротко за руку ведетъ;
И по возрастѣ въ утратахъ
И въ бѣдахъ души больной
Лаской любящаго брата
Подаетъ она покой.
Вѣра въ жизни облегчаетъ
Бремя тяжкое заботъ,
Вѣра горы преставляетъ
И героевъ создаетъ;

Вѣра въ тягостныхъ недугахъ,—
Изцѣляющій бальзамъ.
Вѣра—добрая подруга
На закатѣ нашихъ дней.
Вѣра насъ не покидаетъ
И въ послѣдній смертный часъ,
И съ любовью озаряетъ
Тьму могильную для насъ.
Вѣра въ жизни свѣточъ ясный,
Путеводная звѣзда,
И блаженъ кому не гаснетъ
Этотъ свѣточъ никогда.

Ф. П.

87.

Пораженъ житейской битвой
И безцѣльной суетой,
Я съ горячею молитвой
Преклоняюсь предъ Тобой.

Объ одномъ молю въ смиреньи:
Чтобъ на жизненномъ пути
Мнѣ хватило силъ, терпѣнья—
Крестъ до гроба донести.

Не скажи, что нѣтъ спасенья,
Что въ страданьяхъ изнемогъ;
Въ темной ночи ярче звѣзды,
Въ часъ страданья ближе Богъ!

88.

Когда отрада упованья
Въ тебѣ погаснетъ безъ слѣда,
И будутъ тяжелы страданья
И за бѣдой прійдетъ бѣда,—

Тогда бери ты книгу эту;
Въ словахъ живительныхъ ея
Найдешь призывъ къ добру и свѣту
И на страданіе твое

Здѣсь чудный голосъ отзовется
Всепокоряющей любви,
Онъ надъ тобою пронесется:
Страдай, терпи! Люби! Живи!

Тотъ голосъ радостною силой
Больную душу оживитъ;
Она не дрогнетъ предъ могилой
И горе жизни побѣдитъ.

89.

Люби Того, Кого омыла
Слезами грѣшная жена;
Она въ Немъ небо возлюбила;
Люби и вѣруй, какъ она!

Любя, люби Его велѣнья!
Любовь въ любимомъ вся живетъ;
Ему всѣ чувства, всѣ хотѣнья,
Ему всѣ силы отдаетъ.

А Онъ вселюбящій отъ вѣка,
Чего Онъ хочетъ отъ Тебя?
Чтобъ ты и брата человѣка
Любилъ и небо, возлюбя.

Любовь кротка, не горделива,
Любовь безхитростна, проста;
Любовь довѣрчива, правдива
Самоотверженна, чиста.

Любовь все терпитъ, все прощаетъ,
Все покрываетъ, все несетъ,
Не мыслитъ зла, не осуждаетъ
И никогда не устаетъ.

И. П. А.

90.

И будетъ, Божьи дѣти встанутъ
И всѣ прійдутъ къ лицу Христа;
О, какъ тогда хвалой воспрянутъ
Въ сердечной радости уста:
И юноши, и старцы, дѣти,
Всѣ облеченные въ виссонъ
Съ вѣтвями пальмы, въ чудномъ свѣтѣ
Тогда стекутся на Сіонъ.
Господь обрадуетъ и приметъ
Своихъ возлюбленныхъ дѣтей;
Съ нихъ поношеніе Онъ сниметъ
И слезы ихъ отретъ съ очей.
Тамъ плача никогда не будетъ
Въ той дивной родинѣ святой,
Но каждый скорби всѣ забудетъ,
Благословляя жребій свой.
Тамъ ужъ никто ни мукъ, ни боли
Не причинитъ имъ никогда
И тотъ, кто былъ гонимъ, въ неволѣ,
Освободится навсегда.
Тамъ нѣтъ и призрака страданья
И смерть во вѣки не прійдетъ:
Тамъ свѣтъ Господняго сіянья
Не помрачится, не зайдетъ.
Они не будутъ ужъ томиться,
Не поразитъ ихъ больше зной,
Но будутъ вѣчно веселиться,
Какъ садъ, упитанный водой...
Отъ тука дома насыщаетъ
Господь тамъ избранный народъ

Онъ утомленныхъ напояетъ
Живымъ потокомъ тихихъ водъ...
Онъ имъ на пажитяхъ прекрасныхъ
Покой отъ всѣхъ трудовъ пошлетъ:
Для нихъ въ селеньяхъ безопасныхъ
Тамъ радость надъ главой взойдетъ:
Они, какъ камни, возсіяютъ
Въ вѣнцѣ Владыки своего
И, какъ свѣтила, заблистаютъ
Во вѣки на землѣ Его...

Я. Б.

91. Пророкъ.

Роскошныхъ зданій высились карнизы,
Гирляндами съ нихъ падали цвѣты.
Людей бродящихъ праздничныя ризы
Сіяли блескомъ яркой пестроты...

Съ тоской томящей въ ликѣ исхудаломъ,
Одѣтый рубищемъ, по стогнамъ городскимъ
Онъ шелъ, внимая трубамъ и кимваламъ,
И голосамъ толпы, ликующей предъ нимъ.

Онъ шелъ поспѣшными стопами
Изъ города, и за стѣнами
Онъ гнѣвно прахъ стряхнулъ отъ ногъ
И, обратясь къ твердынямъ ликомъ,
Въ негодованіи великомъ
Глаголъ проклятія изрекъ:

„Будь проклятъ городъ, гдѣ лишь цѣпи,
Да клики оргіи звучатъ,
Гдѣ блудодѣйство и развратъ
Живутъ, какъ въ мерзостномъ вертепѣ!..
Изнеможенный отъ поста,
Окрѣпшій духомъ съ жизнью въ битвѣ
И сердцемъ преданный молитвѣ,

Я къ нимъ пришелъ. Была свята,
Была велика и сурова
Моя спасительная рѣчь.
Я говорилъ: услышьте слово
Велѣнья Божьяго! Совлечь
Пора вамъ ризы ликованья,
Одѣньтесь вретищемъ, главы
Посыпьте пепломъ покаянья
И гнѣвъ небесъ смирите вы!..“
Но мнѣ въ отвѣтъ ихъ рѣчь гремѣла:
„Оставь насъ, мужъ, мертвящій плоть!
Для насъ, рабовъ страстей и тѣла,
Доступенъ бѣсъ и чуждъ Господь!..“

. . . . . .

. . . . . .

И, бросивъ мнѣ укоры эти,
Въ мои святыя сѣдины
Плевали юноши и дѣти,
Властители и старшины.
Развратный сонмъ ихъ надо мною
Свой судъ презрительный изрекъ,
И я блуждалъ вездѣ съ тоскою,
Толпой осмѣянный пророкъ...
Навѣкъ я брошу эти страны,
Пойду въ пустыню и опять
Души болящей скорбь и раны
Молитвой буду врачевать.
Я вновь увижу образъ Бога,
И, позабывши навсегда,
Что въ мірѣ есть страстей тревога,
Я проживу свои года,
Потомъ умру“...
И головою
Печально онъ на грудь поникъ
И торопливою стопою
Пошелъ изъ города старикъ...
Спала пустыня. Въ блескѣ аломъ,
Заката лучъ скользилъ по скаламъ...

Онъ шелъ, а городъ ликовалъ...
И долго кликамъ и кимваламъ
Пророкъ тоскующій внималъ.

В. Буренинъ.

92.

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ.
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь;—
Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ,
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ!

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись,—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,
Очи, полныя скорбной мольбой!..

С. Я. Надсонъ.

93.

Я не Тому молюсь, кого едва дерзаетъ
Назвать душа моя, смущаясь и дивясь,

И передъ кѣмъ мой умъ безсильно замолкаетъ,
Въ безумной гордости постичь Его стремясь;
Я не Тому молюсь, предъ чьими алтарями
Народъ, простертый ницъ, въ смиреніи лежитъ,
И льется ѳиміамъ душистыми волнами,
И зыблются огни, и пѣніе звучитъ;
Я не Тому молюсь, кто окруженъ толпами
Священнымъ трепетомъ исполненныхъ духовъ,
И чей незримый тронъ за яркими звѣздами
Царитъ надъ безднами разбросанныхъ міровъ,—
Нѣтъ, передъ Нимъ я нѣмъ!.. Глубокое сознанье
Моей ничтожности смыкаетъ мнѣ уста,—
Меня влечетъ къ себѣ иное обаянье,—
Не власти царственной,—но пытки и креста.
Мой Богъ — Богъ страждущихъ, Богъ, обагренный кровью,
Богъ-человѣкъ и братъ съ небесною душой,—
И предъ страданіемъ и чистою любовью
Склоняюсь я съ моей горячею мольбой!..

С. Я. Надсонъ.

94.

Христосъ!.. Гдѣ ты, Христосъ, сіяющій лучами
Безсмертной истины, свободы и любви!..
Взгляни,—твой храмъ опять поруганъ торгашами,
И мечъ, что Ты принесъ, запятнанъ весь руками,
Повинными въ страдальческой крови!..

Взгляни, кто учитъ міръ тому, чему когда-то
И Ты училъ его подъ тяжестью креста!
Какъ ярко ихъ клеймо порока и разврата,
Какія лживыя за страждущаго брата,
Какія гнойныя открылися уста!..

О, если-бъ только зло!.. Но рваться всей душою
Разсѣять это зло, трудиться для людей,—

И горько сознавать, что объ руку съ тобою
Кричитъ объ истинѣ, ломаясь предъ толпою,
Прикрытый маскою, продажный фарисей!..

С. Я. Надсонъ.

95. Двѣ жизни.

Двѣ жизни есть: одна, какъ океанъ безбрежный,
Широко разлилась, шумя вокругъ меня.
Другая, какъ родникъ задумчивый и нѣжный,
Течетъ въ душѣ моей, струяся и звеня.
И въ первой суета и зарево сраженій,
Базаровъ пестрый шумъ; печальный человѣкъ
Въ ней ищетъ мудрости, заботъ и наслажденій
И раболѣпствуетъ предъ ней изъ вѣка въ вѣкъ.
Но, гордая, она рабамъ своимъ не внемлетъ,
Сіяя красотой божественныхъ лучей,
Ничтожные дары съ улыбкою пріемлетъ
И смертнаго стремитъ въ загробный міръ тѣней.
Иная жизнь во мнѣ: незримая для ока.
Она цвѣтетъ, полна задумчивой мечты,
И отразились въ ней, какъ въ зеркалѣ потока
И небо, и земля, и звѣзды, и цвѣты.
И эта жизнь растетъ въ уединеньѣ праздномъ,
И музыка ея въ тиши слышна звучнѣй,
Когда я не смущенъ кошмаромъ безобразнымъ:
Ни жертвами борьбы, ни злобою людей.

К. Фофановъ.

96. Изъ „Экклезіаста“.

Все въ этомъ мірѣ суета,
    Все суета суетъ.
Людской работы тягота
Къ чему? Кто дастъ отвѣтъ?
Приходитъ родъ, уходитъ родъ—
    Земля была и есть;

Заходитъ солнце и встаетъ—
    Ночей и дней не счесть.
Куда-бъ ни началъ вѣтеръ дуть,
    Воротится опять;
Всѣ рѣки въ море держатъ путь,
А моря не поднять.
Слова безсильны; въ цѣлый вѣкъ
Не высказать всего;
Что видитъ, слышитъ человѣкъ—
Все мало для него.
Ничто не ново: и до насъ,
И впредь—одно и то-жъ;
Что новымъ кажется подчасъ
То въ прошломъ обрѣтешь.
Изъ жившихъ въ древности людей
Кто въ памяти живетъ?
И насъ потомки нашихъ дней
    Забудутъ въ свой чередъ.
Передъ невѣждою мудрецъ—
    Что передъ мракомъ свѣтъ,
Но имъ—увы!—одинъ конецъ:
    Ударилъ часъ—и нѣтъ.
Я—человѣкъ; но чѣмъ же я
Отличенъ отъ скота?
Что—за предѣломъ бытія?
    Все—прахъ и суета.
Кто вѣчнымъ сномъ въ землѣ почилъ
Счастливѣе живыхъ;
А кто совсѣмъ еще не жилъ—
Счастливѣйшій изъ нихъ.
Не въ волѣ храбрыхъ—смертный бой,
Не въ волѣ быстрыхъ—бѣгъ:
Во всѣхъ дѣлахъ судьбѣ слѣпой
    Покоренъ человѣкъ:
Будь веселъ, юноша! всему
    Урочный день придетъ;
Довѣрься сердцу своему—
    Иди, куда зоветъ.

Да будетъ жизнь твоя легка,
Безъ бурь и безъ скорбей:
Вѣдь наша юность коротка—
И нѣтъ возврата ей!

В. Лихачевъ.

97. Сомнѣніе.

Нѣтъ! я не стану лицемѣрить!
Кляну я жизни тяготу,
Но не могу я слѣпо вѣрить
И прибѣгать съ мольбой къ Христу.

Предъ Нимъ такъ пусто и ничтожно
Значенье бѣдъ моихъ земныхъ,
Хоть сердце бьется такъ тревожно
И вся изныла грудь отъ нихъ!

Страдая, Онъ не видѣлъ страха,
Онъ Богъ былъ здѣсь, какъ въ небесахъ,
Я-жъ—сынъ ничтожества и праха,
Персть вопіетъ въ моихъ мольбахъ.

Могу ли съ твердымъ упованьемъ
Я у подножія креста
Явиться съ воплемъ и рыданьемъ,
Прося земного у Христа?

Нѣтъ, слово Господа святое
Насъ учитъ вѣрить и страдать,
Смотрѣть съ презрѣньемъ на земное
И въ небесахъ блаженства ждать.

Горька-ль, счастлива-ль наша доля,
Терпѣнье—вотъ Его законъ,
„Во всемъ Твоя да будетъ воля“—
Такъ учитъ насъ молиться Онъ.

Напрасно бы, въ земной надеждѣ,
Къ Нему я руки простиралъ:
„Ищите Царства Божья прежде“—
Спаситель міра намъ сказалъ.

Но я такъ слабъ, а бѣдъ такъ много,
И жалкимъ суетнымъ умомъ
Мнѣ-ль помышлять о царствѣ Бога,
Не видя здѣсь его ни въ чемъ?

Могу-ль искать я благъ небесныхъ,
Когда земное давитъ зло,
И бремя узъ моихъ тѣлесныхъ
Горой мнѣ на душу легло.

Я палъ среди житейской битвы,
Надежды лучъ во мнѣ исчезъ,
И не дойдутъ мои молитвы
До недоступныхъ мнѣ небесъ!..

Д. Михаловскій.

98. Псаломъ жизни.

(Изъ Лонгфелло).

Не называйте, нѣтъ, вы жизнь, зѣвая,
Пустымъ видѣньемъ сна:
Душа, что спитъ, не есть душа живая
А наша цѣль ясна..

Душа имѣетъ долгъ свой, свѣтъ имѣетъ
Который свѣтитъ ей.
„Изъ праха въ прахъ“—вѣдь это разумѣетъ
Покровъ души моей.

По каплѣ радостей и огорченій—
Нѣтъ, наша цѣль не въ томъ!

Труда хочу въ пылу борьбы и терній,
Труда всегда, во всемъ.

Трудъ человѣка тихъ, а время мчится;
Намъ вѣкъ не долгій данъ.
Безъ отдыха мнѣ сердце въ грудь стучится,
Какъ звонкій барабанъ.

Впередъ отбрось скорѣе усыпленье,
Вступая съ жизнью въ бой.
Иди въ походъ въ святомъ одушевленьи
И въ битву, какъ герой.

Оставь мечты. Передъ тобой дорога;
Забудь, чего ужъ нѣтъ.
Трудись храбрѣй, надѣяся на Бога,
Въ душѣ имѣя свѣтъ.

Слыхалъ ли Ты, что въ жизни совершили
Герои прежнихъ дней?
Дай Богъ, чтобы и мы не даромъ жили,
Хотя мы и слабѣй.

Быть можетъ, одному изъ низшихъ братій,
Что горемъ лишь богатъ,
Вернется жизнь отъ любящихъ объятій
Твоихъ, о, старшій братъ.

Друзья за трудъ! За славой, чтобъ стремиться,
Не надо знатнымъ быть.
Для всѣхъ людей есть правило: молиться,
Работать и любить.

Н. Н. Дебольскій.

99. Отче нашъ.

Отче нашъ! Богъ, въ небесахъ обитающій,
Оку не зримый, но зримый сердцами,

Все созидающій, все разрушающій,
Грѣющій землю живыми лучами.
Мы принесли Тебѣ въ жертву безкровную
Нашу молитву въ часы покаянія, —
Дай-же, о Боже, намъ пищу духовную,
Дай намъ источникъ святаго желанія.
Въ годы сомнѣнія, въ годы ненастные
Намъ измѣнили мечты неизмѣнныя;
Мы загасили свѣтильники ясные,
Мы расплескали елеи священные.
Отче нашъ, Богъ безутѣшно страдающихъ,
Солнце вселенной! Къ Тебѣ мы съ молитвою—
Всѣхъ сохрани за любовь погибающихъ,
Всѣхъ угнетенныхъ мучительной битвою!
Отче нашъ! Дай намъ пути благодатные
И отстрани отъ соблазна лукаваго...
Да возсіяютъ лучи незакатные
Правды небесной и помысла праваго.

Константинъ Фофановъ.

100. Гимнъ.

Тебѣ, подымавшему бездны—
Безсмертную славу поетъ
И солнце, и звѣздное небо,
И все, что подъ небомъ живетъ.
Тебѣ, созидавшему въ мракѣ
Предвѣчные свѣта лучи, —
И мирная вѣтка оливы,
И мстительной правды мечи.
Тебѣ, ниспровергшему въ пропасть
Надменнаго демона тьмы,
Высокія мысли и думы,
И полные правды псалмы.
Тебѣ, ниспославшему Слово
Въ нашъ міръ для прозрѣнья слѣпцовъ,
Огни, ароматы курильницъ,
Моленья во вѣки вѣковъ.

Не Ты-ль назначаешь дорогу,
Не Ты-ли горишь маякомъ?
Мой духъ не Твое-ль дуновенье?—
И всѣ мы не въ духѣ-ль Твоемъ!
И Ты, совершающій тайны
Въ сіяющемъ мірѣ своемъ,—
Ты слышишь, Ты видишь, Ты любишь,—
И жизнь Твоя въ сердцѣ моемъ.

К. Фофановъ.

101. Свѣтъ Христовъ.

Какъ мглой ночною безпросвѣтной
Объятъ бываетъ небосклонъ,
Такъ дряхлый міръ вѣтхозавѣтный
Былъ тьмою властной окруженъ.
И ни единый лучъ разсвѣта
Не озарялъ людей сердца—
Царила тьма въ душѣ поэта,
Мракъ подавлялъ и мудреца.
Безчеловѣчность, злоба, мщенье
Въ культъ возводились... И во вѣкъ
Любви высокой, всепрощенья
Слѣпой не вѣдалъ человѣкъ.
Когда былинкѣ даже скромной
Безъ солнца должно умереть,—
Какъ могъ безъ свѣта міръ огромный
Не разрушаться и не тлѣть?
И гибнулъ онъ во тьмѣ, покуда
Надъ нимъ не сжалился самъ Богъ.
Свершилъ Онъ истинное чудо:
Неугасимый свѣтъ зажегъ.
То—свѣтъ ученія Христова.
Онъ ярче солнечныхъ лучей,
Съ нимъ Божій міръ родился снова—
И мракъ сошелъ съ людскихъ очей.
И душу Божьяго созданья
Прекраснѣй сдѣлалъ этотъ свѣтъ,—

Онъ утѣшаетъ боль страданья,
Онъ облегчаетъ тяжесть бѣдъ...
Пусть силы мрака неустанно
Враждуютъ съ Нимъ... Придетъ пора —
Восторжествуетъ свѣтъ желанный,
Свѣтъ вѣчной правды и добра!

*Б***.*

102. Христова звѣзда.

Когда въ Вифлеемѣ родился Христосъ;
Звѣзда Его ярко на небѣ сіяла!..
Иная пора для людей наступала —
Спаситель въ порочный нашъ міръ перенесъ
Небесной любви благодатное сѣмя;
Онъ въ добрую почву его заронилъ.
Ученье свое крестной смертью скрѣпилъ:
Явилося новое племя
Апостоловъ правды, которые шли
Во всѣ отдаленныя страны земли,
Ученье любви проповѣдуя смѣло,
И гибли безъ страха за правое дѣло.
Ихъ вѣщее слово свой плодъ принесло:
Число христіанъ все росло и росло!
Имъ въ жизни служили звѣздой путеводной
Слова Іисуса Христа:
„Любите другъ друга“! Была простота
Удѣломъ святымъ ихъ общины свободной!
Но шли за годами года —
И тѣхъ христіанъ, тѣхъ поборниковъ братства
Давно не осталось слѣда!
Людей раздѣляетъ тупая вражда;
Людей увлекаютъ земныя богатства!
И нѣтъ уже въ насъ той великой любви,
Что прежде устами Христа говорила:
„Для счастія ближнихъ живи —
Въ самоотреченіи кроется сила“!
Въ насъ нѣтъ состраданія къ тѣмъ,

Кто въ жизни несетъ непосильное бремя!
Но въ мірѣ подлунномъ еще не совсѣмъ
Погасла надежда на лучше время.
И все-таки вѣритъ еще человѣкъ,
Что Богъ не допуститъ нашъ міръ безъ возврата
Погрязнуть въ пучинѣ разврата,
Что быстро иной приближается вѣкъ,
Что будетъ любовь нашимъ общимъ кумиромъ
И будетъ свѣтъ истины ярко сіять!
Но, Господи, долго ли ждать?
И скоро-ль добро воцарится надъ миромъ?
Когда-же придетъ ожидаемый день,
Когда-же разсѣется лжи и обмана
Позорно надъ міромъ царящая тѣнь,
Разсѣется мракъ вѣкового тумана,
Отъ насъ застилающій истины свѣтъ?
Когда-же прогонитъ свѣтило Христово,
Все то, что позорило Божіе слово,
Святой нарушая завѣтъ;
И міръ, обезславленный рознью народной,
Безцѣльной враждою и злобой безплодной,
Вѣками купавшійся въ братской крови,—
Омоется въ чистой купели любви?

В. Мироновъ.

103.

Въ годину бѣдъ, тяжелыхъ испытаній
Подъ гнетомъ зла и пошлости людской,
Не забывай, мой другъ, чужихъ страданій
Судьбой отверженныхъ, такихъ какъ ты созданій;
Не призывай Нирвану и покой.

Пусть гаснетъ жизнь и сердце терпитъ муку,
Пусть изнемогъ въ неравной ты борьбѣ,
Но обездоленный когда придетъ къ тебѣ —
Ты протяни ему съ участьемъ руку,
Привѣть его, забывши о себѣ.

Ты знаешь самъ какъ дорого участье;
И ласка теплая и дружескій привѣтъ,—
Такъ дороги, какъ путнику разсвѣтъ
Въ глухой степи, какъ дни былого счастья
Давно утраченныхъ, но не забытыхъ лѣтъ.

Не мсти врагу за дни пережитые
Утратъ и горечи,—побѣдой для тебя
Не злоба дикая, а кроткія, простыя,
Завѣта Новаго слова Христа Святыя:
„Любите ближняго, какъ самого себя".

Пусть голосъ совѣсти звучитъ, не умирая,
Въ душѣ твоей, какъ въ юности звучалъ,
Въ тѣ годы честные, когда тебѣ сіялъ
Въ дали безоблачной, какъ отраженье рая,
Могучимъ Свѣточемъ горя и призывая
Безвѣстныхъ подвиговъ великій идеалъ!

М. Анненкова.

104. Молитва.

Мнѣ зло желающимъ, о, Боже,
Цѣпей-оковъ не посылай.
По тюрьмамъ ихъ не разсылай;
Но всѣмъ, добро творящимъ, Ты
Свою святую силу дай,
Своей ихъ правдѣ поучай.
А кроткихъ сердцемъ? — Возлѣ нихъ
Поставь Ты ангеловъ своихъ
И чистоту ихъ соблюдай.
И всѣмъ намъ здѣсь—гостямъ земли,
Ты братолюбіе пошли,
Единомысліе подай!..

Перевелъ *Ив. Бѣлоусовъ.*

105. Враги людей.

Есть врагъ людей и врагъ тотъ—Голодъ,
Онъ слѣпъ, его ведетъ Нужда,
Въ рукахъ его тяжелый молотъ
Лишеній, горя и труда,
А наковальня—Люди-братья,
По нимъ Онъ бьетъ и день и ночь,—
Простирите-жъ къ нимъ свои объятья,
Чтобъ имъ хоть чѣмъ-нибудь помочь!

Есть врагъ другой, тотъ врагъ—Сомнѣнье,
Тотъ врагъ—тоска безцѣльныхъ дней.
Онъ губитъ мысли и стремленья
Всѣхъ лучшихъ избранныхъ людей,
Полна душа у нихъ проклятій,
А въ сердцѣ—холодъ, въ сердцѣ—ночь...
Не простирайте къ нимъ объятій,—
Имъ вы не можете помочь!

Д. Ратгаузъ.

106. Два свѣточа.

Въ сумракѣ ночи звѣздой путеводной
Долго огонь пламенѣлъ одиноко—
Свѣточъ единственной вѣры народной
Совѣсти общей единое око.

Шелъ къ нему правый съ душой непорочной
И возвращался къ нему же заблудшій:
Не было около правды побочной,
Не было найдено истины лучшей.

Но безпокойная жажда познанья,
Неукротимая опыта сила,
Въ тайну святую, въ обитель преданья
Факелъ сомнѣнья дымящій вносила.

Меркли лампады предъ ликомъ святыни,
Чувства довѣрья къ завѣтному гасли,
И въ освѣщенной сознаньемъ пустынѣ
Люди увидѣли новыя ясли;

Вѣчныхъ загадокъ отринувъ безмѣрность,
Дабы умамъ не впадать въ заблужденье,
Чистая мысль родила достовѣрность—
Точное знанье, законъ убѣжденья.

И какъ апостолы вѣры пріяли
Много гоненья, страданья и муки,
Такъ же шли на смерть и такъ же страдали
И проповѣдники свѣта науки.

А человѣчество въ двойственномъ свѣтѣ
Вѣры и знанья сиротски блуждало
И, какъ въ лѣсу заплутавшія дѣти,—
„Гдѣ же свѣтъ инстинный?"—все вопрошало.

Къ счастью намъ два маяка озарили
Ночи безвѣрья, потемки незнанья.
Мы дорогою цѣной ихъ купили
Не для разлада и не для страданья.

Пусть не шумитъ разногласій тревога
И не шипитъ нетерпимости злоба:
Два проявленія мудрости Бога—
Свѣточи эти намъ дороги оба.

Море житейское выкинетъ въ высь-ли
Иль погрузитъ насъ „на дно" своей „бездны",—
Вѣра для чувства, наука для мысли—
Обѣ намъ бронею будутъ полезной.

П. Поповъ.

107. Хлѣбъ насущный.

Океанъ остался тамъ—за нами,
Гдѣ еще другіе корабли
Борются отчаянно съ волнами...
Мы съ тобою къ пристани пришли.

Въ прошломъ все—борьба, волненье, горе;
Буря намъ ужъ больще не страшна:
Пѣнится, шумитъ далеко море;
Здѣсь у насъ—и миръ, и тишина.

Намъ краснѣть съ тобою нѣтъ причины:
Мы корабль нашъ маленькій вели
Между скалъ и мелей, чрезъ пучины,
И его мы въ гавань привели.

Есть на немъ пробоины, заплаты,
Мы на мель садилися не разъ,
Но опять спасались, и пираты
Потопить не въ силахъ были насъ.

Въ грозный мигъ, предъ бурною волною,
Въ темнотѣ сбиваяся съ пути,
Духомъ мы не падали съ тобою,
Вѣрный путь старались вновь найти.

Много мы извѣдали невзгоды,
Плавая далеко отъ земли,
И теперь, придя въ родныя воды,
Не пустой корабль мы привели.

Мы на немъ не привезли жемчужинъ,
Дорогихъ матерій и камней;
Въ трюмѣ хлѣбъ насущный, что такъ нуженъ
Чтобы жизнь не гасла у людей!

Этотъ хлѣбъ нашъ ядомъ не отравленъ,
Мы его въ дорогѣ берегли,
Нами онъ на родину доставленъ,
Чтобы имъ питаться всѣ могли.

Но, мой другъ, не мало хлѣба нужно,
Чтобы всѣхъ голодныхъ накормить...
О, когда-бъ стремилися всѣ дружно
Въ гавань хлѣбъ насущный привозить!

Не бѣда, когда богачъ скучаетъ:
Вотъ бѣда, когда въ родныхъ поляхъ
Хлѣбъ побитъ и все-жъ не прибываетъ
Въ гавань хлѣбъ на новыхъ корабляхъ.

Алекс. Кругловъ.

108. Молитва.

О, Боже, на грѣшнаго сына воззри
И лютыя страсти во мнѣ усмири!
Отецъ не скорбѣть развѣ можетъ о сынѣ,
Погрязшемъ въ соблазнахъ, въ мятежной пучинѣ!
Зачѣмъ угасаютъ надежды мои!
Безгрѣшный Адамъ внялъ навѣтамъ змѣи,
Адамъ упоенный красотами рая,
Презрѣлъ ихъ, земнымъ вожделѣньемъ сгорая!..
Воды живоносной испить мнѣ дозволь,
Дай мнѣ утопить въ ней сердечную боль!
Челнокъ мой спаси отъ лихой непогоды,
Дай пристань покоя, духовной свободы!..
О, Боже! Ты вѣдаешь сердца тайникъ!
Сберусь-ли подумать,—ужъ чудомъ проникъ
Ты въ каждаго помысла смутнаго трепетъ.
Что значитъ безсилья младенческій лепетъ!
О чемъ-же молить остается рабу?!..
Прими-жъ и молчанье мое, какъ мольбу!..

В. Л. Величко.

109.

Ты говоришь, что я останусь одинокъ—
Съ моимъ, осмѣяннымь давно—міровоззрѣньемъ
Что бурный жизненный потокъ
Своимъ стремительнымъ теченьемъ
Подхватитъ и умчитъ мой маленькій челнокъ.

Не безпокойся, другъ! Вѣдь я не новичекъ,
Давно я плаваю и въ буряхъ закалился...
Я пристань вижу, и потокъ
Не страшенъ, какъ бы онъ ни злился.
Я къ пристани приду—приду не одинокъ:

Со мною будетъ Тотъ, Кто создалъ и потокъ,
И волю далъ его мятежному теченью,
Кто направляетъ мой челнокъ,
И моему міровоззрѣнью
Возникнуть и согрѣть въ душѣ моей помогъ!

Алекс. Кругловъ.

110.

Есть въ мірѣ грезы, есть мечты,
Есть въ мірѣ свѣтлые порывы:
Ихъ чудодѣйные цвѣты
Растутъ и тамъ, гдѣ зрѣютъ нивы...
Но ихъ хоронятъ каждый день
Въ глуши безмолвныхъ деревень...
Есть въ мірѣ геніи... Они
Порой—невѣдомо для свѣта—
Таятъ въ своей груди огни
Вождя, философа, поэта...
Но сколько сколько гибнетъ ихъ
Во мглѣ подваловъ городскихъ!..

Есть силы жизни въ мірѣ, есть...
Но въ дни безволія больного
Безсилья жертвъ не перечесть.
Не воскресить погибшихъ снова...
И гаснетъ, гаснетъ вѣры свѣтъ,
Намъ тьма грозитъ, въ насъ жизни нѣтъ!..

Аполлонъ Коринѳскій.

111.

Во тьму души, страдающей подъ гнетомъ
Житейскихъ золъ, заботъ и суеты,
Порой, на мигъ, стремительнымъ налетомъ
Врываются волшебныя мечты.
Онѣ съ собой потоки вносятъ свѣта,
И запахъ розъ, и вѣянье любви,
И ждутъ онѣ и требуютъ отвѣта,
На рѣчи страстныя, призывныя свои!
Душа молчитъ: она ужъ имъ не вѣритъ,
Не вѣритъ сказкамъ... Счастье и любовь
Все на землѣ, все лжетъ и лицемѣритъ,
И всюду льются слезы или кровь!
Не осушить душѣ любвеобильной
Ни горькихъ слезъ, ни крови пролитой,
Къ чему-жъ съ судьбой, жестокой и всесильной,
Бороться ей, къ чему ей жить мечтой?..
Мечты напуганы загадочнымъ молчаньемъ
Больной, страдающей, обманутой души,
Не соблазнивъ ее воспоминаньемъ,
Ее покинули одну въ ночной тиши.
И свѣтъ погасъ, и запахъ розъ душистыхъ
Разсѣялся, какъ вѣянье любви,
Какъ прелесть грезъ восторженныхъ и чистыхъ,
Отравленныхъ страданьями земли.

А. Д. Львова.

112.

Счастливъ тотъ, кто даръ природный
Свѣтомъ знанья укрѣпилъ,
И для пользы всенародной
Честно, доблестно служилъ;
Счастливъ тотъ, кто правды знамя
Въ жизни несъ, какъ гражданинъ,
Кто сберегъ святое пламя
Свѣтлой вѣры до сѣдинъ;
Счастливъ тотъ, кто, умирая,
Можетъ смѣло повторить,
Что онъ въ лѣтописяхъ края
Для потомства будетъ жить;
Но и тотъ извѣдалъ счастье,
Для кого любовь была
Яркимъ свѣточемъ въ ненастьѣ
И источникомъ тепла.

А. Кругловъ.

113. Иди впередъ!

Иди впередъ! Борись съ судьбой!
Мужайся духомъ и не падай!
Пускай надежды лучъ живой
Во мракѣ жизни предъ тобой
Сіяетъ яркою лампадой!
Иди впередъ! не унывай!
Но, полный гордаго терпѣнья,
Молись, трудися и страдай,
И отъ людей, какъ кладъ, скрывай
Свои тяжелыя мученья!
Иди впередъ! Самъ Богъ съ тобой!
Онъ крестъ послалъ, Онъ дастъ и силы!
И пусть надежды лучъ живой
Тебѣ спасительной звѣздой
Освѣтитъ жизни мракъ унылый!

Леонидъ Афанасьевъ.

114.

Въ небѣ звѣзды горятъ изумрудныя
Цѣлымъ моремъ блестящихъ огней;
Все въ природѣ гармонія чудная,
Все согласье законное въ ней.
Все въ ней—жизни людей совершеннѣе.
И сознанье, невольнымъ путемъ,
Человѣчества всѣ отношенія
Поражаютъ и ложью, и зломъ.
Поражаютъ борьба и страданія,
Безнадежный отчаянья стонъ
И раздоры, и вопли, рыданія,
И умолкнувшій чести законъ;
Поражаютъ несчастья различныя,
И апатія, лѣнь и застой,
Надруганіе, рѣчи циничныя
Надъ любовью и вѣрой святой;
Поражаетъ созданье свободное,
Человѣкъ, что онъ слѣпъ, что онъ дикъ,
Что въ гармоніи благо народное
Онъ донынѣ еще не постигъ.

М. Д. Ѳедоровъ.

115. Изъ еврейскихъ мелодій Байрона.

Когда нашъ прахъ оледенитъ
Нѣмая смерть—куда свободный,
Безсмертный духъ нашъ полетитъ,
Оставивъ этотъ прахъ холодный?
Планетъ-ли путь онъ изберетъ,
Или, съ пространствомъ слившись разомъ,
Все во вселенной обойметъ
Незримымъ, но всезрящимъ глазомъ.
Онъ, вѣчный, будетъ созерцать—
Что въ небѣ и землѣ творится,

И изъ забвенья вызывать,
Что смутно въ памяти таится.
Малѣйшій слѣдъ былыхъ временъ,
Прошедшее съ грядущимъ рядомъ,
Схватить способенъ будетъ онъ
Однимъ широкимъ мысли взглядомъ.
Назадъ чрезъ хаосъ проникать
До дней, какъ творческая сила
Міры задумала создать
И нашу землю населила,
Впередъ онъ взоры устремитъ
Туда, въ грядущее вселенной...
Пусть пламя солнца догоритъ,
Но духъ пребудетъ, неизмѣнный.
Освободившись отъ сѣтей
Его стѣсняющаго праха,
Поднявшись выше всѣхъ страстей—
Любви, вражды, надежды, страха,—
Онъ будетъ мыслію летѣть
Надъ всѣмъ, чрезъ все, преградъ не зная,
Забывъ, что значитъ умереть,
И вѣчно въ вѣчности витая...

Д. Михайловскій.

116.

Блаженъ, въ чьемъ сердцѣ миръ глубокій,
Кто вѣритъ въ Бога и людей,
Кто никогда, отъ зла далекій,
Не лгалъ предъ совѣстью своей
Онъ не одинъ подъ небесами:
На каждый дружескій привѣтъ
Природа всѣми голосами
Съ любовью шлетъ ему отвѣтъ.,.
Но Божьихъ звѣздъ любовный взоръ,
Улыбка неба голубого—
Для сердца темнаго и злого—
Живой мучительный укоръ.

Д. Мережковскій.

117. Камень и Зодчій.

Камни они въ города громоздятъ, точны гробы,—
Бездушныя стѣны!
Сколько въ нихъ зависти, сколько въ нихъ злобы,
Сколько измѣны!
Сколько печали и страха!..
Зодчій Безсмертный! Ваятель вселенной! Затѣмъ-ли
Вывелъ Ты властно изъ праха
Рукою нетлѣнной
Горы, ущелья, плодами цвѣтущія земли,
Корни и зелень лѣсовъ темнокудрыхъ,
Небо наполнилъ лучами безсмертныхъ,
Какъ Самъ, огнеточій
И безконечность осмыслилъ, таинственный Зодчій
Въ разумѣ мудрыхъ!
Тщетно, Всесильный, Тебѣ подражаетъ безсильный.
Смертныхъ и слабыхъ завистливы очи!
Горды и смѣлы познанья холодныя крылья,—
Тщится за грань упорхнуть смерти и ночи,
Тщится Тебя разгадать духъ ослѣпленный Тобою:
Чѣмъ Твой источникъ живучъ, какъ Твои звѣзды сотканы?
Жажда-ли славы водила Твоею рукою?
Жажда-ли мысли ковала безсмертные планы?
Дологъ упорный ихъ трудъ воли желѣзной—
Скуденъ и жалокъ ихъ пламень!
Чтожъ громоздятъ они, камень на камень.
Мертвыя формы мертвы въ красотѣ безполезной.

К. Фофановъ.

118. „Невѣдомому Богу".

Мы идемъ къ невѣдомой святынѣ...
Въ темнотѣ, въ безмолвности ночной,
Въ усыпленной полночью пустынѣ
Все молчитъ, все дышетъ тишиной...

Лишь звѣзду роняя за звѣздой,
Плачетъ небо, словно мать о сынѣ...
Мы идемъ къ невѣдомой святынѣ
Какъ простые странники, въ пыли,
Мы—цари великаго Востока—
Отъ земли идемъ и до земли,
Потому что огненное око
Надъ землею вспыхнуло вдали
И позвало насъ и мы пошли,
Мы цари великаго Востока...
Въ голубыхъ поляхъ небесныхъ странъ
Та звѣзда не даромъ возсіяла;
Намъ она таинственно сказала:
Озирисъ, Ормуздъ и Ариманъ,
Власть Астарты, злая мощь Ваала—
Все ничто! Все—призракъ и обманъ!
Въ лирѣ власть иная возсіяла...
Въ обращеньи къ истинѣ святой
Всѣ равны—и царь, и жалкій нищій.
Сквозь туманъ незнанія густой
Мы идемъ искать небесной пищи...
Какъ за хлѣбомъ къ пышному жилищу
Въ скорби ночь идетъ бѣднякъ больной,
Мы идемъ за истиной святой...
Въ темнотѣ, къ невѣдомой святынѣ
Мы, цари и пастыри, идемъ—
И съ собой пасомыхъ поведемъ:
Цѣлый міръ пойдетъ за нами нынѣ...
За небеснымъ слѣдуя огнемъ
По пути тяжелому, въ пустынѣ,
Онъ придетъ къ невѣдомой святынѣ...

Георгій Аркатовъ.

119. Самаритянинъ.

Что есть любви еще въ тебѣ,
Не поскупись и всю отдай;

Многообильный Божій міръ
Любовью нищъ изъ края въ край.
Не выноси ее на торгъ
И съ ней въ палаты не ходи:
Наступитъ день—судьба пошлетъ
Тебѣ страдальца на пути.
Скажи ему: „Вотъ, мой кувшинъ,
А въ немъ для ранъ твоихъ елей;
Чѣмъ услужить еще могу
Тебѣ я въ немощи твоей,
Не жди, чтобъ онъ благодарилъ:
Помогъ и дальше отъ него;
Твой долгъ исполненъ-ли,—о томъ
Спроси у сердца своего.
И, что останется любви
Въ кувшинѣ, зря не выливай:
Многообильный Божій міръ
Любовью нищъ изъ края въ край.

В. С. Лихачевъ.

120.

Не угасай небесный пламень,
Душа тобой озарена!—
Угаснешь ты—уснетъ она,
И обратится сердце въ камень—
И будетъ жизнь, какъ смерть темна,
Но озари въ душѣ усталой
Всѣ потаенные углы,
Развѣй печаль сердечной мглы
И возвѣсти зарею алой
О жизни духа внѣ суетъ...
Не угасай небесный свѣтъ.

Н. Рябовъ.

121.

Мутные потоки пошлости вседневной...
Смутныхъ упованій меркнущая даль..

Изрѣдка, внезапно, вспышки силы гнѣвной,
Да порой былого совѣстно и жаль!..
Стыдно лжи условной, правды жаль завѣтной,
Жаль самообмана трепетной мечты,
Красокъ омраченныхъ жизнію бесцвѣтной,
Звуковъ заглушенныхъ шумомъ суеты!..
Въ кандалахъ привычныхъ нехотя иду я
Жизненной дорогой, опустивъ чело,
Стыдъ и сожалѣнья съ гнѣвомъ чередуя,
Счастье-ль обмануло?.. Сердце-ль отцвѣло?!..
А кругомъ!.. потоки пошлости вседневной!..
Все темнѣетъ смутныхъ упованій даль!..
Рѣже и слабѣе вспышки силы гнѣвной;
Прошлаго не стыдно, прошлаго не жаль!
И не жизнь, о, Боже, и не сонъ могильный!..
О, взгляни же въ душу скорбную мою,
Окрыли надежду, дай мнѣ воли сильной!
Если жизнь,—да будетъ жизнь любвеобильной;
Смерть,—такъ смерть за правду! Смерть въ честномъ бою.

Василій Величко.

122.

Не все равно, на что истратить сердца жаръ
И жизнь, намъ данную отъ Бога;
Кому отпущено, по волѣ неба, много,
Съ того и взыщется за этотъ щедрый даръ!
И горе тѣмъ избранникамъ—пророкамъ,
Съ печатью неба на челѣ,
Которые, потворствуя порокамъ,
Пройдутъ соблазномъ по землѣ.
Кто призванъ быть свѣтильникомъ—да свѣтитъ,
А не смущаетъ малыхъ сихъ.
Великому почетъ; но онъ отвѣтитъ
За каждый грѣхъ сильнѣй другихъ!

А. Кругловъ.

123.

Въ томъ нѣтъ грѣха, что въ разныхъ книгахъ
Ты ищешь правды и Христа,
То видишь свѣтъ въ постѣ, въ веригахъ,
То вдругъ пытливая мечта
Тебя властительно уноситъ
Къ далекимъ чуждымъ берегамъ.
Въ томъ нѣтъ грѣха... Кто въ дверь стучится,
Духовной жаждою томимъ,
Тому сомнѣніе простится,
И будетъ Богъ отысканъ имъ.
Судъ ждетъ того, кто мысль о Богѣ
Заботой суетной убилъ
И объ „украшенномъ чертогѣ"
Въ душѣ тоски не пробудилъ.

А. Кругловъ.

124.

Подъ тяжестью креста, за темный міръ страдая,
Онъ шелъ въ послѣдній путь—Учитель Назорей;
Предъ Нимъ лежалъ Сіонъ, въ сіяньи дня блистая
Священной красотой и роскошью своей...
И шла за Нимъ толпа—безмолвіемъ объята,
Въ невѣдѣньи своемъ преступная толпа,
Предавшая Христа на судъ земной Пилата,
Къ ученью Истины негаснущей слѣпа...
Мессія, Царь и Богъ—Онъ былъ толпѣ невѣдомъ
Въ хитонѣ простоты и кротости святой:
Зачѣмъ не велъ народъ ко славѣ и побѣдамъ,
Зачѣмъ не свергнулъ Римъ, всевластною рукой!
Для гордыхъ книжниковъ, для взоровъ фарисея
Онъ—проповѣдуя, прощая и любя
Былъ сыномъ плотника изъ дальней Галилеи,
Лишь имя Божіе принявшимъ на Себя
„Распни, распни Его!—Вараввѣ дай свободу!"

Имъ вторитъ весь народъ.. И внялъ ему судья,
И предалъ имъ Христа, сказавъ въ отвѣтъ народу;
„Онъ вами осужденъ, виновны вы — не я!..
И — пройденъ крестный путь... Голгофа...
Совершилось...
И распятъ былъ Христосъ, съ страданіемъ Своимъ
Исполнившій завѣтъ... И въ мірѣ искупилось
Все зло; вся тьма грѣха развѣялась, какъ дымъ...
Съ тѣхъ поръ прошли вѣка... Но мы увидимъ снова
Среди сыновъ вражды грядущаго Христа:
Пройдетъ Онъ посреди смятенія земного, —
Но не подъ бременемъ Голгоѳскаго креста,
Нѣтъ, трепещи земля, поправшая такъ много
Завѣтовъ Истины великой и благой!..
Придетъ къ тебѣ Христосъ, но въ грозной славѣ Бога,
Не всепрощающимъ Страдальцемъ, а — Судьей.

Аполлонъ Коринѳскій.

125.

Не мсти врагамъ!
Не мсти врагамъ:
Ты причинилъ бы имъ страданья,
Но отъ стыда, отъ состраданья
Еще вдвойнѣ изнылъ бы самъ.
Не мсти врагамъ!
Плати добромъ:
Добромъ ты ихъ обезоружищь,
Друзей въ нихъ, можетъ быть, заслужишь,
Не поступившись самъ ни въ чемъ.
Плати добромъ!

В. Авенаріусъ.

126.

Средь моря жизненной пустыни,
Искалъ я, брошенный въ волнахъ,

Мнѣ заповѣданной твердыни
На Араратскихъ высотахъ.
И вотъ, съ зеленою маслиной
Въ ковчегъ осиротѣлый мой
Слетѣлъ твой голосъ голубиный,
Дыша землей, дыша весной.
Сойдя на берегъ лучезарный
Я въ высяхъ той благой страны
Костеръ воздвигнулъ благодарный
Благовѣстителю весны.

Г. П. Данилевскій.

127. Пріидите ко мнѣ.

Дни смятенья пришли: всюду скрежетъ зубовъ,
Стоны, вопли, людскія проклятья,
И въ преступной враждѣ, дѣти мучатъ отцовъ,
И на бой ополчаются братья.
Моръ и голодъ кругомъ, и антихристъ царитъ,
Проповѣдуя культъ разрушенья,
Онъ печатью тоски безнадежно клеймитъ,
Всѣхъ, кто внемлетъ словамъ лжеученья.
„Пріидите ко мнѣ,—обольщаетъ онъ міръ,—
Вы несчастныя жертвы творенья,
Всякъ, кто голоденъ, нагъ, обездоленъ и сиръ,
Кто измученъ тоскою сомнѣнья.
Пріидите ко мнѣ, всякъ, кто жаждетъ познать
Злую правду бытья рокового,
Я повѣдаю вамъ, что не нужно страдать
Подъ ярмомъ произвола слѣпого.
Жизнь,—безцѣльное зло! пресѣките на вѣкъ
Корень жизни, ту страсть роковую,
Отъ которой на свѣтъ родился человѣкъ,
Чтобъ борьбу выносить роковую“.
Такъ антихристъ гласитъ, обольщая людей,
Умножая кругомъ преступленья...
Скоро-ль будетъ конецъ?.. все темнѣй и темнѣй...
Звѣзды гаснутъ... дождемся-ль спасенья!

О, Мессія! Гряди въ блескѣ яркой зари,
Въ лучезарной веснѣ обновленья!
Въ прахъ владычество смерти и ада сотри
Жизнерадостнымъ днемъ Воскресенья!
Страшный судъ сотвори надъ врагами любви,
И антихриста ввергни въ геену;
Смой съ земли навсегда пятна братской крови,
Что родили войну и измѣну.
И незыблемый миръ водвори на землѣ,
Чтобъ, святымъ состраданьемъ согрѣта,
Возсіяла она, словно солнце во мглѣ,
Царствомъ Правды и вѣчнаго Свѣта!
О, Мессія, гряди! воскреси мертвецовъ
Торжествующей силою слова,
И живыхъ исцѣли отъ мучительныхъ сновъ
Отъ отчаянья вѣка больного.
„Пріидите ко Мнѣ,—мы услышимъ Твой зовъ,—
Ратью дружной сплотитесь народы!
Не на бой васъ зову противъ дикихъ враговъ,
Не на оргію буйной свободы!
Не съ огнемъ и мечемъ ополчайтесь на зло,
Не со знаменемъ призрачной славы,
И лавровымъ вѣнкомъ не вѣнчайте чело
Проповѣдниковъ дикой расправы.
Но сплотитесь дружнѣй, въ трудовую семью,
Разработайте ниву родную,
И обрящете вы въ обновленномъ раю,
Цѣну жизни и радость земную.
Пріидите ко Мнѣ! Я зову васъ на пиръ,
Гдѣ, какъ братья, всѣ примутъ участье;
Въ мірѣ Божьемъ любовь воцарится и миръ,
И пойметъ человѣчество счастье.

Ад. Львовой.

128. Изгнанники.

Есть радость въ томъ, чтобъ люди ненавидѣли,
Добро считали зломъ

И мимо шли, и слезъ твоихъ не видѣли,
Назвавъ тебя врагомъ.
Есть радость въ томъ, чтобъ вѣчно быть изгнанникомъ
И. какъ волна морей,
Какъ туча — въ небѣ, одинокимъ странникомъ
И не имѣть друзей.
Блаженны вы, бездомные, томимые
Печалію земной.
Блаженны вы, презрѣнные, гонимые
Счастливою толпой;
Прекрасна только жертва неизвѣстная;
Какъ тѣнь, хочу пройти
И сладостна да будетъ ноша крестная
Мнѣ на земномъ пути,
О, вѣрь, твое сокровище нетлѣнное —
Не здѣсь,— а въ небесахъ,
Въ твоемъ стыдѣ — величье сокровенное,
Восторгъ — въ твоихъ слезахъ.
Умри, какъ жилъ, — лелѣя грезы нѣжныя,
Не слыша дальнихъ бурь, —
И серафимовъ крылья бѣлоснѣжныя
Умчатъ тебя въ лазурь!

Д. Мережковскій.

129.

Полно, успокойся,
О душа больная,
Не ропщи на небо,
Долю проклиная!
Посмотри, какъ тихо,
Съ кротостью покорной
Старый садъ роняетъ
Свой нарядъ узорный.
Что цвѣло весною, —
Осень все уноситъ,
И земля пощады

У нея не проситъ.
Съ неба голубого
Льется свѣтъ прощальный
На поля густыя
И на лѣсъ печальный.
Тишина... Ни звука!
Лишь вздохнетъ порою,
Вѣтерокъ, чуть слышно
Шевеля листвою,
Да чиликнетъ пташка
Робко, сиротливо, —
И опять все тихо,
Грустно, молчаливо...
Тутъ не мѣсто бурямъ
И тревогѣ страстной...
Отдохни, усталый!
Отдохни, несчастный!

А. М. Федоровъ.

130. Dies irae.

Люди опомнитесь! Вотъ она — смерть!
Вотъ она, страшная, кроткая, вѣчная,
Тайна надъ вами — небесная твердь,
Тайна въ сердцахъ вашихъ — жизнь безконечная...
Ваше проклятье — безсмысленный трудъ.
Стадо слѣпое — толпа ваша грязная...
Скука, безумье, обжорство и блудъ,
Жизнь ваша — смерть безобразная!..
Въ небѣ звучитъ громовая труба,
Въ темной землѣ мертвецы содрогаются,
Полные тлѣна зіяютъ гроба,
Очи для вѣчнаго дня разверзаются.
Какъ-же намъ стать предъ лицомъ Судіи,
Солнцу подобнаго, грозно-великаго?
Какъ-же подымешь ты очи твои,
Полныя мрака и ужаса дикаго?
Люди, опомнитесь! Дѣти Отца,

Страшнаго Бога, судить васъ грядущаго,
Не отвращайте отъ Свѣта лица,
Я заклинаю васъ именемъ Сущаго!..

Д. Мережковскій.

131.

Есть въ груди святая сила,
Что въ минуты вдохновенья,
Побѣдивъ сухой разсудокъ,
Разрѣшаетъ всѣ сомнѣнья.
На душѣ свѣтло и чудно,
Тайный голосъ шепчетъ страстно:
„Полюби — любовь всесильна,
Ей и скорбь твоя подвластна!
Вновь блеснетъ, тебя лаская,
Лучъ божественнаго свѣта;
Снова чистой, кроткой вѣрой
Будетъ грудь твоя согрѣта.
Внемлешь жадно этимъ звукамъ,
Вѣришь вновь въ былыя грезы;
А изъ глазъ готовы хлынуть
Накопившіяся слезы.

Ч. Альбинскій.

132. Мечъ.

Суровый гнѣвъ души своей уйми!
Не проклинай — проклятьемъ сердце губишь!
Не осуждай — и осужденъ не будешь
Ни Богомъ, ни людьми!
Сдержи свой гнѣвъ, обидою рожденный!
Забудь про месть, и мечъ свой обнаженный
Не подымай на брата сгоряча!
Подъявшій мечъ — погибнетъ отъ меча.

Л. Афанасьевъ.

133. Сумерки.

Мы умираемъ каждый часъ...
Мы глухи къ счастью и надеждѣ,
Грядущій день не манитъ насъ —
И смерть пугаетъ лишь, какъ прежде!

Живемъ, —а какъ и для чего,—
Намъ дѣла нѣтъ! Съ тупымъ упорствомъ
Живемъ,—а все въ душѣ мертво,
Ни капли чувства въ сердцѣ черствомъ!

Боится мысли голова...
Мы мелко жадны, мелко злобны...
Не вѣря болѣе въ слова,
И къ дѣлу мы ужъ неспособны!

Кто правду скажетъ намъ, — того
Мы бить каменьями не будемъ,
Нѣтъ... Просто намъ не до него —
Мы улыбнемся и... забудемъ. .

Какъ завѣщанія царей, —
Любви осмѣяны завѣты...
Все отцвѣло, всѣ пѣсни спѣты...
О, мы несчастнѣй дикарей!

Жалка ихъ вѣра, мысль убога, —
Но искра жизни есть!.. А мы? —
Низвергнувъ идоловъ, — и Бога
Мы потеряли въ царствѣ тьмы.

Теперь умомъ зовутъ сомнѣнье.
Насмѣшка—генія печать,
Благоразуміе—умѣнье
Неправду видѣть... и молчать!..

Нависли сумерки надъ нами..,.
Ни дня, ни ночи въ небѣ нѣтъ...
Зальетъ ли черными волнами
Все ночь, забрезжитъ ли разсвѣтъ?

Рѣчей ли пламенныхъ пророка
Пробудитъ насъ живой аккордъ,
Зальетъ ли насъ тьма дикихъ ордъ
Изъ нѣдръ таинственныхъ Востока?

Иной ли, въ меркнущей дали,
Насъ недругъ ждетъ, какъ звѣрь голодный,—
Чтобъ рабскій умъ и трудъ безплодный,
И насъ,—какъ соръ, какъ хламъ негодный,
Стереть съ лица земли?!..

Василій Величко.

134.

Благодарю Тебя, Создатель,
За этотъ теплый блескъ лучей,
За это солнце золотое,
За сѣнь узорчатыхъ вѣтвей.
Но это солнце часто тускло,
Но эти теплые лучи
Въ дни горя сердце намъ пронзаютъ
Какъ огненосные мечи!
А эта сѣнь лѣсовъ густая
Не укрываетъ нищеты
И вмѣсто сладкихъ ароматовъ
Намъ точатъ ядъ Твои цвѣты.
И все-же, благостный Создатель,
Тебя хулой не оскорблю,
Люблю Тебя въ твореньяхъ свѣта,
Въ Тебѣ творенія люблю.

И какъ пчела къ цвѣтамъ душистымъ,
И какъ цвѣтокъ къ живому дню,—
Къ Тебѣ стремлю мечты и очи,
И разумъ свой къ Тебѣ клоню!..

К. Фофановъ.

135. Дума.

„Камо пойду отъ Духа Твоего".

О, нѣтъ,—отъ Бога не уйти!
О, нѣтъ! Всевѣдущъ и всесиленъ,
Онъ, царь всей жизни, всѣхъ извилинъ
Земнаго скорбнаго пути

Дитя—язычникъ простодушный:
Язычникъ проситъ благъ себѣ,
Готовясь къ жизненной борьбѣ,
Природы голосу послушный...

Источникъ страховъ и чудесъ,
Источникъ благъ—Отецъ небесный!
Но солнце встало—міръ чудесный
Съ туманомъ утреннимъ исчезъ!

Объятъ сомнѣньемъ и гордыней,
Извѣдавъ натискъ первыхъ бурь,
Зоветъ небесную лазурь
Въ тревогѣ юноша—пустыней.

Смущенъ причудами судьбы,
Зоветъ онъ міръ не Божьимъ раемъ,—
Гнѣздомъ разврата, зла, борьбы
Гдѣ мы живемъ и умираемъ
Въ цѣпяхъ, какъ жалкіе рабы.

Но проклиная съ дикой страстью
Былой, низверженный кумиръ,

Онъ не забытъ Незримой Властью:
Онъ любитъ жизнь, онъ любитъ міръ,
Людей — собратьевъ по несчастью.

Пусть меркнутъ въ небѣ чудеса;
Земное знанье свѣтитъ ярче!
Пусть вѣра стынетъ: въ сердцѣ жарче
Горитъ любовь, любовь — краса!

Но вдругъ... встаетъ вопросъ: „Не Ты-ли,
Не Ты-ль, забытый, вѣчный Богъ,
Стремленье къ истинѣ возжегъ
Во мнѣ, — въ ничтожной горсти пыли?“...
Что говоритъ въ немъ, — прахъ иль Богъ?!

Что говоритъ въ немъ, — страхъ иль совѣсть?
Воспоминанье-ль о быломъ?
Ведетъ-ли этотъ переломъ
Къ развязкѣ жизненную повѣсть?

Какъ знать?!.. Но грозный, роковой
Вопросъ — не гость ума случайный,
А кличъ души, и, силой тайной,
Подъятъ въ ней плещетъ, какъ прибой!

Но вотъ... онъ стихъ. Въ лучахъ заката
Горитъ событій череда;
Звѣздой вечернею тогда
Восходитъ вѣра въ то, что свято,
Что чтимъ въ разсвѣтные года!

Ее пріемлетъ умъ послушный,
И къ Небу рвется сынъ земли,
Какъ духъ, влачившійся въ пыли,
И какъ язычникъ простодушный.

Василій Величко.

136. Двѣ книги.

Древняя мимоидоша, се быша вся нова
2 Кор. 5,17.

Ты знаешь ли книгу? — Великій пророкъ,
Оставивши землю, на гордой твердынѣ,
Изъ Божьяго грома глаголы извлекъ —
И создалъ завѣтъ непреложной святыни.
Сложилъ онъ имъ повѣсть о тайнахъ созданья;
И мощно свершилъ онъ свой страшный обѣтъ
И страшно вѣщалъ онъ глаголъ прорицанья.
Отгрянуло эхо въ пустынныхъ горахъ,
Откликнулись небу нѣмыя громады —
И вѣсть пронеслася въ земныхъ племенахъ
О будущемъ міра глаголомъ отрады.
Ты знаешь ли чувство? Когда въ тишинѣ,
Склонясь надъ завѣтомъ о тайнахъ былого,
Въ какомъ-то священномъ, таинственномъ снѣ,
И рѣешь ты духомъ въ тѣхъ пламенныхъ дняхъ,
Когда по единому слову міры созидлись,
И звѣзды, ликуя, во тьмѣ возжигались,
И ангелы свѣта, столпясь въ вышинѣ,
Смотрѣли на землю святыми очами!
И то ниспускались къ сребристой лунѣ,
То быстро неслись межъ златыми звѣздами, —
Какими-жъ очами ты ихъ созерцалъ?
Уже-ль, озаренный невѣдомымъ свѣтомъ,
Ты холодно книгу созданья читалъ,
Не плакалъ отрадно надъ Ветхимъ Завѣтомъ.

Есть книга иная — то Новый завѣтъ!
Сложенъ не изъ громовъ, а писанный кровью,
Онъ пролилъ на землю божественный свѣтъ,
И назвалъ Онъ свѣтъ тотъ любовью.
Кротка и печальна, проста и свята
Небесная повѣсть — то повѣсть страданья!
Не съ горной твердыни — съ твердыни креста

Услышали люди святыя сказанья!
И Слово, что древле міры за мирами
По тверди небесной, какъ ткань, развило,
Сошло, воплотилось и тихо стопами
Любви и смиренья всю землю прошло.
Не поняли люди небеснаго слова;
Его пригвоздили къ позору креста,
И тайна святая—свѣтъ міра инога—
Немногими только была понята,
Немногіе вслѣдъ ему шли по дорогѣ страданья
И съ теплою вѣрой по слову текли,
Смирялися духомъ—и тернъ испытанья
Вѣнцамъ рукотворнымъ они предпочли!
Есть чувство святое—когда предъ крестомъ
Надъ Новымъ Завѣтомъ сидишь погруженный
Въ глубокую душу о мірѣ другомъ,
О таинствѣ жизни, о жизни вселенной;
Когда предъ тобою проходятъ во мглѣ:
Созданіе міра—завѣтъ ветхозданный,
И день, когда снова одряхшей землѣ
Въ сіяніи неба снисшелъ Обѣщанный,
И чудно свершился небесный обѣтъ,
И въ сына земного Самъ Богъ воплотился,
Вѣщалъ человѣкамъ свой новый завѣтъ—
И жизнію духа нашъ міръ обновился.
Глаголы вѣщаній всю землю прошли,
Текло океаномъ священное слово;
Оно, какъ потокомъ, лилось по земли,
Омыло грѣхъ міра—и все было ново.
Духовныя волны кипѣли кругомъ—
И мощно слилися въ купель искупленья;
Поверглися люди во прахъ предъ крестомъ—
И крестъ сталъ залогомъ спасенья.
И вольно стремится на небо душа,
Завѣтъ искупленья читая,
И тайна завѣта свѣтла, хороша,
Какъ свѣтъ, какъ предчувствіе рая.
И сладкія слезы стремятся изъ глазъ,

И сердце трепещется жизнію вѣчной,
Когда мы читаемъ: страдалъ Онъ за насъ
И умеръ владыка любви безконечной,
И адскія двери Онъ мощно расторгъ—
И свѣтъ просіялъ воскресенья...
И душу объемлетъ священный восторгъ,
И дума полна вдохновенья.

В. Г. Бенедиктовъ.

137. Изъ пѣсенъ царя Давида.

Псаломъ 13: „Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ".

1.

Помыслилъ въ сердцѣ мужъ безумный:
Нѣтъ Бога!.. Міръ въ грѣхахъ растлѣлъ
Разгулъ, развратъ повсюду шумный,
Всѣ люди чужды добрыхъ дѣлъ,
У всѣхъ преступныя влеченья—
Слѣпая жажда наслажденья!

2—3.

Господь приникъ съ небесъ высотъ,
Безбожныхъ сонмъ окинулъ окомъ;
Быть можетъ въ ихъ средѣ найдетъ
Незараженнаго порокомъ...
Напрасно!.. нѣтъ ни одного,
Кто-бъ добръ былъ, вѣровалъ въ Него.

4—5.

„Ужель не можетъ вразумиться
Погрязшій въ беззаконьяхъ родъ,
Забывшій Господу молиться,
Какъ хлѣбъ снѣдая Мой народъ?

Вселю-жь въ нихъ ужасъ Я великій,
Въ испугѣ смолкнутъ пиршествъ клики!

5—6.

Покрою блѣдныхъ ликъ стыдомъ,
Презрѣнны будутъ ихъ чертоги;
Господній—праведника домъ,
Гдѣ уповалъ въ Него убогій,
Гдѣ всѣми онъ осмѣянъ былъ
За то, что Бога не забылъ".

7—8.

Когда-бъ къ Сіона высотамъ
Дошли Израиля моленья
И Богъ, сердечнымъ внявъ мольбамъ,
Извелъ народъ свой изъ плѣненья
Іаковъ-бы возликовалъ,
Восторгъ въ Израилѣ-бъ взыгралъ!

Ознобишинъ.

138. Вопли сердца.

Я не ропщу, что не дано
Мнѣ вышнею судьбою
Того, что было лишь одно
Завѣтною мечтою.

Тебѣ, Творецъ, покорна я;
Иди моей стезею
И воля вѣчная Твоя
Да будетъ надо мною.

Но, Боже! не суди меня
За то, что я тоскую,
Что пламень бурнаго огня
Сжигаетъ грудь младую.

Тоску и жажду утолить
Въ Твоей всесильной власти,
Иль вмѣстѣ съ жизнью погасить
Бушующія страсти

Невольный стонъ, Творецъ, прости,
Молю Тебя рыдая
И дай мнѣ силу крестъ нести,—
Тебя благословляя.

Гусева.

139.

Есть одинъ очарованный храмъ,
Гдѣ молюсь я и ночью, и днемъ,
Но не свѣчи колышатся тамъ,
А лучистыя звѣзды—огнемъ.
Этотъ храмъ не великъ и не малъ,
И съ годами въ немъ нѣтъ перемѣнъ.
Какъ и прежде—топазъ и опалъ
Въ немъ сверкаютъ съ лазуревыхъ стѣнъ.
Я люблю его мирную сѣнь
И его безсловесную тишь,
Гдѣ молиться, какъ думать, не лѣнь,
Гдѣ, страдая, покорно молчишь.
Въ этомъ храмѣ таинственный Богъ,
Какъ и въ храмахъ другихъ, мнѣ незримъ,
Но въ стѣнахъ его, чуждый тревогъ,
Томно духъ мой сливается съ нимъ.

Леонидъ Афанасьевъ.

140. Миръ.

„Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ. И теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя поведетъ ихъ“. (Исаія XI, 6).

I.

О, не скорби! Не дологъ вѣкъ желѣзный...
Не говори, что нѣтъ ему конца...

Минуетъ онъ—и надъ кровавой бездной
Зажжется лучъ небеснаго вѣнца,
Придетъ къ намъ миръ изъ высоты надзвѣздной.

II.

Онъ приходилъ и ранѣе, бывало,
Но, какъ дитя, Онъ робокъ былъ и слабъ,
Его толпа безумно изгоняла,
Колючій тернъ въ насмѣшку надѣвала—
Его клеймилъ проклятьемъ дерзкій рабъ...

III.

Но опаленъ вражды горючей лавой,
Жестокій родъ усталъ и изнемогъ...
И миръ придетъ съ величіемъ и славой,
Какъ нѣкій царь—и миртовый вѣнокъ
Замѣнитъ тернъ изсохшій и кровавый.

IV.

Минуетъ вѣкъ постыдный и жестокій
Въ страданіи земля изнемогла...
Я вѣрю вамъ, старинные пророки!
Въ лучахъ любви рѣдѣетъ скорби мгла.
Съ небесъ идетъ къ намъ Царь голубоокій...

Г. Аркатовъ.

141. Пѣвцу.

Когда ты видишь: міръ безпечный
Отдался власти грѣшныхъ сновъ,
Не негодуй въ тоскѣ сердечной
И не грози громами словъ.

Но духомъ чистъ, творя моленья,
Святую пѣснь любви воспой;

И тихій трепетъ умиленья
Пройдетъ надъ червствою толпой.

И ты увидишь въ тѣ мгновенья,
Какъ взоръ суровыхъ палачей,
Смягчась слезою обновленья,
Засвѣтитъ радостью дѣтей.

И ты увидишь: рабъ лѣнивый
Пойдетъ на подвигъ трудовой,
И позабытые порывы
Прольются счастьемъ надъ землей...

Увидишь, какъ любовь святая
Святой огонь зажжетъ кругомъ,
Какъ мракъ и злобу изгоняя,
Сердца людей спасетъ добромъ.

Окт. 1904 г. *И. С. Прохановъ.*
СПБ.

142. Искушеніе Христа.

На горѣ первозданной стояли Они,
И надъ Ними кругомъ разлилися
Океаномъ лазурныя выси,
А подъ ними земля—вся въ туманѣ, въ тѣни,
И Одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей.
А другой былъ мрачнѣе эреба:
Изъ глубокихъ зеницъ вылетали огни,
На челѣ его злоба пылала
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И сказалъ сатана Іисусу:
„Смотри!
Отъ заката свѣтилъ до востока,

Землю всю, во мгновеніе ока,
Покажу я Тебѣ“...
И десницу простеръ...

. . . . . .

—„Падши ницъ, поклонись—и отдамъ все сполна
Я Тебѣ...“ говоритъ искуситель
Отвѣщаетъ Небесный Учитель.
„Отойди, отойди отъ Меня, сатана!“

Л. Мей.

143. Сѣятель.

Сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ.
(1 Кор. 15, 43).

Въ ширь раскинувшись лежала
Вѣковая цѣлина;
Но зари труда настала,—
И распахана она.

Пашни тучныя готовы
Борозды посѣва ждутъ:
Вѣстникъ жизни, вѣстникъ новый,
Сѣятель! спѣши на трудъ.

Посмотри-ка: у окошка
Бьется ласточка крыломъ;
Встань, возьми свое лукошко
Съ посеребрянымъ зерномъ.

Твердой поступью свободной
Выходи на ширь полей;
Глядя къ выси небосводной,
Сѣй добро и правду сѣй!

Ороси зерно слезою,
Теплотой мольбы согрѣй;
И счастливою рукою
Ты пожнешь красу полей.

И. С. Прохановъ.

144. Юному другу.

Когда въ лицемѣрной и лживой
Толпѣ современныхъ людей
Услышишь одинъ хоть правдивый
Ты голосъ высокихъ идей,
Одну благородную фразу
Въ хаосѣ пустой болтовни,—
Иди за глашатаемъ сразу,
Колѣни предъ нимъ преклони,—
Повѣрь: кто открыто и смѣло
Добро проповѣдаетъ тамъ,
Гдѣ зло вкоренилось всецѣло,
Гдѣ проданы души страстямъ,
Гдѣ фразъ трескотнею бездѣльной
И воздухъ вокругъ напоенъ,—
Въ томъ нѣтъ и рисовки поддѣльной,
И ратуетъ искренно онъ:
Идетъ онъ въ разрѣзъ съ поколѣньемъ,
Идетъ онъ въ толпу на проломъ,
Съ горячимъ святымъ убѣжденьемъ
Въ побѣдѣ конечной надъ зломъ...
И смѣло во имя Христово
Душѣ, отягченной грѣхомъ,
Несетъ онъ прощенія слово,
Несетъ примиренье съ Христомъ!
Открывшій намъ это ученье,
Въ терновомъ вѣнцѣ и въ крови,
Былъ Самъ Дарователь прощенья
И первый Учитель любви.
Иди-жъ подъ раскрытое знамя.
Съ девизомъ „любовь во Христѣ“!—
Побѣду даютъ надъ страстями
Слова заповѣдныя тѣ.
И вѣрь, что желаннаго царства
Придетъ золотая пора—

И рушатся зло и коварство
Во имя любви и добра!

Александръ Слуцкій.

145. Людская доля.

Не до пѣсенъ благъ и свободы,
Не до гимновъ пышной красотѣ,
Если вѣчно новыя невзгоды
Крылья рвутъ плѣнительной мечтѣ!
Въ мирѣ нѣтъ законченнаго счастья—
И спѣшимъ напрасно мы къ нему
Безъ путей, поддержки и участья
Сквозь глухую нравственную тьму!
А когда достигнемъ пресыщенья,
Такъ что намъ ужъ нечего желать,
Станетъ жаль и тщетнаго стремленья:
Воротить-бы радъ его опять.
Снова жаждешь битвы изъ за хлѣба:
Повседневной мелочной борьбы
Просимъ вновь, какъ милости, у неба
Мы, игрушки жалкія судьбы!
Лишь однѣ евангельскія цѣли—
Для людей желательный исходъ;
Но понять ихъ люди не сумѣли
И несутъ сомнѣній вѣчный гнетъ.

С. Бердяевъ.

146. Пророкъ.

Съ пытливымъ взоромъ, съ вѣщимъ словомъ
Съ печатью свѣта на челѣ,
Съ бичемъ карающимъ суровымъ
Пророкъ явился на землѣ;
И дрогнулъ міръ... Подъялъ каменья
Весь беззаконниковъ соборъ, —
И ждутъ пророка скорбь, мученья,

Тупой и злобный приговоръ;
Но духомъ чистымъ пламенѣя,
Передъ толпой безстрашно—смѣлъ,
Идетъ онъ бодро, не робѣя,
Куда Господь ему велѣлъ
И слышитъ онъ: съ Кавказской грани,
Прикованъ, стонетъ Прометей;
Псалмомъ страдальцевъ, къ небу длани
Подъявшихъ, полонъ Колизей;
И видитъ онъ: въ лучахъ зарницы
Черезъ вѣковъ сѣдую даль
Пророковъ идутъ вереницы,
Добра несущіе скрижаль;
И чуетъ онъ, что золотою
Пророковъ цѣпью міръ обвитъ,
Что мощный духъ ихъ надъ землею
Незримой силою царитъ;
Что годъ за годомъ, вѣкъ за вѣкомъ
Пройдетъ, промчится въ свой чередъ,
Исчезнетъ мракъ предъ человѣкомъ,
Возстанетъ правда, ложь замретъ
И чуждъ гоненьямъ и страданьямъ,
Душой торжественно—высокъ,
Предъ полнымъ истины сіяньемъ
Послѣдній склонится пророкъ.

Н. Аксаковъ.

147. Фантазія.

(Посв. К. М. Фофанову).

Шелъ бой... Звучали клики, стоны,
Алѣла кровь, мечи сверкали,
И надъ войсками трепетали
Со словомъ „Истина“ знамена.

Безумной полная отваги,
Толпа за слово то сражалась,

Что горделиво красовалось
На каждомъ яркомъ, свѣтломъ стягѣ.

Но правды дни не наступали—
И слово было только словомъ!
Лишь безъ конца въ бою суровомъ
Съ проклятьемъ люди погибали...

А жизнь ликующей природы
Текла чредою неизмѣнной.
Свѣтила,—атомы вселенной,—
Водили мирно хороводы;

Дышали ночи мглой росистой,
Въ волнахъ багрянаго тумана
Вставали зорьки ранымъ-рано,—
Будили степь и лѣсъ тѣнистый;

Среди безоблачной лазури
Въ величьи солнце выплывало,
Безстрастно съ высоты взирало
На смертныхъ суетныя бури.

Оно все грѣло, золотило:
Поля и горъ синѣвшихъ кручи,
Ручьи, былинокъ рой летучій—
И взоромъ словно говорило:

„Я истина! Мой лучъ сіяньемъ
Земное все живитъ и множитъ,—
Но стать свободный лучъ не можетъ
Ничьимъ отдѣльнымъ достояньемъ!

Алмазъ росы, въ лучахъ горящій,
И на знаменахъ правды слово—

Все—моего огня живого
Лишь слабый отблескъ преходящій!

И тщетно, яростью палимы,
Другъ съ другомъ борются народы
За призракъ истины, свободы,
За отблескъ мой неуловимый.

И отуманенными кровью
Не видятъ слабыми очами,
Что я, небесной правды знамя,
Горю не злобой, а любовью"!..

В. Величко.

148. Ветхозавѣтныя пѣсни изъ „Ирландскихъ мелодій" Томаса Мура.

1.

О, Боже, Ты—и жизнь, и свѣтъ всего творенья!
Ты—въ яркомъ блескѣ дня, въ улыбкѣ звѣздъ ночныхъ.
На что ни взглянемъ мы въ порывѣ умиленья—
Ты, Господи, во всемъ, все—дѣло рукъ Твоихъ!

Когда, склоняясь, день послѣдній лучъ бросаетъ
Какъ бы изъ глубины чертоговъ золотыхъ,
А небо жемчугомъ и яхонтомъ пылаетъ,—
Вся эта красота—созданье рукъ Твоихъ!

Когда нѣмая ночь лелѣетъ сонъ природы
Крылами звѣздными и мракомъ тайнъ святыхъ
И нѣжится земля, и чутко дремлютъ воды,—
Вся эта благодать—созданье рукъ Твоихъ!

Когда весна несетъ намъ чары обновленья,
Не Ты ли шлешь дары изъ тучныхъ нѣдръ земныхъ?
На что ни взглянемъ мы въ порывѣ умиленья—
Ты, Господи, во всемъ, все—дѣло рукъ Твоихъ!

2.

Палъ твой престолъ, о, Израиль! Въ равнинахъ твоихъ оскудѣнье,
Пусты жилища, а дѣти рыдаютъ подъ гнетомъ цѣпей.
Гдѣ твоя манна—Твое въ опаленной пустынѣ спасенье?
Свѣточъ небесный угасъ на стезѣ безотрадной твоей.

Іерусалимъ Свой любилъ Ты, о, Боже; своимъ достояньемъ,
Славы Своей лучезарной престоломъ его называлъ;
Но омертвѣла маслина Твоя подъ тлетворнымъ дыханьемъ—
Жертвенникъ, древле священный для новыхъ боговъ запылалъ.

Все ты утратилъ, Салимъ,—и померкла звѣзда Твоей славы:
Такъ буйный вѣтеръ въ степи, вырывая разноситъ траву.
Скорбно безмолвствуютъ, нѣкогда полныя жизни, дубравы;
Рухнули башни, въ которыхъ Ваалъ замѣнилъ Іегову.

И прогнѣвился Господь, и народъ Свой отринулъ отъ лона:
Пусть-же нагрянутъ враги и твердыни его сокрушатъ!
Пусть попираютъ останки отцовъ своихъ дщери Сіона!
Пусть, орошенныя кровью, долины всѣхъ тѣлъ не вмѣстятъ!

3.

Явись къ намъ, Господи, не въ молніяхъ Синая,
Не въ гнѣвномъ обликѣ, въ какомъ являлся Ты:
Явись, мерцаніемъ таинственнымъ смягчая
Огнеподобныя черты!

Ты помнишь ночь, когда погибель египтянамъ
Твой свѣтоносный столбъ на утро предвѣщалъ,
А Твой народъ, безъ сна и отдыха, всѣмъ станомъ
Тебя, ликуя, воспѣвалъ!

О, Боже, если ты исполненъ гнѣва нынѣ,
Да не предстанемъ мы передъ Твоимъ лицомъ:
Явись намъ, Господи, какъ нѣкогда въ пустынѣ,
Не грознымъ—любящимъ Отцомъ!

4.

Славьте Господа, избранному народу
Ниспославшаго спасенье и свободу!

Сокрушилъ Онъ мановеніемъ десницы
Ослѣпленнаго гордыней властелина:
Статныхъ всадниковъ, коней и колесницы
Поглотила многоводная пучина.

Славьте Господа, избранному народу
Ниспославшаго спасенье и свободу.

Слово Божье было намъ стрѣлою,
Дуновеніе мечемъ: Египту горе!
Кто повѣдаетъ ему, что подъ волною
Лучшій цвѣтъ его навѣкъ сокрыло море?

Славьте Господа, избранному народу
Ниспославшаго спасенье и свободу!

5.

Когда въ гнѣздо свое летитъ изъ клѣтки птица,
Не тѣшитъ взоръ ея гостепріимный кровъ
Манящихъ зеленью и свѣжестью лѣсовъ:
Небесъ и воздуха свободная жилица,
Она стремится въ высь, гдѣ и просторъ, и свѣтъ,
Гдѣ на пути ея земной преграды нѣтъ.

И ты, моя душа, стремись къ своимъ селеньямъ,
Не вѣдая земныхъ страстей и суеты,
Стезею вольною небесной чистоты:
Туда нѣтъ доступа грѣховнымъ вожделѣньямъ,
Тамъ солнца Божьяго незыблемъ яркій свѣтъ—
И тамъ любви Его комнѣ преграды нѣтъ.

В. С. Лихачевъ.

149.

Господь сказалъ въ началѣ дней:
„Да будетъ свѣтъ!“—и свѣтъ явился,
И съ черной тьмой расъединился,
И стала тьма еще чернѣй,
И въ синевѣ небесной чаши,
Надъ расцвѣтающей землей,
Свѣтила стройной чередой
Зажглись одно другого краше.
Изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ
Земля подъ солнцемъ обряжалась,
И тварь земная размножалась,
И размножался человѣкъ.
И каждый день лучемъ привѣта
Будило солнце Божій міръ:
Лишь человѣкъ, душою сиръ,
Не зналъ въ ней дня, не зналъ въ ней свѣта...
Не зналъ, средь суетныхъ заботъ,
Не зналъ, пока, въ ночь истребленья,

Не возвѣстилъ его спасенья
Звѣзды невиданной восходъ:
Лишь съ той поры—поры разцвѣта—
Дремавшихъ силъ, въ пылу побѣдъ,—
Познавъ любви и правды свѣтъ,
Душа познала правду свѣта!

В. С. Лихачевъ.

150. Изъ „Ирландскихъ мелодій“ Томаса Мура. Правда на небесахъ.

Нашъ міръ видѣніе въ обманутыхъ очахъ;
Все лицемѣрно въ насъ—и слезы, и улыбки
И ближнему нельзя повѣрить безъ ошибки;
Нѣтъ правды на землѣ: она на небесахъ!

Мы видимъ жизнь и свѣтъ въ блуждающихъ огняхъ;
Какъ меркнущаго дня прощальное сіянье,—
И славы и любви непрочно обаянье.
Нѣтъ свѣта на землѣ: онъ весь на небесахъ!

Несчастные пловцы, мы носимся въ волнахъ;
Мелькнетъ сознанья лучъ, и намъ лишь станетъ ясно,
Что съ бурей жизненной мы боремся напрасно:
Не на землѣ покой—покой на небесахъ.

В. С. Лихачевъ.

151.

„Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло тому на свѣтѣ“...
Воистину блаженъ! воистину тепло!
Блаженъ, кто миновалъ предательскія сѣти,
Кого на мигъ смутить сомнѣнье не могло;

Какъ ни жилось ему—легко иль тяжело,—
Блаженъ, кто въ вѣрѣ твердъ и простъ, какъ просты
дѣти.

Когда спокойны мы и счастливы, когда
Надѣлены отъ благъ земныхъ мы щедрой мѣрой,
Когда бѣгутъ отъ насъ и горе, и нужда,—
О, какъ отрадно намъ тогда, пылая вѣрой,
Отъ думъ и дѣлъ земныхъ отринуться порой
И къ Богу вознестись воспрянувшей душой!

Но большей радости и большаго нѣтъ счастья,
Какъ вѣру уберечь въ дни скорби и ненастья,
Чтобъ въ тяжкій часъ, когда приходится терять
Все, чѣмъ была красна земная наша доля,—
Съ нелицемѣрною покорностью сказать:
„Да будетъ, Господи, Твоя святая воля!“

В. С. Лихачевъ.

152. Рождество Христово.

Въ Рождественскую ночь я видѣлъ дивный сонъ:
Казалось, демонъ зла съ земли унесся прочь,
На вѣкъ Евангельскимъ ученьемъ побѣжденъ
Въ Рождественскую ночь..,
И ближнимъ ближніе стараются помочь,
На праздникъ міровой сойдясь со всѣхъ сторонъ.
Въ разладѣ прежнемъ жить имъ болѣе не въ мочь;
То не картину-ли изъ будущихъ временъ
Открыла вѣра мнѣ, небесной правды дочь?
Молился я Христу,—меня услышалъ Онъ
Въ Рождественскую ночь.

С. Бердяевъ.

153. Рождество Христово.

Дѣтки! ближе подойдите
Я разсказывать вамъ буду

О любви, о правдѣ Божьей,
Что Христомъ разлиты всюду!

Онъ родился въ бѣдныхъ ясляхъ;
Но Ему изъ рода въ роды,
Какъ Владыкѣ силъ вселенной
Поклоняются народы!

Онъ повѣдалъ намъ, что только
Съ сердцемъ кроткимъ, незлобивымъ,
Можно въ той и этой жизни
Человѣку быть счастливымъ!..

Въ свѣтлый часъ Его рожденья,
Съ пѣсней радости святою,
Къ людямъ ангелы сходили
Несчислимою толпою!

Разносилось надъ землею
Ихъ торжественное пѣнье:
„Слава, слава въ вышнихъ Богу...
И землѣ благоволенье!..“

Въ небесахъ звѣзда Мессіи
Лучезарная сіяла
И Господнимъ легіонамъ
Путь воздушный озаряла;

Дѣтки! Воинство Христово
Въ Рождество царитъ надъ нами
Каждый годъ, въ одеждѣ бѣлой
И съ блестящими крылами!

Каждый годъ для васъ, малютки,
Елка блещетъ золотая,
Вамъ о Богѣ, насъ хранящемъ,
О Христѣ напоминая.

154.

„Христосъ Воскресе!“ возгласилъ
Надъ гробомъ ангелъ легкокрылый,
И мироносицъ взоръ унылый
Святымъ восторгомъ озарилъ.

Воскресъ Христосъ, свѣтъ Божьей правды
Воскресъ, Онъ живъ, Онъ побѣдилъ!
Онъ словомъ землю покорилъ,
И—палъ навѣки духъ неправды!

Воскресъ Христосъ! Пускай кипитъ
Корысть, обманъ и озлобленье,
Отнынѣ въ мірѣ убѣжденье:
Воскресъ Христосъ, Онъ побѣдитъ.

Онъ побѣдитъ, Онъ побѣждаетъ,
Онъ распахнулъ врата небесъ!
И міръ въ восторгѣ возглашаетъ:
„Воскресъ, воистину воскресъ!“

А. Ѳедотовъ.

155. Воскресъ!

День наступилъ. Зажглась денница,
Ликъ мертвой степи заалѣлъ,
Заснулъ шакалъ, проснулась птица...
Пришли взглянуть... Гробъ опустѣлъ!..
И мироносицы бѣжали
Повѣдать чудо изъ чудесъ;
Что нѣтъ Его! чтобы искали!
Сказалъ: „воскресну!“ —и воскресъ!
Бѣгутъ... Молчатъ... признать не смѣютъ,
Что смерть—не смерть! что будетъ часъ,
Ихъ гробы тоже опустѣютъ,
Пожаромъ неба освѣтясь!

К. К. Случевскій.

156. Христосъ Воскресъ!

Христосъ воскресъ, а гибнущаго брата
Мы воскресить участьемъ не хотимъ!
Для насъ ничто не дорого, не свято —
Одною злобой сердце въ насъ богато;
Но честности и правды мы не чтимъ!

Забыли мы страданіе Христово!
Того, Кто насъ рѣшился искупить,
Мы на крестѣ распять готовы снова
И не понявъ Божественнаго слова,
Добро отъ зла не можемъ отличить!

Безсильны мы: отцовскіе пороки
Намъ съ дѣтскихъ дней всосались въ плоть и кровь!
Напрасно въ міръ являются пророки: —
Безплодны ихъ великіе уроки:
Намъ непонятна братская любовь!

Подлунный міръ — безплодная пустыня!
Все тотъ же онъ понынѣ, какъ и встарь:
Мужчина — царь, а женщина — рабыня,
И золото — всеобщая святыня,
И оскверненъ проклятьями алтарь!

Христосъ воскресъ!.. но неужели, братья,
Въ насъ не воскреснетъ правда никогда?
И неужели всѣ мы безъ изъятья
Способны слушать вопли и проклятья
Тѣхъ, чей удѣлъ страданье и нужда?

Всегда-ль мы будемъ тупо и лѣниво
Смотрѣть, какъ міръ купается въ крови,
И, созерцая бѣдность горделиво,

Останемся-ли глухи для призыва
Зовущей къ состраданію любви.

Раздорами и местью безконечной
Устанемъ-ли другъ друга мы терзать?
Иль будетъ міръ нашъ царствомъ злобы вѣчной,
Насилія, вражды безчеловѣчной,
Гдѣ можетъ сильный слабыхъ обижать?

В. Мироновъ.

157. Воскресеніе Христово.

Сердца холодныхъ и лѣнивыхъ,
Проснитесь! полно вамъ дремать
И, утопая въ грезахъ лживыхъ,
Душою хладной прозябать.
Повсюду вѣетъ Божья сила,
Какъ духъ весны, она живитъ.
Гдѣ смерти жало? гдѣ могила?
Надежды лучъ одинъ блеститъ.
Блеститъ онъ, ярко озаряя
Гробницы милыхъ намъ людей,
И, всю природу обновляя,
Сулитъ намъ много свѣтлыхъ дней.
А вы. бродящіе въ туманѣ
Людскихъ волненій и тревогъ,
Мужайтесь! — въ бурномъ океанѣ
Васъ сохранитъ всесильный Богъ.
Спѣшите всѣ на пиръ вселенной,
На праздникъ жизни и весны,
Съ душою чистой, обновленной,
Сомнѣнья гордые сыны!
Все, что погибло,—оживаетъ,
Что умирало—вновь цвѣтетъ;
О примиреньи все вѣщаетъ
И пѣснь хвалебную поетъ.

Кн. Е. Горчакова.

158. Воскресенье.

Крылатый стражникъ, Ангелъ рая,
Надгробный камень отвалилъ —
И, вся полна небесныхъ силъ,
Опять воскресла плоть святая.
И въ часъ утра, когда туманъ
Сбѣгалъ съ холмовъ Голгофы крестной
Пришелъ съ „Невѣстой не невѣстной“
Благочестивый Іоаннъ,—
Благоговѣйной полонъ вѣры
Пришелъ къ Христову гробу онъ
И увидалъ — отъ вратъ пещеры
Надгробный камень отстраненъ
И нѣтъ Христа во гробѣ мрачномъ;
Расторгнутъ смерти плѣнъ и сонъ,
Лишь ткани легкія пеленъ
Лежатъ въ гробу нарядомъ брачнымъ...

Съ тѣхъ поръ ту празднуютъ годину
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
Весной, когда холодный снѣгъ
Покинетъ влажную долину,
Когда отъ сна возставшій лѣсъ
Шумитъ, пернатыхъ призывая,—
Тогда съ природой воскресая
Мы говоримъ: Христосъ воскресъ!

К. Ф.

159. Пасхальная греза.

Я—смертный, я—плѣнный,
Я—узникъ земли,
Услышалъ священный
Призывъ издали:
„Азъ есмь побѣдившій
Твой смертный недугъ,

Воскресшій, ожившій, —
Приди ко Мнѣ другъ".
Въ нѣмомъ изумленьи
Я на землю палъ,
Молилъ о спасеньи,
О чудѣ взывалъ:
„Не вѣрю, не стою,
Мой духъ изнемогъ...
Явись предо мною,
Воскресшій мой Богъ"...
И тихо внимаю
Я чуду внутри:
Я самъ воскресаю
Свѣтлѣе зари,
И слышу я мѣрный
Спокойный глаголъ:
„Вставай, маловѣрный,
Я здѣсь, Я пришелъ"...
Блаженный, довольный,
Открылъ я глаза...
Чу, звонъ колокольный,
Шаги, голоса...
Ночь, полная свѣта,
Струится съ небесъ...
„Ночь, правда ли это?" —
И шепчетъ: „воскресъ",
И тихо ликуетъ
Прозрачная мгла,
И жизнь торжествуетъ,
А смерть умерла.

Л. Косуновичъ.

160. Христосъ Воскресъ!

„Христосъ воскресе, смертію смерть поправъ!"
И эта вѣсть, какъ громомъ, поразила
Тѣхъ, чья рука, помимо правъ,
Невиннаго страдальца пригвоздила!

Но радостью наполнились сердца
Тѣхъ, въ комъ сіялъ свѣтъ истины Христовой,
Тѣхъ, кто позналъ предтечу жизни новой
Въ носителѣ терноваго вѣнца,

И не погасъ тотъ свѣточъ, что Христосъ
Зажегъ въ сердцахъ учениковъ своихъ;
Не смолкъ глаголъ, что міра Искупитель
Внѣдрилъ въ уста пророческія ихъ!..

За вѣкомъ вѣкъ шелъ поступью неспѣшной
И неустанно свѣтъ боролся съ тьмой,
Хоть высылалъ всѣ силы адъ кромѣшный,
Чтобъ удержать побѣду за собой!

Переносило стойко всѣ гоненья
Страдавшее за правду меньшинство;
Во всѣ вѣка словамъ Его ученья
Озлобленно внимало большинство!..

Однако, правда медленно и вѣрно
Свершаетъ дѣло трудное свое —
Все, что позорно, ложно, лицемѣрно
Уже лучей пугается ея!

И, можетъ быть, то время недалеко,
Когда надъ нашей грѣшною землей
Взойдетъ свѣтило истины высоко. .
И вѣчный день прогонитъ мракъ ночной!

Гряди же, свѣтъ великій и желанный!
Грядите миръ и братская любовь! —
Возстановить законъ, людьми попранный,
И вразумить безцѣльно льющихъ кровь!

В. Мюръ.

161. Врагъ души.

Приходитъ лукавый и похищ[illegible]
посѣянное въ сердцѣ его. Мтѳ. 13, 19.

Онъ, какъ ястребъ, прилетаетъ
И уноситъ изъ сердецъ
То добро, что въ насъ влагаетъ
Вѣчный сѣятель — Творецъ.

Словно тать, онъ проникаетъ
Къ тихой храминѣ твоей
И нежданно похищаетъ
Даръ небесныхъ алтарей.

Онъ, какъ ангелъ къ намъ приходитъ,
Полный ласки и лучей,
И внезапно насъ приводитъ
Къ безднѣ пагубныхъ путей.

У тебя есть даръ прекрасный...
Но у дома твоего
Бродитъ онъ, твой врагъ опасный...
Берегись, душа, его!

И. С. Прохановъ.

162. Христосъ Воскресе!

Онъ пришелъ, божественный Учитель
И глашатай братства и любви —
Онъ явился, гибнувшихъ Спаситель,
Средь людей, купавшихся въ крови.

Тайный смыслъ страданія Христова
До поры никто понять не могъ;
Но воскресъ изъ мертвыхъ Онъ и снова
Пламень вѣры гаснувшей зажегъ.

Онъ воскресъ!.. и чудомъ воскресенья
Ободрилъ сердца учениковъ;
Въ ихъ ряды Онъ, полный всепрощенья,
Призывалъ гонителей—враговъ.

Поучая смѣло и смиренно,
Всюду шла апостольская рать,
Что была готова вдохновенно
За Христа страдать и умирать.

Передъ мощью проповѣди этой
Міръ склонялся, міръ благоговѣлъ—
И язычникъ, истиной согрѣтый,
Къ небесамъ любовью пламенѣлъ.

Что-же видимъ нынѣ мы: пышнѣе
Украшенья Божьихъ алтарей;
Только вѣрой стали мы бѣднѣе,
Только нѣтъ любви среди людей.

В. Мюръ.

163. Христосъ Воскресъ!

Спаситель насъ училъ безсмертнымъ жизни словомъ;
Онъ умеръ на крестѣ, въ вѣнцѣ своемъ терновомъ—
И кровь безгрѣшная за грѣшныхъ пролита..
Но вѣрующихъ вѣсть нежданно облетѣла:
Въ гробницѣ не нашли схороненнаго тѣла
Спасителя Христа!

Являя намъ собой великіе примѣры
Глубокой, жизненной и неуклонной вѣры
Въ святое торжество добра надъ гордымъ зломъ,
Смиренно—мудрое по всей землѣ обширной,
Христово воинство пошло войною мирной,
Людей знакомя со Христомъ.

И древній міръ внималъ рѣчамъ ихъ благодатнымъ:
Для многихъ сталъ Христосъ и близкимъ,
и понятнымъ,
Его ученіе—велѣніемъ небесъ...
А мы? Стремились мы вступить въ преддверье
свѣта?
Понятны-ль намъ слова священнаго привѣта:
„Христосъ Воскресъ!“

Себялюбивые, какъ дѣти лжи лукавой,
По-прежнему идемъ стезею мы неправой:
Стремленія къ добру и къ истинѣ въ насъ нѣтъ:
Безцѣльно мы живемъ, безцѣльно умираемъ
И любимъ нашу тьму, въ которой прозябаемъ,
И ненавидимъ свѣтъ.

Что видимъ вкругъ себя мы съ горькимъ
сожалѣньемъ?
Здѣсь преступленіе проходитъ съ дерзновеньемъ
Иль беззаконіе свершается тайкомъ;
Тамъ низость, скрытая измѣной, стала явной—
И насмѣхается съ кичливостью безславной
Надъ опозореннымъ врагомъ.

Когда же, наконецъ, мы золотого вѣка
Дождемся на землѣ—и званье человѣка
Начнемъ заслуженно съ достоинствомъ носить?
Когда, смотря на все прямымъ и свѣтлымъ взоромъ,
Не будемъ пополнять сердца свои раздоромъ—
И станемъ честно жить?!

В. Ракитинъ.

164. Моленіе о единствѣ.

„Да будутъ всѣ-едино!“
Іоанн. 17—21.

Съ вечери тайной въ часъ полночный
Христосъ съ учениками шелъ;
Съ высотъ небесъ на міръ порочный
Сіялъ Отца Его престолъ.

Покровъ вершины Елеонской
Росой серебряной сверкалъ...
Во мглѣ журчалъ потокъ Кедронскій
И Геѳсиманскій садъ дремалъ...
А тамъ чернѣла тѣнь Голгофы...
И видитъ онъ игру мечей,
Позоръ креста, вѣнецъ терновый
И лица грозныхъ палачей...
И сердце Агнца воскорбѣло...
Но съ неба льется снопъ лучей:
Въ вѣнкѣ цвѣтовъ, въ одеждѣ бѣлой
Передъ лицомъ Царя царей
Ликуютъ воинства спасенныхъ,
Нашедшихъ рай въ Его крови
И въ небесахъ преображенныхъ,
Поющихъ Богу пѣснь любви...
И сердце Агнца просвѣтлѣло...
И молвилъ Онъ: „Меня, Отецъ,
Прославилъ Ты, пославъ на дѣло;
То—дѣло жертвъ: въ немъ—Мой вѣнецъ".
И взоромъ радостнымъ Мессія
Взглянулъ на спутниковъ своихъ;
Вотъ, идутъ братья молодые:
О первенствѣ мечта у нихъ;
Вотъ Петръ: о плотскомъ избавленьи
Его сокрытая мечта...
И умъ готовитъ отреченье
Отъ круга братьевъ, отъ Христа...
Іуды нѣтъ... Онъ предвкушаетъ
Волшебный отблескъ серебра...
Душой мятежной Онъ рѣшаетъ
Предать Учителя добра...
Предъ Нимъ открылся вѣкъ грядущій;
Коринѳъ Онъ видитъ: гнѣвъ и страсть
И гордый споръ, раздѣлъ несущій,
Надъ жизнью церкви взяли власть...
Онъ слышитъ христіанъ проклятья:
Вотъ, изъ-за мертвыхъ комарей

„Анаѳема! взываютъ братья,
Забывъ завѣтъ Его скорбей.
И жгутъ съ молитвой другъ для друга
Зловѣщимъ заревомъ костры;
Между церквами вѣетъ вьюга:
Враждуютъ Божіе дворы...
А міръ съ ехидною улыбкой
На нихъ глядитъ: корабль Христа
Мятется, словно вѣтеръ зыбкій,
И какъ невѣрная мечта...
И сердце Агнца возскорбѣло...
„Страдать, чтобъ людямъ счастье дать,
То—Божья слава, Божье дѣло;
Но крестъ нести, чтобъ мечъ сковать,
Чтобъ дать имъ камень раздѣленья...
О этотъ крестъ превыше силъ!“
И звукъ дрожащаго моленья
Безмолвье ночи огласилъ:
„Отецъ! услышь молитву Сына;
Къ Тебѣ зову изъ тьмы земной;
Да будутъ всѣ они едино,
Какъ Я, Твой Сынъ, единъ, съ Тобой!“

15-го Янв. 1907 г. *И. С. Прохановъ.*
СПБ.

165. Свѣтъ и тьма.

I.

Въ Египтѣ тьма. Питомецъ Нила
Окутанъ мрака пеленой.
Рука незримая спустила
Покровъ ужасный надъ страной.
Сокрылся солнца обликъ ясный
И не горятъ его лучи.
Вотъ жгутъ огни . . . но все напрасно...
И гаснетъ свѣтъ костра, свѣчи...
Въ дворцахъ веселыхъ фараона

Не слышно царственныхъ пировъ,
Ни кликовъ радостныхъ, ни звона
Съ шипучей влагою кубковъ.
Не слышно шумнаго движенья
И тишина царитъ вокругъ;
Подъ гнетомъ страшнаго затмѣнья
Умолкнулъ говоръ царскихъ слугъ.
Порой лишь голосъ раздается:
„Огня и свѣта поскорѣй!“
Но роковой отвѣтъ несется:
„Исчезнулъ свѣтъ и нѣтъ огней“.
И вотъ проклятій грохотъ дикій
Волной проносится тогда;
Но голосъ мощнаго владыки
Въ палатахъ глохнетъ безъ слѣда.
И все опять кругомъ смолкаетъ,
И вновь царитъ безмолвный духъ;
А тьма, какъ прежде, облегаетъ
Ряды дворцовъ, ряды лачугъ.
Но что такое? Что за диво?
Въ жилищахъ чьихъ-то тамъ и тутъ
Огни пылаютъ такъ красиво
И свѣтъ такой лучистый льютъ.
Кто тамъ живетъ? Средь ночи черной
Какіе люди свѣтъ зажгли?
Жрецы-ль Изиды жизнетворной?
Владыки-ль скрытыхъ тайнъ земли?
Не изъ священнаго сословья
И не изъ касты мудрецовъ,
Они—носители злословья
И жертвы рабства и оковъ;
Они—народъ недавній, новый,
Они—посмѣшище страны,
Они—поклонники Іеговы,
Они—Израиля сыны.
То—торжество среды презрѣнной,
То—праздникъ истины святой,
Въ нихъ попираемой надмѣнно

Повелѣвающей толпой...
То—славный день освобожденья
И не въ побѣдѣ кровной онъ,
И не огнемъ вражды и мщенья,—
Онъ свѣтомъ мира озаренъ.

II.

Цвѣтущій Римъ, любимецъ славы
До тла огнемъ опустошенъ.
Не изъ вражды, но для забавы
Рукою властной онъ сожженъ.
Гдѣ были пышныя палаты,
Тамъ груды мусора лежатъ;
Гдѣ красовался храмъ богатый,
Тамъ стѣнъ обуглившихся рядъ.
Тамъ о разрушенномъ жилищѣ
Рыдаетъ бѣдная семья;
И тамъ, и тутъ плетется нищій,
Печально голову склоня.
Подъ слоемъ пепельнаго праха
Замѣтны мертвыя тѣла:
Печать отчаянья и страха
На обездоленныхъ легла.
Какъ грохотъ грома отдаленный,
Въ народѣ ропотъ пробѣгалъ;
Народъ бродилъ ожесточенный,
Народъ виновниковъ искалъ...

Въ вѣнцѣ зари багряной, ясной
Склонилось солнце за холмы,
И надъ картиною ужасной
Спадаетъ тѣнь вечерней тьмы.
И берегъ Тибра величавый
Покрыть собой она спѣшитъ;
И тонутъ въ ней луга, дубравы,
Развалинъ Рима жалкій видъ.
Но вотъ подъ сумракомъ тумана

Отъ погруженной въ сонъ рѣки
И до подножья Ватикана
Вдругъ засвѣтились огоньки.
Въ садахъ разубранныхъ Нерона
Пылаютъ пламени столпы
И подъ листвою освѣшенной
Текутъ несмѣтныя толпы.
Кругомъ чудесные фонтаны
Играютъ свѣтлою струей,
Звучатъ и цитры, и тимпаны
Въ раскатахъ пѣсни хоровой.
Народъ—дитя, забылъ онъ горе;
Онъ ликовать теперь готовъ
Въ саду цвѣтущемъ на просторѣ
Среди невиданныхъ костровъ.
Но вотъ предъ шумною толпою
Идетъ виновникъ торжества:
И льются пламенной рѣкою
Привѣтной радости слова,
Сквозь дымъ костровъ замѣтны лики,
Молитву шепчутъ ихъ уста;
А изъ толпы несутся клики:
„Погибель имени Христа!"
И въ яркомъ пламени сильнѣе
Живые факелы горятъ,
А лики выглядятъ темнѣе
И ихъ уста уже молчатъ.
Костры горятъ и шумъ враждебный
Несется бурною волной;
А высоко въ дали волшебной,
Сверкая прелестью живой,
Привѣтно звѣздочки сіяютъ;
Съ высотъ таинственныхъ своихъ
Онѣ торжественно встрѣчаютъ
Явленье свѣточей земныхъ;
Какъ будто въ выси безконечной
Свѣтиламъ неба дано знать,
Что, какъ онѣ, такъ будутъ вѣчно

Живые факелы сіять
И на землѣ несчастной, бѣдной,
Когда сгустится тьма кругомъ—
Свѣтиться истиной побѣдной
Передъ измученнымъ борцомъ.

И. С. Прохановъ.

166. Рыбаки.

Надъ волной Тиверіады
Лучъ вечерній угасалъ;
Освѣженъ струей прохлады,
Петръ товарищамъ сказалъ:
„Поплыву я въ море въ лодкѣ
Мимо тѣхъ гранитныхъ глыбъ,
Брошу сѣть и въ срокъ короткій
Наловлю я много рыбъ".
Молвивъ: „мы идемъ съ тобою!"
Всѣ пошли вослѣдъ Петра;
И привычною рукою
Сѣть бросали до утра.
Утромъ видятъ на разсвѣтѣ:
Человѣкъ на берегу,
Слышатъ: много-ль рыбы, дѣти?
Если нѣтъ, я помогу".
Но Іисуса не узнали,
Говорятъ: „въ пучину волнъ
Много разъ мы сѣть бросали,
Все же пустъ рыбацкій челнъ:
—„Разобравъ сѣтей изгибы,
Бросьте ихъ теперь правѣй!"
Бросили... и столько рыбы
Взоръ не видѣлъ рыбарей
Чудо! Неводъ былъ не новый,
Но онъ гору рыбъ держалъ;
Ихъ насилу рыболовы
Донесли до ближнихъ скалъ.

Тутъ они Его узнали
И поняли, отчего
Въ ночь ту рыбы не поймали:
Съ ними не было Его!
Безъ Его благословенья
Сѣть напрасно въ міръ бросать;
Съ Нимъ же эта сѣть спасенья
Можетъ міръ изъ безднъ поднять.

Октябрь 1904. *И. С. Прохановъ.*
СПБ.

167. Горе мальчика.

(Изъ жизни).

Мама! Мама! Дѣти въ школѣ
„Мнѣ покоя не даютъ;
„Палкой острою до боли
„Колютъ руки, крѣпко бьютъ...
„Посмотри-ка мнѣ на руки:
„Будто ихъ изранилъ ножъ.
„Неужель, опять для муки
„Въ школу ты меня пошлешь?
— „Жалко мнѣ тебя, мой милый,
Зарыдавъ, сказала мать,
„Но хочу я, съ Божьей силой,
„Кое-что тебѣ сказать...
„На крестѣ среди злословій
„За тебя Христосъ страдалъ
„И струею алой крови
„На Голгоѳѣ истекалъ...
„Не бѣжалъ Онъ отъ мученій,
„Кротко все переносилъ,
„За враговъ потокъ моленій
„Къ небесамъ Онъ возносилъ.
„Неужель не хочешь, милый,
„Ты Іисусу подражать?
„Дать тебѣ Онъ можетъ силы
„Зло любовью побѣждать.

„Преклонясь предъ Божьей волей,
„Будемъ Бога умолять,
„Чтобъ сердца смягчилъ Онъ въ школѣ,
„Далъ бы имъ Себя познать:
„Чтобъ тебѣ Онъ далъ смиренье,
„Чтобъ терпѣлъ ты, какъ Христосъ,
„Чтобы въ школѣ и ученьѣ
„Кротко крестъ Его ты несъ...
— „Мама! Мама! Я желаю
„Подражать Христу во всемъ;
„И отнынѣ я рѣшаю
„Быть Его ученикомъ.

И. С. Прохановъ.

168. Нарушеніе завѣта.

(Изъ эпопеи конца вѣка).

И шелъ Онъ, шелъ печальною долиной
Медлительной, усталою стопой;
И шелъ Онъ — праведникъ на всей землѣ единый,
Учитель кроткій и благой.
Предъ Нимъ раскинулись широкой пеленою
Безмолвныя, безбрежныя поля;
Дышали небеса живительной весною,
Но смертью вѣяла земля.
Надъ, солнцемъ выжженной, затоптанною нивой
Взошелъ другой — негаданный посѣвъ,
Засѣянный враждой людей нетерпѣливой,
На горе пахарямъ созрѣвъ.
Лишь мертвыя тѣла бѣлѣлися повсюду
На темени полей безплодныхъ и нѣмыхъ,
И труповъ каждую бѣлѣющую груду
Смѣняла груда тѣлъ другихъ.
И всюду, между нихъ, запекшись алой кровью,
Обрызгавшей мечи, и копья, и щиты,
Склонялись къ мертвецамъ, приникнувъ къ изголовью
Кроваво-красные цвѣты

Дорогу торную порою заграждали
Громады сѣрыя — развалины камней;
Вилась она змѣей, теряясь въ синей дали,
И кровь ручьемъ лилась по ней,

И надо всѣмъ широкимъ кругозоромъ,
Гдѣ жизнь еще вчера кипѣла и цвѣла,
Витала смерть, молніеноснымъ взоромъ,
Считая мертвыя тѣла.

И тучей грозною на дальнемъ небосклонѣ —
Какимъ-то призракомъ безформеннымъ, сѣдымъ —
Въ багрянцѣ зарева, какъ въ пурпурномъ виссонѣ,
Тянулъ съ пожарищъ дальнихъ дымъ.

А надъ угрюмою долиною печальной,
Надъ этимъ кладбищемъ-погостомъ безъ гробницъ,
Не слышавшимъ святой молитвы погребальной,
Кружились стаи черныхъ птицъ.

Кружились стаи птицъ, въ своей тревогѣ жадной
Готовыя начать въ долинѣ злобы пиръ
И было имя той долины безотрадной —
Подлунный міръ.

И шелъ Онъ, шелъ печальною долиной
Медлительной, усталою стопой;
И шелъ Онъ — праведникъ на всей землѣ единый,
Учитель кроткій и благой.

Съ понуреннымъ челомъ, закрывъ глаза рукою,
Ланиты оросивъ струею жгучихъ слезъ,
Въ Себѣ, въ Своей груди, измученной тоскою,
Онъ всѣ страданья міра несъ.

А въ памяти Его далекія, иныя,
Вѣка безсмертія вѣнчавшія собой,
Картины яркія и образы живые
Всплывали пестрою гурьбой...

Всплывали передъ Нимъ долины Галилеи
И Галилеянинъ, вмѣстившій Божество
Въ Свою земную плоть, — Сіонъ и фарисеи,
И проповѣдь нагорная Его.

Любовь великая Его одушевляла —
Свѣтлѣе свѣтлыхъ звѣздъ, какъ горный снѣгъ
чиста —
И шествіе Его лучами озаряла
Отъ Назарета до креста.

Свершилось!.. Крестный путь... Голгоѳское
страданье...
И пролилась людьми Божественная кровь,
Но въ обновленный міръ еще свѣтлѣй сіянье
Лила воскресшая Любовь!

Вѣка, прошли вѣка... Конецъ тысячелѣтью;
Второе—новое—склонилось подъ исходъ;
И снова теменъ міръ, опутанъ старой сѣтью
Грѣховъ, проклятій и невзгодъ.

Забытъ святой Завѣтъ—завѣтъ любви небесной,
И въ братьевъ мрачная вселилася вражда,
И Богочеловѣкъ идетъ подъ ношей крестной,
Но—для послѣдняго суда!

А силы темныя крикливой стаей жадной
Давно, давно вершатъ на стогнахъ жизни пиръ,
И кровью залитой долиной безотрадной
Лежитъ весь міръ...

Аполлонъ Коринѳскій.

169. Пиръ Валтассара.

(Изъ Байрона).

На тронѣ царь сидитъ, красавецъ—полубогъ;
Онъ сладостно на пиръ глядитъ, въ изнеможеньи;
Сатрапы, женщины—все тонетъ въ наслажденьи,
И блещетъ весь въ огняхъ окуренный чертогъ.
Пѣснь изступленная безстыдно раздается;
Вѣнки давно уже свалились съ головы:
Горячія уста припали къ кубкамъ—льется
Язычниковъ вино въ сосуды Іеговы...

Но вдругъ, какъ молнія, упавшая съ небесъ,
Кровавая рука простерлась надъ толпою,
Чертя по мрамору огнистой полосою,
Какъ по песку, перстомъ: „Мани, факелъ, фаресъ".
Не такъ ужасенъ часъ преступника у плахи,
Лѣнтяя юноши — у старости сѣдой,
Какъ страшны были всѣмъ руки чертящей взмахи,
Сверкнувшіе мечемъ надъ грѣшной головой.

Трепещетъ гордый царь, на смолкшій пиръ взирая;
Предчувствіе ножомъ вонзилось въ грудь его;
Онъ, не боявшійся на свѣтѣ ничего,
Впервые поблѣднѣлъ, къ рабамъ своимъ взывая:
Бѣгите, варвары, къ кудесникамъ моимъ!
Ведите ихъ сюда, мудрѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ...
Одни они прочтутъ успѣшно и своимъ
Всезнаніемъ сотрутъ пятно на нашемъ пирѣ".

Явились мудрецы-халдейцы, но темно
Осталось и для нихъ пророчества значенье;
Тройною мглой отъ всѣхъ заслонено
Казалось имъ то дивное видѣнье.
Сѣдыя головы, мудрѣйшіе земли,
И первые изъ маговъ Вавилона,
Повергнувшись въ пыли у царственнаго трона,
Взглянули на слова — и словъ тѣхъ не прочли...

Но вотъ предсталъ одинъ, изъ дальней Іудеи,
Врагомъ плѣненной, сынъ — пророкъ Твой, Іегова!
Онъ надпись ту прочелъ... Смутилися халдеи,
И ясно стали всѣмъ безмолвныя слова...
Заутра все сбылось и памятно донынѣ;
Въ могилѣ Валтассаръ, народъ его въ цѣпяхъ,
И гордый Вавилонъ, какъ лютый змѣй въ пустынѣ,
Издохъ, раздавленный карающей стопой.

Г. Данилевскій.

170. Бичеваніе Христа.

Зачѣмъ озлобленной толпой,
Бѣснуясь въ ярости слѣпой,
Народъ по улицамъ тѣснится?
Или, во имя Бога силъ,
Среди поруганныхъ могилъ
Проснулся бѣдный Израиль
И жаждой мщенія томится?
Куда волнуясь и шумя,
Идетъ оружіемъ гремя?
Не на молитву въ домъ Іеговы
Въ урочный часъ выходитъ Онъ,
А въ домъ суда, гдѣ игемонъ,
Казнить и миловать готовый,
Творитъ расправу и законъ.

Сходя съ высокаго порога,
Невольнымъ ужасомъ томимъ,
Пилатъ на страждущаго Бога,
Смутясь, указываетъ имъ.
Но крики грозные несутся:
— Мы не хотимъ Его! Распни!
И вопли гнѣва раздаются,
И смерти требуютъ они.
Пилатъ смутился предъ толпою,—
И, вотъ, съ высокихъ ступеней
Къ врагамъ страдальческой стопою
Идетъ Великій Назорей.
Сошелъ; на мигъ остановился,
И — да исполнится судьба! —
Съ улыбкой кроткой преклонился
Онъ у позорнаго столба.

Они же злобно въ багряницу
Его съ насмѣшкой облекли
Вложили трость Ему въ десницу,
Вѣнецъ изъ тернія сплели...

Съ угрозой руки поднимали,
Потомъ съ насмѣшкой преклонясь,
Они въ глаза Ему плевали,
Въ бездушной злобѣ веселясь.
Толпою шумной окружили,
Съ крыльца высокаго свели
И крестъ тяжелый возложили,
И къ мѣсту казни повели.

Э. Губеръ.

171. Блудный сынъ.

I.

Подъ небомъ знойнаго Востока,
Въ лучахъ давно минувшихъ дней
Цвѣла усадьба одиноко
Среди воздѣланныхъ полей;
Стада несмѣтныя паслися
И нивы кланялись вокругъ;
Со всѣхъ сторонъ съ полей неслися
Напѣвы безпечальныхъ слугъ.
Дворецъ чудесъ, дворецъ старинный
Въ листвѣ зеленой утопалъ;
Шептались тучныя маслины,
Каштанъ могучій имъ внималъ;
Полнѣли смоквы и бананы
И наливался виноградъ...
Плескали свѣтлые фонтаны,
Журчалъ сверкающій каскадъ...
Верхи деревъ дрожали тѣнью,
Прохладу ручейки несли;
Они влекли къ отдохновенью
Прохожихъ изъ чужой земли...
И въ знойный день, забывъ палаты,
Въ сады на отдыхъ приходилъ
Усадьбы собственникъ богатый,
Почетный въ мірѣ старожилъ...

Въ то время не было славнѣе,
Богаче въ мірѣ никого;
Но на землѣ всѣхъ благъ дороже
Два сына были для него.

. . . . . .

. . . . . .

Онъ ихъ любилъ... Но вотъ однажды
Одинъ сказалъ: „Отецъ! Отдай
Мое наслѣдство, мучусь жаждой
Уйти въ далекій новый край".
Какъ тѣнь, глубокая кручина
Легла на ликъ его отца;
Онъ столько лѣтъ лелѣялъ сына
Подъ сѣнью мирною дворца:
Его училъ любить законы
Добра, свободы, чистоты;
Не разъ скорбѣлъ онъ, огорченный
Порокомъ молодой мечты;
Но міръ отца съ бичемъ суровымъ
Иль съ гнѣвнымъ взоромъ не видалъ;
А въ день проступка кроткимъ словомъ
Онъ сына въ правдѣ наставлялъ...,
Онъ не тѣснилъ его свободы
И въ тайнѣ сердца своего
Онъ ждалъ, что сынъ познаетъ въ годы,
Какъ велика любовь его.
Увы! какъ будто все напрасно:
Уйти сынъ хочетъ отъ него;
Но онъ не хочетъ силой властной
Или жезломъ держать его.,.
Онъ полнъ любви! Онъ полнъ желаній
Повѣдать сыну своему,
Что на пути своихъ мечтаній
Онъ встрѣтитъ горечь и суму...
Но сынъ глядѣлъ, какъ день невзгоды!
Тотъ взоръ отца остановилъ:
Сынъ не позналъ отца за годы,
Онъ рѣчи-бъ той не оцѣнилъ.

И вотъ отецъ, скорбя безъ слова,
Идетъ за звонкою казной;
И груды золота литого
Выноситъ щедрою рукой...

II.

И сынъ беретъ свое наслѣдство
И окруженъ толпой рабовъ,
Уходитъ онъ изъ дома дѣтства
Въ сосѣдній городъ, въ домъ пировъ.
И шумный пиръ и грохотъ пѣнья
Въ ту ночь прохожихъ привлекалъ;
То сынъ гулялъ... а тамъ въ имѣньѣ
Отецъ покинутый стоналъ...
Влекомый жаждою кипучей,
Сынъ ѣдетъ въ дальнюю страну;
И отдается страсти жгучей,
Пирамъ веселья и вину.
О немъ молва кругомъ гремѣла,
Влекла безчисленныхъ друзей;
Межъ тѣмъ казна его пустѣла
И становился пиръ скучнѣй.,.
Вотъ отдаетъ онъ грошъ послѣдній
На пиръ друзей, на хмѣльный даръ:
Вотъ онъ встаетъ отъ боли блѣдный,
Въ груди клокочущій пожаръ..'
Идетъ онъ къ тѣмъ, кто въ дружбѣ вѣчной
Клялись ему подъ струнный звонъ;
Но слышитъ голосъ безсердечный:
„Не знаемъ мы его. Кто онъ?"
Чужды ему друзей хоромы;
Отъ нихъ идетъ онъ, полнъ тревогъ;
Народъ прохожій незнакомый
Просить онъ о дарахъ не могъ...
И, чуждъ работы подневольной,
Теперь о ней онъ умолялъ;
Одинъ нашелся сердобольный:

Его пасти свиней послалъ.
И тамъ онъ, голодомъ томимый,
Скоту завидывалъ не разъ;
Онъ пищи, стаду приносимой,
Просилъ, но... получалъ отказъ...
И въ мукахъ голода лютого
Онъ слезы проливалъ ручьемъ;
И вспомнилъ онъ отца родного,
Давно покинутый имъ домъ,
Тотъ домъ, гдѣ отъ избытка пищи
Тучнѣютъ слуги у отца;
А онъ здѣсь гибнетъ, словно нищій
Иль какъ заблудшая овца...
И, каясь за проступокъ гордый,
Сказалъ онъ: „Я къ отцу пойду!"
И, вставъ, походкою нетвердой
Пошелъ въ печали, какъ въ чаду...

24

III.

Жара полдневная спадала
Надъ ширью жатвенныхъ полей;
Усадьба древняя дремала,
Купаясь въ золотѣ лучей.
Какъ прежде, полнъ казны несмѣтной
Дворецъ причудливый стоялъ;
Какъ прежде, ключъ журчалъ привѣтно
И въ тѣнь прохожихъ привлекалъ...
Хозяинъ къ воротамъ спустился;
Его глубокій, кроткій взглядъ
Кручиной горькою свѣтился,
Печаленъ былъ его нарядъ...
Съ утра до ночи, полный думы,
Выходитъ онъ за ворота
И въ даль дорогъ глядитъ угрюмый,
Пока не ляжетъ темнота...
Его хотятъ развлечь... Напрасно!
Онъ мучимъ мыслію одной

О томъ, гдѣ сынъ его несчастный
И скоро-ль онъ придетъ домой...
И нынче, также полнъ тревоги,
Онъ вышелъ; глядя въ дальній мракъ,
Онъ видитъ, будто по дорогѣ
Идетъ оборванный бѣднякъ...
И слышитъ старецъ голосъ сильный:
„То сынъ твой!“ И отецъ
Бѣжитъ впередъ дорогой пыльной
И видитъ сына наконецъ...
Да, это онъ! Спѣша полями,
Отецъ къ пришельцу подбѣжалъ,
На шею палъ и со слезами
Его онъ крѣпко цѣловалъ...
И молвилъ сынъ: „предъ небомъ синимъ
И предъ тобой виновенъ я;
Я не достоинъ зваться сыномъ,
Но, какъ раба, прими меня!
Прости мой грѣхъ и преступленье!“
Но прежде чѣмъ онъ то сказалъ,
Отецъ въ порывѣ всепрощенья
Все, все забвенію предалъ...
Исчезла старая кручина...
Съ огнемъ восторженнымъ въ очахъ
Отецъ держалъ въ объятьяхъ сына
Который былъ и босъ, и нагъ...

. . . . . .

. . . . . .

VI.

„Слуги вѣрные, спѣшите!
Гость нежданный у воротъ;
На лохмотья не смотрите:
Это сынъ ко мнѣ идетъ.
Чистымъ масломъ ароматнымъ
Надушите мой фонтанъ;
Пусть купаньемъ онъ пріятнымъ

Освѣжитъ усталый станъ.
Поскорѣе отыщите
Одѣянья дня него;
Лучшій перстень принесите
Изъ чертога моего;
Сдѣлайте вѣнокъ душистый
Для него, для всѣхъ въ дому;
Всѣ нарядъ надѣньте чистый,
Уберите въ терему.
Гдѣ собранье старцевъ властныхъ
И друзья души моей?
Гдѣ мой хоръ пѣвцовъ согласныхъ?
Приведите ихъ скорѣй!

Гусли стройте!
Дружно пойте!
Средь порока
И далеко
Сынъ скрывался мой,
А теперь со мной;
Подъ щитомъ моимъ
Онъ ужъ невредимъ.
Найденъ сынъ отцомъ;
Пойте съ торжествомъ!..

Гусли стройте!
Дружно пойте!
Мертвъ душою
Суетою
Погребенъ онъ былъ,
Но теперь ожилъ;
Сынъ умершій живъ:
Какъ отецъ счастливъ!

Гусли стройте!
Дружно пойте!
Поскорѣе
И жирнѣе

Дайте намъ тельца;
Пусть пошлютъ гонца,
Пусть весь міръ зоветъ:
Пиръ отецъ даетъ.

Гусли стройте!
Дружно пойте!
Смоквъ изъ сада,
Винограда
По живымъ вѣтвямъ
Соберите намъ.
Меда отъ пчелы
Дайте на столы!

Гусли стройте!
Дружно пойте!
И значками
И цвѣтами
Уберите домъ!
Радостнымъ огнемъ
Жгите фонари
Ночь всю до зари!

Гусли стройте!
Дружно пойте!
Приглашайте
И сажайте
Всѣхъ вы за столомъ
Сядетъ сынъ съ отцомъ.
Чтобы видѣлъ міръ,
Чѣмъ прекрасенъ пиръ!

Гусли стройте!
Дружно пойте!
Грусть забудемъ,
Ясны будемъ!
Будемъ пировать,
Явства съ блюдъ вкушать.

Лейся звукъ рѣчей
Какъ живой ручей!

Гусли стройте!
Дружно пойте!
Братъ не сѣтуй,
Мнѣ послѣдуй,
Брата обними
И въ любви прими.
Пусть, во мнѣ богатъ,
Любитъ брата братъ!

Гусли стройте!
Дружно пойте!
Грѣхъ свершенный.
Словно сонный
Страхъ, навѣкъ исчезъ;
Къ жизни духъ воскресъ,
Чтобы безъ конца
Быть въ дому отца.

28 ноября 1904 г.
СПБ.

И. С. Прохановъ.

172. За свободу совѣсти.

„Я всегда и въ узахъ моихъ преклоняю колѣна передъ Отцомъ Господа нашего Іисуса Христа". Еф. 3, 14.
Изъ письма ссыльнаго за вѣру.

I.

Глубокая ночь надъ землею;
Надъ городомъ сумракъ залегъ;
За грязной, высокой стѣною
Чернѣетъ въ туманѣ острогъ.
Вотъ, въ камерѣ крайней стихаетъ
И шумъ, и движеніе дня;
На нарахъ, ложась, засыпаетъ
Жильцовъ арестантовъ семья.

Всѣ спятъ. Лишь одинъ заключенный
Не спитъ и не дремлетъ; но вотъ,
Отбросивъ армякъ свой суконный,
Въ потьмахъ на колѣняхъ встаетъ,
На груди слагаетъ онъ руки
И вскорѣ среди тишины
Несутся чуть слышные звуки,
Мольбы и волненья полны.
„О Боже, Боже мой! Я знаю,
Что Ты всегда, вездѣ со мной
И здѣсь въ темницѣ вспоминаю
Дѣла руки Твоей святой.
Я жилъ когда-то, утопая
Среди пороковъ и страстей,
Не зналъ пути къ блаженству рая,
Не зналъ я милости Твоей;
Но счастливъ я, что Твой служитель
Когда то книгу мнѣ принесъ
И прочиталъ, кто мой Спаситель,
Что для меня свершилъ Христосъ.
Съ тѣхъ поръ я въ радостномъ волненьѣ
Сосѣдямъ книгу ту читалъ
И въ судъ попалъ за совращенье,
А судъ въ тюрьму меня послалъ.
И вотъ съ обритой головою
И съ кандалами на ногахъ,
Я прихожу къ Тебѣ съ мольбою,
Услышь меня на небесахъ.
Тебя я славлю за спасенье,
За скорбь и радости мои.
Прости начальниковъ селенья
И судьямъ грѣхъ не помяни!
Ты знаешь вѣдь: одно стремленье,
Одна мечта была моя
Открыть источникъ искупленья
Такимъ же грѣшникамъ, какъ я.
Я Твой слуга, хотя назвали
Презрѣннымъ именемъ меня.

О дай, чтобъ здѣсь въ тюрьмѣ узнали,
Что за Тебя страдаю я.
Жену я вспомнилъ и малютокъ:
Когда ихъ лица цѣловалъ,
Въ слезахъ всѣ были! Часъ былъ жутокъ;
Но я Тобой ихъ утѣшалъ,
Я вѣрю, Боже мой, глубоко,
Ты не оставишь ихъ однихъ
И по любви Твоей высокой
Насытишь ихъ, согрѣешь ихъ.
И вѣрю я: Ты здѣсь со мною
И въ ссылкѣ буду я съ Тобой;
Но дай, чтобъ робкою душою
Я не ропталъ на жребій свой;
Прости вину враговъ суровыхъ,
Мою семью Ты не покинь,
Спаси товарищей въ оковахъ.
Хвала Тебѣ за все! „Аминь!“
Онъ кончилъ и въ камерѣ снова
И тишь, и безмолвье царятъ;
Лишь гдѣ-то шаги часового
Чуть слышно и мѣрно звучатъ.

II.

На мѣстѣ своемъ онъ ложится,
Накинувъ армякъ на себя.
И вотъ засыпаетъ. И снится:
Попалъ онъ въ чужіе края,
Онъ въ городѣ пышномъ гуляетъ
И видитъ: толпа тамъ стоитъ
И кто-то предъ нею читаетъ,
И что-то предъ ней говоритъ.
Подходитъ онъ ближе поспѣшно
И слышитъ онъ слово о томъ,
Какъ люди съ природою грѣшной
Спасаются нынѣ Христомъ.
И онъ пораженъ. И собрата

Въ ораторѣ онъ узнаетъ;
И пламенемъ дума объята
И онъ вопрошаетъ народъ:
„Ужели Христово ученье
Возможно у васъ возвѣщать
Свободно?“ Сосѣдъ въ удивленьѣ
И долго не можетъ понять
И молвитъ: „Свобода для слова
И мысли у насъ о, пришлецъ!
И нѣту владыки земного
Надъ вѣрою нашихъ сердецъ!“
Проснулся онъ Та же темница,
Гнетущая смрадомъ густымъ;
Все тѣ-жъ арестантскія лица,
Все та же рѣшетка предъ нимъ!

И. С. Прохановъ.

173. Странникъ.

I.

Однажды странствуя среди долины дикой,
Внезапно былъ объятъ я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки
И горько повторялъ, метаясь, какъ больной:
Что дѣлать буду я? Что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно;
Уныніе мое всѣмъ было непонятно;
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ;
И сердце наконецъ открылъ я поневолѣ.

„О, горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчитъ меня. Идемъ! Ужъ близко, близко время!
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище—а гдѣ? О горе, горе!..

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли,
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный.
Я легъ, но во всю ночь все я плакалъ и вздыхалъ
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ;
Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе,
Они пришли ко мнѣ, на ихъ вопросъ я тоже,
Что прежде говорилъ. Тутъ ближніе мои
Не довѣряя мнѣ за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью, и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ,
И наконецъ, они отъ крика утомились
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились,
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачъ
Докучны и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить—уныньемъ изнывая
И, взоры вкругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замысливший отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.

Онъ тихо поднялъ взоръ и вопросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный:
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный
И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ
И смерть меня страшитъ". Коль жребій твой таковъ
Онъ возразилъ и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? Зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?
И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?"
Тогда: „Не видитъ ли твой взоръ чего нибудь?"
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указавъ перстомъ.
Я окомъ сталъ смотрѣть болѣзненно отверзтымъ,
Какъ отъ бѣльма врачемъ избавленный слѣпецъ.
„Иди-жъ онъ продолжалъ: держись сего ты свѣта;
„Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
„Доколѣ оныхъ вратъ еще ты не достигъ,
Ступай!" И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ.
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдямъ предлагалъ,
Иные ужъ за мной гнались, — но я тѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
Дабы скорѣй войти, оставя ихъ мѣста
Спасенія путемъ въ таинственны врата.

Пушкинъ.

174. Христіанка.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
Пушкинъ. „Русл. и Людм.".

I.

Спитъ гордый Римъ, одѣтый мглою,
Въ тѣни разросшихся садовъ:

Полны глубокой тишиною
Ряды нѣмыхъ его дворцовъ;
Весенней полночи молчанье
Царитъ на сонныхъ площадяхъ;
Луны капризное сіянье
Въ рѣчныхъ колеблется струяхъ.
И Тибръ, блестящей полосою
Катясь межъ темныхъ береговъ,
Шумитъ задумчивой струею
Въ даль убѣгающихъ валовъ.
Въ рукахъ распятіе сжимая,
Въ сѣдыхъ стѣнахъ тюрьмы сырой
Спитъ христіанка молодая,
На грудь склонившись головой.
Безплодны были всѣ старанья
Ея суровыхъ палачей:
Ни обѣщанья. ни страданья
Не сокрушили вѣры въ ней.
Безчеловѣчною душою
Судьи на смерть осуждена,
На завтра предъ инымъ Судьею
Предстанетъ въ небесахъ она.
И вотъ, полна святымъ желаньемъ
Все въ жертву небу принести,
Она идетъ къ концу страданья,
Къ концу тернистаго пути...

И снятся ей поля родныя,
Шатры лимоновъ и дубовъ,
Рѣки изгибы голубые
И юныхъ лѣтъ пріютный кровъ;
И прежнихъ мирныхъ наслажденій
Она переживаетъ дни,
Но ни тревогъ, ни сожалѣній
Не пробуждаютъ въ ней они.
На все земное безъ участья
Она привыкла ужъ смотрѣть;
Не нужно ей земного счастья,

Ей въ жизни нечего жалѣть:
Полна небесныхъ упованій,
Она безъ жалости и слезъ,
Разбила рой земныхъ желаній
И юный міръ роскошныхъ грезъ, —
И на алтарь Христа и Бога
Она готова принести
Все, чѣмъ красна ея дорога,
Что ей свѣтило на пути.

II.

Поднявшись гордо надъ рѣкою,
Дворецъ Нерона мирно спитъ;
Вокругъ зеленою семьею
Рядъ стройныхъ тополей стоитъ;
Въ душистомъ мракѣ утопая,
Спокойной нѣгой дышитъ садъ;
Въ его тѣни, струей сверкая,
Ключи студеные журчатъ.
Вдали зубчатой полосою
Уходятъ горы въ небеса,
И, какъ плащемъ, одѣты мглою
Стоятъ священные лѣса.

Все спитъ. Одинъ альбинъ угрюмый
Сидитъ въ раздумьи у окна. .
Тяжелой, безотрадной думой
Его душа возмущена.
Врагъ христіанъ, патрицій славный,
Въ бояхъ испытанный герой,
Подъ игомъ страсти своенравной,
Какъ рабъ, поникъ онъ головой.
Вдали толпы, пировъ и шума,
Подъ кровомъ полночи нѣмой,
Все та же пламенная дума
Сжимаетъ грудь его тоской.
Мечта нескромная смущаетъ

Его блаженствомъ неземнымъ.
Воображенье вызываетъ
Картины страстныя предъ нимъ.
И въ полумглѣ весенней ночи
Онъ видитъ образъ дорогой,
Черты любимыя и очи,
Надежды полныя святой.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва молодая
Къ нему на судъ приведена,
Проснулась грудь его нѣмая
Отъ долгой тьмы глухого сна:
Развратъ дворца въ душѣ на время
Стремленья чистыя убилъ,
Но свѣтъ любви порока бремя
Мечемъ карающимъ разбилъ,
И казнь Маріи изрекая,
Дворца и Рима гордый сынъ,
Онъ самъ, того не сознавая,
Ужъ былъ въ душѣ христіанинъ;
И рѣчи узницы прекрасной
Съ вниманьемъ жаднымъ онъ ловилъ,
И свѣтъ великій вѣры ясной
Глубоко корни въ немъ пустилъ.
Любовь и вѣра побѣдили
Въ немъ заблужденья прежнихъ дней,
И душу гордую смутили
Высокой прелестью своей.

IV.

Заря блестящими лучами
Зажглась на небѣ голубомъ,
И свѣтъ огнистыми волнами
Блеснулъ причудливо кругомъ.
За нимъ, вѣнцомъ лучей сіяя,

Проснулось солнце за рѣкой
И, свѣтлымъ дискомъ выплывая,
Сверкаетъ гордо надъ землей...
Проснулся Римъ. Народъ толпами
Въ амфитеатръ шумя спѣшитъ,
И черни пестрыми волнами
Циркъ, полный до верху, кипитъ,
И въ ложѣ, убранной богато,
Въ пурпурной мантіи своей,
Залитый въ серебро и злато,
Сидитъ Неронъ въ кругу друзей.
Подавленъ безотрадной думой,
Альбинъ, патрицій молодой,
Какъ ночь, прекрасный и угрюмый,
Межъ нихъ сіяетъ красотой.

Толпа шумитъ нетерпѣливо
На отведенныхъ ей мѣстахъ, —
Но — поданъ знакъ, и дверь визгливо
На ржавыхъ подалась петляхъ,
И, на арену выступая,
Тигрица вышла молодая...
Во-слѣдъ за ней походкой смѣлой
Вошла съ распятіемъ въ рукахъ,
Страдалица въ одеждѣ бѣлой,
Съ спокойной твердостью въ очахъ.
И вмигъ всеобщее движенье
Смѣнилось мертвой тишиной,
Какъ дань нѣмого восхищенья
Предъ неземною красотой.
Альбинъ, поникнувъ головою,
Весь блѣдный, словно тѣнь стоялъ...
. . . . . .
. . . . . .
И вдругъ предъ стихнувшей толпою
Волшебный голосъ зазвучалъ:

V.

„Въ послѣдній разъ я открываю
Мои дрожащія уста:
Прости, о Римъ, я умираю
За вѣру въ моего Христа!
И въ эти смертныя мгновенья,
Моимъ прощая палачамъ,
За нихъ послѣднія моленья
Несу я къ горнимъ небесамъ;
Да не осудитъ ихъ Спаситель
За кровь пролитую мою,
Пусть приметъ ихъ святой Учитель
Въ свою великую семью!
Пусть свѣточъ чистаго ученья
Въ сердцахъ холодныхъ онъ зажжетъ,
И рай любви и примиренья
Въ ихъ жизнь мятежную прольетъ!..“

Она замолкла, — и молчанье
У всѣхъ царило на устахъ;
Казалось, будто состраданье
Въ ихъ черствыхъ вспыхнуло сердцахъ...
. . . . . .
Вдругъ на аренѣ, предъ толпою,
Съ огнемъ въ очахъ предсталъ Альбинъ
И молвилъ: — „Я умру съ тобою ..
О Римъ, — и я христіанинъ...“

Циркъ вздрогнулъ, зашумѣлъ, очнулся,
Какъ лѣсъ осеннею грозой, —
И звѣрь испуганно метнулся,
Прижавшись къ двери роковой...
Вотъ онъ крадется, выступая,
Ползетъ неслышно, какъ змѣя...

Скачокъ... и, землю обагряя,
Блеснула алая струя...

Святыню смерти и страданій
Римъ звѣрскимъ смѣхомъ оскорбилъ,
И дикій громъ рукоплесканій
Мольбу послѣднюю покрылъ.

Глубокой древности сказанье
Прошли сѣдыя времена,
И безпристрастное преданье
Хранитъ святыя имена.
Простой народъ тепло и свято
Съумѣлъ въ преданьи сохранить,
Какъ люди въ старину, когда-то,
Умѣли вѣрить и любить!..

С. Я. Надсонъ.

175. Іуда.

I.

Христосъ молился... Потъ кровавый
Съ чела поникшаго бѣжалъ...
За родъ людской, за родъ лукавый,
Христосъ моленья возсылалъ;
Огонь святого вдохновенья
Сверкалъ въ чертахъ Его лица,
И Онъ съ улыбкой сожалѣнья
Сносилъ послѣднія мученья
И боль терноваго вѣнца.
Вокругъ креста толпа стояла,
И грубый смѣхъ звучалъ порой...
Слѣпая чернь не понимала,
Кого насмѣшливо пятнала
Своей безсильною враждой.

Что сдѣлалъ Онъ? За что на муку
Онъ осужденъ, какъ рабъ, какъ тать,
И кто дерзнулъ безумно руку
На Бога своего поднять?
Онъ въ міръ вошелъ съ святой любовью,
Училъ, молился и страдалъ—
И міръ Его невинной кровью
Себя на вѣки запятналъ!..
Свершилось!..

II.

Полночь голубая
Горѣла кротко надъ землей;
Въ лазури ласково сіяя,
Поднялся мѣсяцъ золотой.
Онъ то задумчивымъ мерцаньемъ
За дымкой облака сверкалъ,
То снова трепетнымъ сіяньемъ
Голгоѳу ярко озарялъ.
Внизу, окутанный туманомъ,
Виднѣлся городъ съ высоты.
Надъ нимъ, подобно великанамъ,
Чернѣли грозные кресты.
На двухъ изъ нихъ еще висѣли
Казненные: лучи луны
Въ нихъ лица блѣдныя глядѣли
Съ своей безбрежной вышины.
Но третій крестъ былъ пустъ. Друзьями
Христосъ былъ снятъ и погребенъ,
И ихъ прощальными слезами
Гранитъ надгробный орошенъ.

III.

Чье затаенное рыданье
Звучитъ у средняго креста?
Кто этотъ человѣкъ? Страданье

Горитъ въ чертахъ его лица.
Быть можетъ, съ жаждой исцѣленья
Онъ изъ далекихъ странъ спѣшилъ,
Чтобъ Іисусъ его мученья
Всесильнымъ словомъ облегчилъ?
Ужъ онъ готовился съ мольбою
Упасть къ ногамъ Христа—и вотъ
Вдругъ отовсюду узнаетъ,
Что Тотъ, Кого народъ толпою
Недавно какъ царя встрѣчалъ,
Что Тотъ, Кто свѣтъ зажегъ надъ міромъ,
Кто не кадилъ земнымъ кумирамъ
И зло открыто обличалъ,—
Погибъ, забросанный презрѣньемъ,
Измятый пыткой и мученьемъ!..
Быть можетъ, тайный ученикъ,
Склонясь усталой головою,
Къ кресту Учителя приникъ
Съ тоской и страстною мольбою?
Быть можетъ, грѣшникъ непрощенный
Сюда, измученный, спѣшилъ,
И здѣсь колѣнопреклоненный,
Свое раскаянье излилъ?—
Нѣтъ, то Іуда!.. Не съ мольбой
Пришелъ онъ—онъ не смѣлъ молиться
Своей порочною душой;
Не съ тѣломъ Господа проститься
Хотѣлъ онъ—онъ и самъ не зналъ,
Зачѣмъ и какъ сюда попалъ.

IV.

Когда на муку обреченный,
Толпой народа окруженный,
На мѣсто казни шелъ Христосъ
И крестъ, изнемогая, несъ,
Іуда, притаившись, видѣлъ
Его страданья и созналъ,

Кого безумно ненавидѣлъ,
Чью жизнь на деньги промѣнялъ.
Онъ понялъ, что ему прощенья
Нѣтъ въ безпристрастныхъ небесахъ,—
И страхъ, безсильный, рабскій страхъ,
Угрюмый спутникъ преступленья,
Вселился въ грудь его. Всю ночь
Въ его больномъ воображеньи
Вставалъ Христосъ. Напрасно прочь
Онъ гналъ докучное видѣнье;
Напрасно думалъ онъ уснуть,
Чтобъ все забыть и отдохнуть
Подъ кровомъ молчаливой ночи:
Предъ нимъ, едва сомкнетъ онъ очи,
Все тотъ же призракъ роковой
Встаетъ во мракѣ, какъ живой!—

V.

Вотъ Онъ, истерзанный мученьемъ
Апостолъ истины святой,
Измятый пыткой и презрѣньемъ,
Распятый буйною толпой;
Богъ, осужденный приговоромъ
Слѣпыхъ, подкупленныхъ судей!
Вотъ Онъ!.. Горитъ нѣмымъ укоромъ
Небесный взоръ Его очей.
Вѣнецъ любви, вѣнецъ терновый
Чело Спасителя язвитъ,
И, мнится, приговоръ суровый
Въ устахъ разгнѣванныхъ звучитъ...
„Прочь, непорочное видѣнье,
Уйди, не мучь больную грудь!..
Дай хоть на часъ, хоть на мгновенье
Не жить... не помнить... отдохнуть...
Смотри: предатель твой рыдаетъ
У ногъ твоихъ... О, пощади!
Твой взоръ мнѣ душу разрываетъ...

Уйди .. исчезни... не гляди!..
Ты видишь: я готовъ слезами
Мой поцѣлуй коварный смыть...
О, дай минувшее забыть,
Дай душу облегчить мольбами...
Ты Богъ... ты можешь все простить!
. . . . . .
А я? Я зналъ ли сожалѣнье?
Мнѣ нѣтъ пощады, нѣтъ прощенья!"

VI.

Куда уйти отъ черныхъ думъ?
Куда бѣжать отъ наказанья?
Устала грудь, истерзанъ умъ,
Въ душѣ —мятежныя страданья.
Безмолвно въ тишинѣ ночной,
Какъ изваянье, безъ движенья,
Все тотъ же призракъ роковой
Стоитъ залогомъ осужденья...
А здѣсь, вокругъ, горя луной,
Дыша весеннимъ обаяньемъ,
Ночь разметалась надъ землей
Своимъ задумчивымъ сіяньемъ.
И спитъ серебряный Кедронъ,
Въ туманъ прозрачный погруженъ...

VII.

Бѣги, предатель, отъ людей
И знай: нигдѣ душѣ твоей
Ты не найдешь успокоенья:
Гдѣ-бъ ни былъ ты, вездѣ съ тобой
Пойдетъ твой призракъ роковой
Залогомъ мукъ и осужденья.
Бѣги отъ этого креста,
Не оскверняй его лобзаньемъ:

Онъ святъ, онъ освященъ страданьемъ
На немъ распятаго Христа!

. . . . . .

И онъ бѣжалъ!..

. . . . . .

VIII.

Полъ-небосклона
Заря пожаромъ обняла
И горы дальняго Кедрона
Волнами блеска залила.
Проснулось солнце за холмами
Въ вѣнцѣ сверкающихъ лучей.
Все ожило... шумитъ вѣтвями
Лѣсъ, гордый великанъ полей,
И въ глубинѣ его, струями
Гремитъ серебряный ручей ..
Въ лѣсу, гдѣ вѣчно мгла царитъ,
Куда заря не проникаетъ,
Качаясь, мрачный трупъ виситъ;
Надъ нимъ безмолвно разстилаетъ
Осина свой покровъ живой
И изумрудною листвой
Его, какъ друга, обнимаетъ.
Погибъ Іуда... Онъ не снесъ
Огня глухихъ своихъ страданій,
Погибъ безъ примиренныхъ слезъ,
Безъ сожалѣній и желаній.
Но до послѣдняго мгновенья
Все тотъ же призракъ роковой
Живымъ упрекомъ преступленья
Предъ нимъ вставалъ во тьмѣ ночной.
Все тотъ же приговоръ суровый,
Казалось, съ устъ Его звучалъ,
И на челѣ вѣнецъ терновый,
Вѣнецъ страданія лежалъ!

С. Я. Надсонъ.

176. Вознесеніе Господне.

I.

Не въ колесницѣ Иліи,
Не съ грознымъ жезломъ Моисея
И не гремя и пламенѣя
По искрометному пути,
Вознесся въ горнюю обитель
Вѣнчанный терніемъ Учитель
Смиренья, кротости, любви.
Вечерней звѣздочкой свѣтился
Священный образъ въ небесахъ,
Зане Онъ въ дальній міръ явился
Не съ грознымъ знаменемъ въ рукахъ,
Не для войны и не для мщенья
Въ дыму, во пламени, въ крови,
Но для страданья и терпѣнья,
Для всепобѣднаго смиренья
И всеобъемлющей любви.

II.

До самой вершины Масличной горы
Дошелъ Іисусъ, съ Нимъ апостолы всѣ...
Тамъ легкое вѣянье свѣжаго вѣтра
Едва разсвѣтавшаго тихаго утра
Какъ-бы освѣжило всѣхъ смертныхъ счастливцевъ.
Стоялъ между ними Сынъ Вѣчнаго Бога..,
Прекрасенъ и страшенъ для взоровъ Онъ былъ!
Еще никогда не видали Мессію
Въ томъ видѣ великомъ Апостолы всѣ,
Ни Ангелы, бывшіе въ мірѣ земномъ,
Стоялъ Онъ, Божественный, въ дивномъ величьѣ,
Котораго выразить нѣтъ выраженья
Ни звукомъ, ни словомъ, ни думой небесной;
Такъ полонъ Божественной прелести былъ Онъ...

На горной вершинѣ стоялъ Искупитель.
Кругомъ Его были избранники Божьи,
А также незримые взорами смертныхъ
Воскресшія души и Ангелы неба.
Къ Апостоламъ руки простеръ Онъ, сказавъ:
— Пока не свершится Отца обѣщанье,
Имъ данное Мнѣ по Моемъ воскресеніи,
Вы всѣ не оставьте Іерусалима;
Немного пройдетъ еще дней и свершится
Отцомъ обѣщаніе, данное Мнѣ.
Предтеча великій водою крестилъ, —
Вы Духомъ Святымъ всѣ креститься должны!
Одинъ изъ апостоловъ тихо спросилъ:
— И въ эти-то дни, о, скажи намъ, Мессія,
Ты вновь возстановишь Израиля царство?
— Часъ власти Отца не доступенъ для смертныхъ,
И всѣ вы не можете знать того часа,
Получите силу вы Духа Святого,
Духъ Божій сойдетъ на васъ съ выси небесной,
Мои вы свидѣтели будете
И въ Іерусалимѣ, и здѣсь, въ Іудеѣ,
Въ Самаріи, также во всѣхъ концахъ міра.
Онъ къ нимъ подошелъ и ихъ всѣхъ осѣнилъ:
— О, да сохранитъ васъ Господь Вседержитель
И пусть просвѣтитъ васъ Своей благодатью,
Пусть взоръ обратитъ на васъ Самъ Милосердный,
И миръ ниспошлетъ Онъ душамъ вашимъ вѣчный!..
Такъ все совершилъ на землѣ Искупитель.
И облако свѣтлое свыше спустилось,
И къ небу Спаситель на немъ поднялся!
Свидѣтели долго смотрѣли потомъ,
Слѣдя за Распятымъ, Воскресшимъ изъ мертвыхъ,
Ихъ всѣхъ осѣнила душевная радость.
И мы испытаемъ то свѣтлое чувство,
Когда Онъ на облакѣ спустится съ неба
И явится къ намъ, какъ Судья всего міра.
Ихъ взорамъ не видно ужъ больше Мессіи.
Вдругъ въ бѣлыхъ одеждахъ къ нимъ двое явилось

То были прекрасный Залемъ и Элоа,
Одинъ Серафимъ былъ съ блестящимъ лицомъ,
Держалъ онъ въ рукѣ своей жезлъ золотой;
Онъ имъ говоритъ, но они едва слышатъ,
Такъ силенъ восторгъ былъ Апостоловъ Божьихъ.
— О, вы, Галилейцы, кого вы здѣсь ждете?
Что смотрите пристально такъ въ небеса?
Вознесшійся къ небу при васъ Іисусъ
Опять будетъ съ вами: Онъ такъ-же сойдетъ
На облакѣ свѣтломъ съ небесныхъ высотъ!
Сказавъ это, оба опять они скрылись.
Апостолы сходятъ съ горы Елеонской,
Творцу возсылая свою благодарность,
И къ Іерусалиму поспѣшно уходятъ!
Вездѣ они вмѣстѣ молитву творятъ,
И въ хижинахъ бѣдныхъ, и въ храмѣ Господнемъ,
И ждутъ исполненья обѣта Отца,
Пока сила Вышняго къ нимъ не сойдетъ,
Во славу и честь Искупителя міра,
Пока не очищены будутъ огнемъ
И силой Божественной Духа Святаго.

С. Клопштокъ.

177. Лепта вдовицы.

Учениками окруженный
У входа въ храмъ стоялъ Христосъ...
Туда народъ, душою сокрушенный,
Что могъ, въ сокровищницу несъ...

И съ теплой вѣрой въ благость Бога
Кругомъ—въ сокровищницу ту—
Иные клали очень много,
А тѣ посильную лепту.

Но вотъ съ молитвою за ними
Вдовица тихо подошла

И двѣ лепты, для всѣхъ незримо,
На дѣло Божье отдала.

И говорилъ Христосъ, и силой
Дышали Божіи слова:
—Всѣхъ больше нынѣ положила,
Вотъ, эта бѣдная вдова!

Лепта богатыхъ, безъ сомнѣнья,
Для нихъ излишнею была,
Она-же, съ вѣрой во спасенье,
Все, что имѣла, отдала!

В. В. Богословскій.

178.

Исчезли волны фиміама,
Во храмѣ кончился обрядъ,
И, вотъ, въ сокровищницу храма,
Въ казну его, посильный вкладъ
Спѣшитъ внести и старъ и младъ
Съ вельможами и богачами—
Простой рабочій наравнѣ.
Христосъ, сидѣвшій въ сторонѣ,
Слѣдилъ задумчиво очами
За ихъ толпою, окруженъ
Учениками.
Видѣлъ Онъ
Сіявшія довольствомъ лица
И блѣдность грустнаго чела
Но, вотъ, Онъ видитъ: подошла
Съ другими бѣдная вдовица;
Двѣ лепты тихо опустивъ
И робко голову склонивъ,
Какъ-бы стыдяся подаянья,
Она поспѣшно отошла.
И Онъ сказалъ: —Она дала

Всѣхъ болѣе: все пропитанье
Свое на добрыя дѣла.
Тѣ, не страшась себѣ убытка,
Кичатся щедростью предъ ней:
Они давали отъ избытка,
Она—отъ скудости своей.

О. Чюмина.

179. Тайная вечеря.

I.

Уже провидя вѣщимъ окомъ
Неотразимый Свой удѣлъ,
На Тайной вечери сидѣлъ
Христосъ въ спокойствіи глубокомъ,
Учениками окруженъ.
И между ними былъ и онъ,
Тотъ коршунъ въ стаѣ голубиной,
Что рядомъ съ жертвою невинной
Возлегъ за трапезой ночной
И съ той же вѣрой нерушимой,
И съ той же кротостью святой,
Глубокой скорбію томимый,
Смотрѣлъ Спаситель на Того,
Кѣмъ чаша горькая Его
Была по край налита кровью,—
И пилъ изъ кубка одного,
И хлѣбъ Свой съ нимъ дѣлилъ съ любовью.
И только жалостью одной
Къ судьбѣ предателя ужасной
Былъ полонъ голосъ неземной
И взоръ божественно-прекрасный,
Когда, въ послѣдній разъ склоня
Чело надъ чашею святою,
Онъ рекъ съ глубокою тоскою
—Одинъ изъ васъ предастъ Меня!

II.

Спускались тѣни съ небосклона,
Вечерній сумракъ наступалъ,
Когда Христосъ въ стѣнахъ Сіона
Съ учениками возлежалъ.
И говорилъ Онъ имъ съ тоскою:
— Еще Сіонъ не встрѣтитъ дня,
Когда грѣховною рукою
Одинъ изъ васъ предастъ Меня!
И всѣ исполнились печали,
Внимая Божескимъ рѣчамъ,
И безпокойно вопрошали:
— Не я-ли Господи предамъ?
Отвѣтилъ Онъ съ тоской во взорѣ:
— Сынъ Человѣческій идетъ,
Онъ преданъ будетъ, но—о, горе,
Тому, кто Сына предаетъ.
Тогда Іуда и предатель
Спросилъ Его: — Не я-ль предамъ?
И отвѣчалъ ему Создатель:
— Ты говоришь объ этомъ самъ!

И. К. П.

180. Моленіе о чашѣ.

I.

Въ саду Геѳсиманскомъ стоялъ Онъ одинъ.
Предсмертною мукой томимый.
Отцу Всеблагому въ тоскѣ нетерпимой
Молился страдающій Сынъ.
— Когда-то возможно,
Пусть, Отче, минуетъ Мя чаша сія,
Однако да сбудется воля Твоя... —

И шелъ Онъ къ апостоламъ съ думой тревожной,
Но, скованы тяжкою драмой,
Апостолы спали подъ тѣнью оливы,
И тихо сказалъ Онъ имъ: — Какъ не могли вы
Единаго часа побдѣти со Мной?
Молитесь! Плоть немощна ваша!.. —
И шелъ Онъ молиться опять.
— Но, если не можетъ Меня миновать —
Не пить, чтобъ ея — эта чаша,
Пусть будетъ, какъ хочешь Ты, Отче! И вновь
Объялъ Его ужасъ смертельный,
И потъ Его падалъ на землю, какъ кровь,
И ждалъ Онъ въ тоскѣ безпредѣльной.
И снова къ апостоламъ Онъ подходилъ.
Но спали апостолы сномъ непробуднымъ,
И тѣ-же слова Онъ Отцу говорилъ,
И палъ на лице, и скорбѣлъ, и тужилъ,
Смущаясь въ борені трудномъ!..
О, если-бъ я могъ
Въ саду Геѳсиманскомъ явиться съ мольбами
И видѣть слѣды отъ божественныхъ ногъ
И жгучими плакать слезами!
О, если-бъ я могъ
Упасть на холодный песокъ
И землю лобзать ту святую,
Гдѣ такъ одиноко страдала любовь,
Гдѣ потъ отъ лица Его падалъ, какъ кровь,
Гдѣ чашу Онъ ждалъ роковую!
О, если-бъ въ ту ночь кто-нибудь,
Въ ту страшную ночь искупленья,
Страдальцу въ изнывшую грудь
Влилъ слово одно утѣшенья!
Но было все тихо во мракѣ ночномъ,
И спали апостолы тягостнымъ сномъ,
Забывъ, что грозитъ имъ невзгода,
И въ садъ Геѳсиманскій съ дрекольемъ, мечемъ,
Влекомы Іудой, входили тайкомъ
Мятежные сонмы народа!

II.

Вечерній часъ уже насталъ.
Спустилась ночь, окутавъ мглою
Поля, луга. . . Лишь пролеталъ
Прохладный вѣтеръ надъ землею;
Несется вѣтеръ, слышитъ онъ,
Собой нарушилъ тишь ночную
Въ нѣмомъ саду Страдальца стонъ,
Печаль скрывавшій неземную.
Съ небесъ ниспосланный искусъ
Отсрочить, миновать желая,
Въ тотъ мигъ молился Іисусъ,
Колѣна въ горѣ преклоняя;
Въ отвѣтъ на скорбь святой души
Къ Нему нисшелъ посланникъ рая,
И былъ онъ съ Нимъ въ ночной тиши
Его къ страданьямъ укрѣпляя.

Апухтинъ.

181. Моленіе о чашѣ.

Сверкаетъ западъ озлащенный
Надъ Іудейскою землей,
И на окрестность вечеръ сонный
Съ прозрачною нисходитъ мглой.
Спокойно высясь надъ полями,
Закатомъ солнца освѣщенъ,
Стоитъ высокій Елеонъ
Съ благоуханными садами.
Вокругъ его живыхъ картинъ
Сіяютъ чудные узоры:
Здѣсь увѣнчалъ Іерусалимъ
Своими зданіями горы.
Вдали Гевалъ и Гаризимъ,
Съ востока воды Іордана
Съ пейзажемъ дремлющихъ долинъ,

Рисуются въ волнахъ низмана.
И моря Мертваго краса
Сквозь сонъ глядитъ на небеса.
А тамъ, на западѣ, далеко,
Лазурныхъ Средиземныхъ волнъ
Разливъ могучій огражденъ
Песчанымъ берегомъ широко. . .
Темнѣетъ. . : всюду тишина. . .
Вотъ ночи вспыхнули свѣтила —
И ярко полная луна
Садъ Геѳсиманскій озарила.
Въ травѣ подъ сѣнію оливъ
И померанцевъ неподвижныхъ,
Сыны Божественнаго слова
Спятъ три апостола всемірныхъ,
И сонъ ихъ сладокъ и глубокъ.
Но тяжело спалъ міръ суровый:
Вѣковъ наслѣдственный порокъ
Его замкнулъ въ свои оковы;
Проклятье праотца на немъ
Пятномъ безславія лежало
И съ каждымъ вѣкомъ, новымъ зломъ
Его, какъ язва, поражало. . .
Но часъ свободы наступалъ —
И, чуждый общему позору,
Посланникъ Бога, въ эту пору,
Судьбу всемірную рѣшалъ;
За слово истины высокой
Голгофскій крестъ предвидѣлъ Онъ
И, чувствомъ скорби возмущенъ,
Отцу молился одиноко:
„Ты знаешь, Отче, скорбь Мою
И видишь, какъ Твой Сынъ страдаетъ, —
О, подкрѣпи Меня, молю,
Моя душа изнемогаетъ!
День казни близокъ: онъ придетъ,
На жертву отданный народу
Твой Сынъ безропотно умретъ,

Умретъ за общую свободу...
Проклятьемъ черни пораженъ,
Измученный и обнаженный,
Передъ толпой поникнетъ Онъ
Своей главой окровавленной,
И тѣ, которымъ со креста,
Пошлетъ Онъ даръ благословенья,
Поднимутъ руку на Христа...
О, да минуетъ чаша эта,
Мой Отче, Сына Твоего!
Мнѣ горько видѣть злобу свѣта
За искупленіе его!
Но не Моя да будетъ воля,
Да будетъ такъ, какъ хочешь Ты!
Тобой назначенная доля
Есть дѣло всякой правоты.
И если Твоему народу
Позоръ Мой благо принесетъ,—
Пускай за общую свободу
Сынъ Человѣческій умретъ!"
Молитву кончивъ, скорби полный,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ,
И увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ: „встаньте, часъ пришелъ,
Оставьте сонъ свой и молитесь,
Чтобъ въ искушенье вамъ не впасть,
Тогда вы въ вѣрѣ укрѣпитесь
И съ вѣрой встрѣтите напасть!"
Сказалъ,—и тихо удалился
Туда, гдѣ прежде плакалъ Онъ,
И той же скорбью возмущенъ,
На землю палъ Онъ и молился:
„Ты, Отче, въ міръ Меня послалъ,
Но Сына міръ Твой не пріемлетъ:
Ему любовь Я завѣщалъ,
Моимъ глаголамъ онъ не внемлетъ;
Я былъ врачемъ его больнымъ,
Я за враговъ Моихъ молился,

И надо Мной Іерусалимъ,
Какъ надъ обманщикомъ глумился.
Народу миръ Я завѣщалъ,—
Народъ судомъ Мнѣ угрожаетъ,
Я въ мірѣ мертвыхъ воскрешалъ,—
И міръ Мнѣ крестъ приготовляетъ!..
О, если можно, отъ Меня,
Да мимо идетъ чаша эта!
Ты —Богъ любви, начало свѣта,
И все возможно для Тебя!
Но если кровь нужна святая,
Чтобъ землю съ Небомъ примирить,—
Твой вѣчный судъ благословляя,
На крестъ готовъ Я восходить!
И взоръ, въ тоскѣ невыразимой,
Съ небесъ на землю Онъ низвелъ
И снова, скорбію томимый,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ.
Но ихъ смежавшіяся очи
Невольный сонъ отягощалъ;
Великой тайны этой ночи
Ихъ бѣдный умъ не постигалъ.
И сталъ Онъ, молча, полный муки,
Чело высокое склонилъ
И на груди святыя руки
Въ изнеможеніи сложилъ.
Что думалъ Онъ въ минуты эти,
Какъ человѣкъ и Божій Сынъ,
Подъявшій грѣхъ тысячелѣтій,—
То зналъ Отецъ Его одинъ,
Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
Въ Его груди была тогда.
И люди вѣрно-бъ не поняли,
Весь грѣшный міръ нашъ не постигъ
Тѣхъ слезъ которыя сіяли,
Въ очахъ Спасителя въ тотъ мигъ.

И вотъ опять Онъ удалился
Подъ сѣнь смоковницъ и оливъ,
И тамъ, колѣна преклонивъ;
Опять Онъ плакалъ и молился:
„О, Боже мой! Мнѣ тяжело!

. . . . . .

Все человѣческое зло
На Мнѣ единомъ тяготѣетъ,
Позоръ людской—позоръ вѣковъ;
Все на себя Я принимаю,
Но Самъ, подъ тяжестью оковъ,
Какъ человѣкъ, изнемогаю...
О, не оставь Меня въ борьбѣ
Съ моею плотію земною,
Тогда да будетъ надо Мною
И все угодное Тебѣ.
Молюсь, да снидетъ на Меня
Святая сила подкрѣпленья,
Да совершу съ любовью Я
Великій подвигъ примиренья!“
И руки къ небу Онъ подъялъ,
И весь въ молитву превратился,
Огонь лицо Его сжигалъ,
Кровавый потъ по Немъ струился.
И вдругъ съ безоблачныхъ небесъ,
Лучами свѣта окруженный,
Явился въ садъ уединенный
Глашатай Божіихъ чудесъ.
Былъ чуденъ взоръ его прекрасный,
И безмятежно, и свѣтло
Одушевлено чело,
И ликъ сіялъ, какъ полдень ясный:
И близъ Спасителя онъ сталъ
И рѣчью свыше вдохновенной
Освободителя вселенной
На славный подвигъ укрѣплялъ;
И самъ, подобный легкой тѣни,

Но полный благодатныхъ силъ,
Свои воздушныя колѣни
Съ молитвой пламенной склонилъ.
Вокругъ молчало все глубоко;
Была на небѣ тишина,
Лишь въ царствѣ мрака одиноко
Страдалъ безплодно сатана.
Онъ зналъ, что въ мірѣ колебался
Его владычества кумиръ,
И что безславно падшій міръ
Къ свободѣ новой приближался.
Виновникъ зла, онъ понималъ,
Кто былъ Мессія воплощенный,
О чемъ Онъ Бога умолялъ,
И, страшной мукой подавленный,
Духъ гордый молча изнывалъ,
Безсильной злобой сокрушенный...
Спокойно въ выси голубой
Свѣтилъ блистали миріады
И полонъ сладостной прохлады
Былъ чистый воздухъ. Надъ землей
Поднявшись тихо, небожитель
Летѣлъ къ надзвѣзднымъ высотамъ,—
Межъ тѣмъ всемірный Искупитель
Опять пришелъ къ ученикамъ
И въ это чудное мгновенье
Какъ былъ Онъ истинно великъ,
Какимъ огнемъ одушевленья
Горѣлъ Его прекрасный ликъ!
Какъ ярко отражали очи
Всю волю твердую Его,
Какъ радостно свѣтила ночи
Съ высотъ глядѣли на Него!
Ученики, какъ прежде, спали.
И вновь Спаситель имъ сказалъ:
„Вставайте, близокъ день печали,
И часъ предательства насталъ“...
И звукъ мечей остроконечныхъ

Садъ Геѳсиманскій пробудилъ,
И отблескъ факеловъ зловѣщихъ
Лицо Іуды освѣтилъ.

Никишинъ.

182. Три волхва.

Три мудреца изъ дальнихъ странъ Востока
Шли въ Виѳлеемъ: Гаспаръ и Мельхіоръ
И Валтасаръ; ихъ путь лежалъ далеко
И ко звѣздѣ, что въ небесахъ высоко
Сіяла имъ — прикованъ былъ ихъ взоръ.
И та звѣзда казалась такъ прекрасна,
Среди небесъ таинственно горя,
Что путникамъ тутъ сдѣлалося ясно:
Пророчества вѣщали не напрасно, и близокъ часъ рожденія Царя;

Три ларчика везли они съ собою
Изъ золота и съ золотымъ ключемъ,
Пурпурный шелкъ ихъ одѣвалъ волною,
Подъ бѣлою повязкой головною
Ихъ взоръ горѣлъ восторженнымъ огнемъ.
„Гдѣ юный Царь и съ Матерью своею?“
Такъ вопрошали старцы у людей:
„Его звѣзду увидѣвъ, мы за нею послѣдовать спѣшили въ Іудею

Дабы узрѣть Царя изъ всѣхъ царей“.
„Не вѣдаемъ доселѣ мы такого“, по всей землѣ звучало имъ въ отвѣтъ:

Здѣсь Иродъ царь и нѣтъ царя иного!“
И мудрецы впередъ спѣшили снова, и молча тѣ глядѣли имъ во слѣдъ.

Но Иродъ самъ, о нихъ оповѣщенный,
Тутъ повелѣлъ волхвовъ къ себѣ привесть
И молвилъ имъ съ тревогой затаенной:
„Идите въ градъ, гдѣ Царь новорожденный,

И мнѣ о Немъ вы принесите вѣсть".
Въ обычный путь они ночной порою
Пустилися, и скоро имъ пришлось
Остановиться вмѣстѣ со звѣздою
Тамъ, гдѣ лежалъ, окутанъ легкой мглою,
Тотъ Виѳлеемъ, гдѣ родился Христосъ.
Пройдя врата, пройдя рядъ улицъ длинный,
Гдѣ имъ никто не встрѣтился, они
Вошли во дворъ гостинницы старинной;
Тамъ было все безмолвно и пустынно,
И лишь въ хлѣвѣ свѣтилися огни...
И въ ясляхъ тамъ лежалъ подъ сѣнью крова
убогаго, въ величіи Своемъ,

Христосъ-Дитя, принесшій людямъ снова
Прощенье; Онъ, что Царства не земного —
Небеснаго явился къ намъ Царемъ!
Младенца ликъ съ любовью созерцая,
И Дѣва тутъ сидѣла Пресвятая. Надъ Господомъ
склонилася Она,

Въ душѣ то скорбь, то радость ощущая и тайнаго
предчувствія полна...

И пали ницъ волхвы въ благоговѣньи...
Ихъ ладанъ въ даръ назначенъ былъ Христу,
Ихъ золото—Царю для приношенья, а смирна ихъ —
Ему на погребенье,

Кто обреченъ идти былъ ко Кресту.

О. Чюмина.

183. Бѣгство въ Египетъ.

Затмитесь, звѣзды Палестины!
Затихни сладкій шумъ ручьевъ!
Не пробуждайтеся, долины,
Вечерней пѣснью соловьевъ,
Ни горныхъ горлицъ воркованьемъ!

Одѣнься въ тяжкую печаль,
О, даръ Іеговы, Палестина!
Какая Мать какого Сына
Несетъ съ собой въ чужую даль?!
А вы, небесныя свѣтила,
Вы—звѣзды, солнце и луна,
Спѣшите всѣ къ разливамъ Нила
Къ его брегамъ спѣшитъ Она!..
И видѣли—по утреннимъ зарямъ,
Когда роса сребрилась по долинамъ,
И вѣтерки качали вѣтви пальмъ,
Шли путники дорогою въ Египетъ;
Былъ старецъ сѣдъ, но бодръ и величавъ,
Въ одной рукѣ держалъ онъ жезлъ высокій,
Въ другой, сжимая поводъ, велъ осла,
И на ослѣ сидѣла, какъ царица,
Младая Мать, съ своимъ Младенцемъ чуднымъ,
Которому подобнаго земля
Ни до Него, ни послѣ не видала!..
И матери подобной не видали!
Какой покой въ лицѣ ея свѣтился!
Казалось всѣ Ея свершились думы,
И лучшія надежды ужъ сбылись,
И ничего Ей болѣе не надо!
Всѣ радости и неба, и земли,
Богатства всѣ, все счасте міровое
Лежали тутъ, въ колѣняхъ, передъ Ней,
Сліянныя въ одномъ Ея Младенцѣ,
Который Самъ—прекрасенъ такъ и тихъ—
Подъ легкою свѣтлѣлся пеленою,
Какъ звѣздочка свѣтлѣетъ и горитъ
Подъ серебромъ кристальнаго потока...
Въ одежды алыя Жена одѣта,
Скроенныя, какъ-будто изъ зари,
И голубой покровъ—отрѣзокъ неба—
Вился кругомъ головы Ея прекрасной.

Ѳ. Глинка.

184. Іоаннъ Креститель въ пустынѣ.

И было то, было въ Виѳаварѣ —
Креститель подъ пальмой стоялъ,
И желтый потокъ Іордана
Кипѣлъ и шумѣлъ, и сіялъ.
Собралося много народу:
И отрокъ, и старецъ сѣдой
Стремились, желая спасенья,
Живою креститься водой.
Изъ дальнихъ пустынь на верблюдѣ,
Изъ ближнихъ на статномъ конѣ
И рабъ, и свободные люди
Спѣшатъ къ Іорданской волнѣ.
Поспѣшно снимая одежды,
Всякъ сердце хотѣлъ обнажать,
А голосъ Крестителя громко
Сердцамъ возвѣщалъ благодать.
Какъ многое тутъ пробудилось!
Всѣ тайны раскрылись сердецъ.
То мытарь блѣднѣлъ и молился,
То въ латахъ смирялся боецъ.
И слезы текли по ланитамъ,
И вздохи кипѣли въ устахъ,
И всѣ торопились омыться
Въ святыхъ іорданскихъ волнахъ.
Но вдругъ вдохновенный Креститель
Вскричалъ громогласно при всѣхъ:
Глядите! Се, Агнецъ Господень,
Отъ міра взимающій грѣхъ!
И взоры всѣхъ ищутъ кого-то,
Какъ-будто видѣніе сновъ;
Глядятъ, вопрошаютъ съ заботой:
Гдѣ-жъ дивный взыскатель грѣховъ?
И вспыхнули разныя чувства
На лицахъ людей и въ очахъ:

То вѣра боролась съ невѣрьемъ,
То съ робкой надеждою страхъ,
Пытливость лукаво глядѣла,
И кротость смиренно ждала,
Что скажетъ Невѣдомый Путникъ,
Какія проявитъ дѣла?
Отъ Путника вѣяло жизнью,
Зане Онъ — и Жизнь и Любовь,
И будетъ такъ вѣять—доколѣ
Сіяетъ лампада міровъ.

Ѳ. Глинка.

185. Христосъ и Самарянка.

У колодца сидѣлъ, отдыхая, Христосъ;
Онъ почувствовалъ жажды истому.
И рукою держа на плечахъ водоносъ,
Самарянка пришла къ водоему.

И напиться просилъ Человѣческій Сынъ.
Отвѣчала она въ изумленьи:
— У меня-ли Ты просишь воды, Господинъ?
Иль не вѣдаешь Ты: іудей не одинъ
Не входилъ еще съ нами въ общенье?

Іисусъ-же сказалъ самарянской женѣ:
— Если-бъ вѣдала, Кто предъ тобою —
За водой живой ты пришла-бы ко Мнѣ,
За иной животворной водою.
— Но ее, Господинъ, Ты достать-бы не могъ
При Себѣ не имѣя сосуда,

И вода далеко и колодезь глубокъ—
Какъ ее почерпнешь Ты оттуда?

Или больше Іакова Ты самого,
Этотъ ключъ завѣщавшаго чадамъ?

Въ оны дни отдыхалъ онъ и пилъ изъ него
Съ пастухами своими и стадомъ.

Отвѣчалъ ей Учитель: — Испившій струи
Этихъ водъ, безъ сомнѣнья, возжаждетъ,
Но отвѣдавши воду живую мою
Никогда этой жаждой не страждетъ.
Все грѣховное смоетъ живая волна,
Все съ собой унесетъ быстротечно:
Новой жизни источникомъ станетъ она,
Жизни вѣчной!

Ѳ. Глинка.

186. Отроковица.

И собрались къ Нему всѣ власти града вскорѣ,
И говоритъ Онъ имъ и всѣмъ ученикамъ
Съ святою кротостью, но съ пламенемъ во взорѣ:
— Аминь, аминь, глаголю вамъ:
Кто вѣруетъ съ зерно горчичное, тотъ самъ
Речетъ горѣ: „Возстань и кинься прямо въ море!“
И будетъ такъ!
Еще Онъ говорилъ,
Къ начальнику помѣстной синагоги
Приходитъ нѣкто, со словами:
„Ты
Не утруждай Учителя! Тревоги
Не возбуждай въ бесѣдѣ... Но... вѣдь — вотъ,
Дочь у тебя скончалась... У воротъ
Столпился ужъ испуганный народъ...
Ступай скорѣй домой!“
Но Іисусъ: — Постойте,
Во имя Божіе, въ вашъ домъ мнѣ дверь откройте ..
Не бойся, Іаиръ!.. Вѣрь: дочь твоя жива!..
Вошли, глядятъ...
Въ фіалкахъ голова,
Весь стройный станъ подъ пеленою бѣлой...

Безцѣнный плодъ любви, хотя и не поспѣлый...
Не опускалася еще до пятъ коса;
Не переглядывались съ ней ни полночь, ни денница,
Ни молнія, ни вешняя зарница,
И въ очи страстно ей не брызгала роса...
— Спитъ! — Онъ вѣщалъ... Кругомъ всѣ улыбнулись,
Шепча: „Не слыхано, чтобъ мертвые проснулись!“
Но надъ покойною простеръ тогда Онъ длань,
Взялъ за руку и рекъ:
— Отроковица, встань!..
И встала...
Съ ужасомъ народъ весь разбѣжался,
Крича: „Не слыхано, чтобъ мертвый просыпался“.

Л. Т.

187. Исцѣленіе бѣсноватаго.

Безумнымъ ужасомъ объятый,
Предсталъ нѣмой и бѣсноватый,
Ведомый близкими, предъ Тѣмъ,
Кто, одаренный силой дивной,
Врачуетъ тѣхъ, кто слѣпъ и нѣмъ,
Чей гласъ великій и призывный
Звуча надеждой для сердецъ,
Зоветъ разрозненныхъ овецъ,
Такъ долго пастыря лишенныхъ!

Разслабленныхъ, слѣпорожденныхъ
Къ Нему со всѣхъ концовъ земли
Для исцѣленія вели.
Въ селеніяхъ и на дорогахъ,
И въ городахъ, и въ синагогахъ
Онъ откровенія свои —
Завѣтъ евангельской любви
Вѣщалъ народу.
Въ страхѣ дикомъ
Безумный бился передъ Нимъ...

Со взоромъ яснымъ и благимъ
Склонился Онъ надъ страшнымъ ликомъ,—
И искаженныя черты
Подобьемъ прежней красоты
Мгновенно тутъ-же озарились,—
Уста сомкнутыя раскрылись,
И, прославляя Бога силъ,
Нѣмой предъ Нимъ заговорилъ...

И пораженные твердили
Въ толпѣ: — О чудо изъ чудесъ!
Лишь фарисеи возопили:
Благодаря бѣсовской силѣ,
Былъ Назареемъ изгнанъ бѣсъ!

О. Ч.

188. Слѣпорожденный.

То были времена чудесъ,
Сбывалися слова пророка:
Сходили ангелы съ небесъ;
Звѣзда катилась отъ востока;
Міръ искупленья ожидалъ —
И въ бѣдныхъ ясляхъ Виѳлеема,
Подъ пѣснь хвалебную Эдема,
Младенецъ дивный возсіялъ,
И загремѣлъ по Палестинѣ
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ...

. . . . . .

Пустыня... Знойные пески...
На сѣверъ — голыхъ скалъ уступы;
На югъ — излучины рѣки
И пальмъ развѣсистыя купы;
На западъ — моря полоса,
А на востокъ, за далью синей,
Слились съ пустыней небеса —
Другой безбрежною пустыней...

Кой-гдѣ, межъ скалъ, на днѣ долинъ,
Сѣрѣютъ въ лиственномъ навѣсѣ
Смоковницъ, миртовъ и маслинъ
Евреевъ пастырскія веси.
И зданья бѣдныхъ городовъ
Прилипли къ кручѣ обнаженной,
Какъ гнѣзда пыльныя орловъ. . .
Истомленъ воздухъ воспаленный;
Земля безтѣнна; тишина
Пески сыпучіе объемлетъ.
Природа будто-бы больна
И въ забытьи тяжеломъ дремлетъ,
И каждый образъ, и предметъ,
И каждый звукъ — какой-то бредъ.
Порой, далеко, точкой черной,
Газель, иль страусъ, иль верблюдъ
Мелькнутъ на мигъ и пропадутъ.
Порой, волна рѣки нагорной
Простонетъ въ чащѣ тростника,
Иль долетитъ издалека
Рыканье злой голодной львицы,
Иль рѣзкій клекотъ хищной птицы
Пронижетъ воздухъ съ вышины —
И снова все мертво и глухо. . .
Слабнетъ взоръ, тупѣетъ ухо
Отъ безпредметной тишины. . .
Зачѣмъ къ поморью Галилеи,
По лону жгучему песковъ,
Изъ горныхъ селъ и городовъ,
Толпами сходятся евреи?. .
Пастухъ, рыбакъ и селянинъ,
И рабъ, и мытарь, и раввинъ,
И мать съ младенцемъ, и вдовица,
И роза горъ — отроковица
И смолекудрая жена
Спѣшатъ пустынною дорогой —
Одѣтой ризою убогой. . .
Идетъ слѣпецъ съ толпой народа,

Усталый блѣдный и худой.
Изнеможенный нищетой.
Онъ — горемыка. Мать — природа
Ему злой мачихой была
И на страданье обрекла,
Безъ облегченья, безъ прощенья:
Онъ слѣпъ отъ самаго рожденья;
Ростя бездомнымъ сиротой,
Въ пыли, въ пескѣ степей дороги,
Иль у порога синагоги,
На знойныхъ плитахъ мостовой,
Онъ испыталъ, по волѣ Неба,
Всю горечь нищенскаго хлѣба,
Извѣдалъ, съ болью, какъ тяжка
Благодающая рука. . .
Не мало грубыхъ разговоровъ,
Намековъ, брани и укоровъ
Еще ребенкомъ вынесъ онъ. . .
— „Слѣпецъ! Евреи говорили:
Отецъ и мать Твои грѣшили
И ты въ грѣхахъ отъ нихъ рожденъ."
Въ грѣхахъ рожденъ! . . Слѣпыя очи
Покрыты мракомъ вѣчной ночи,—
И яркій день, и небеса,
И пышноцвѣтная краса
Земной полуденной природы —
Лѣса, пустыни, горы, воды,
И красота самихъ людей,
И отчій кровъ, и кругъ друзей,
Вниманье, ласки и участье,
Любовь и радости, и счастье:
Все—непонятныя слова
Для слѣпоты и сиротства.

Въ грѣхахъ рожденный, наслажденья
Искать и жаждать ты не смѣй:
Ты сынъ печали и скорбей,
Ты проклятъ въ самый день рожденья,

Въ утробѣ матери своей!
Онъ такъ и вѣрилъ... (неизбѣжно,
Съ пеленъ повѣрить долженъ былъ).
И тяжкій жребій безнадежно,
Но и безропотно сносилъ.

Теперь пустыню пробѣгаетъ
Онъ за толпою изнуренъ
И худъ, и блѣденъ и согбенъ.
Зачѣмъ идетъ—и самъ не знаетъ:
Пошла толпа, пошелъ и онъ...
Спросить несмѣлъ: на немъ измладу
Лежитъ молчанія искусъ;
Но слышалъ онъ, въ Тиверіаду
Приплылъ недавно Іисусъ
Изъ Назарета... поучаетъ
О Богѣ истинномъ народъ;
Бѣсовъ молитвой изгоняетъ,
Недужнымъ помощь подаетъ
И прокаженныхъ очищаетъ.
Затѣмъ-то на берегъ морской
Песками знойными нагорья
Евреи сходятся толпой.
Слѣпецъ любилъ холмы поморья...
Тамъ на поляхъ растетъ трава,
Свѣжѣй цвѣты благоухаютъ,
И надъ землею дерева
Наметъ тѣнистый разбиваютъ...
... Свои стада
Туда охотно пастырь гонитъ,
И, не смолкая никогда,
Тамъ море плещется и стонетъ...
Его тревожный, дикій стонъ
Слышнѣй, слышнѣе... по немногу
Песокъ мелѣетъ... Слава Богу,
Конецъ пути!.. и конченъ онъ...
Подъ сѣнью пальмоваго свода,
Въ траву, на мягкій одръ земли

Слѣпецъ и путники легли...
Какое множество народа!
Гулъ голосовъ —растетъ, растетъ,
И заглушаетъ постепенно
Однообразный говоръ водъ...
Но вдругъ все смолкнуло мгновенно,
И шумный берегъ онѣмѣлъ.

Узрѣвъ народъ, Учитель сѣлъ
На холмъ возвышенный средь поля;
По манію Его руки,
Къ Нему сошлись ученики,
И Онъ отверзъ уста, глаголя. .
Не передать словамъ людей
Его Божественныхъ рѣчей
Нѣма предъ ними рѣчь людская...
Но весь народъ, Ему внимая,
Позналъ и благъ земную нищету,
Позналъ и міра суету,
Позналъ и духа совершенство,
Позналъ, что истое блаженство
Себѣ наслѣдуетъ лишь тотъ,
Кто духомъ нищъ, кто слезы льетъ,
Кто правды алчетъ, правды жаждетъ,
Кто кротокъ былъ и не злобивъ,
Кто сердцемъ чистъ, миролюбивъ,
Кто отъ людей невинно страждетъ,
Кого поносятъ въ клеветахъ
И злобнымъ словомъ оскорбляютъ,
Кого за правду изгоняютъ.
— Имъ будетъ мзда на небесахъ!
Гонимы были и пророки...
Людскую злобу и пороки
Онъ кроткимъ словомъ обличалъ
И къ покаянью призывалъ:
Зане созрѣло смерти сѣмя
И настаетъ и близко время,
Когда воскреснетъ бренный прахъ,—

Когда всѣ сущіе въ гробахъ,
Гласъ Сына Божія изъ тлѣна
Услыщавъ, снова оживутъ
Иль въ жизнь нетлѣнную, иль въ судъ...
Тогда восплачутъ всѣ колѣна,
Женой рожденныя, тогда
Померкнетъ солнце; мглой одѣта
Луна не дастъ ночного свѣта,
И за звѣздой спадетъ звѣзда,
И силы неба содрогнутся,
И съ трубнымъ звукомъ понесутся
По небу ангелы—сзывать
Всѣхъ Сыномъ Божіимъ избранныхъ...

Онъ поучалъ—не избирать
Путей широкихъ, вратъ пространныхъ,
Вводящихъ въ пагубу,—входить
Въ сѣнь жизни узкими вратами
И трудно-тѣсными путями.
Не осуждать, благотворить,
Радѣть о скорбныхъ, неимущихъ,
Благословлять враговъ клянущихъ
И ненавидящихъ любить.

Умолкъ Божественный Учитель...
И вотъ, снѣдаемый стыдомъ,
Раввинъ, законовъ охранитель,
Поникъ зардѣвшимся челомъ;
Смутился книжникъ; фарисеи
Повоевъ сдѣлались бѣлѣе,
И жадный мытарь волоса
Рветъ на себѣ и не дерзая
Поднять свой взоръ на небеса,
Рыдаетъ грѣшница младая.

Что чувствовалъ слѣпецъ,—въ словахъ
Не можетъ быть изобразимо...
Когда же шелъ Учитель мимо,

Слѣпецъ упалъ предъ Нимъ во прахъ,
И вдохновенный высшей силой,
Воскликнулъ съ вѣрою: „Равви,
Спаси страдальца и помилуй,
Въ имя Бога и любви!"

Безумецъ: Слыхано-ль отъ вѣка,
Чтобъ кто слѣпого человѣка
Могъ исцѣлить отъ слѣпоты?
Но вѣра малыхъ—ихъ Спаситель...
И подошелъ къ нему Учитель...
И непорочные персты,
Во имя Господа живаго,
Въ очахъ безжизненныхъ слѣпого
Свѣтильникъ зрѣнія зажгли,—
И онъ, какъ первый сынъ земли,
Исполненъ радости и страха,
Возсталъ изъ тлѣнія и праха,
Съ печатью свѣта на челѣ;
И поелику вѣрилъ много—
Узрѣлъ въ предвѣчной славѣ Бога
И въ небесахъ... и на землѣ.

Л. Мей.

189. Богатырь.

Гдѣ-то нѣкогда вѣками
Спалъ могучій богатырь,
Обнявъ мощными руками
Край морей и степи ширь.

Четверо предъ нимъ стояли
И одинъ сказалъ: „введемъ
Новый строй въ степныя дали—
Встанетъ спящій мертвымъ сномъ".

И въ хаосѣ дѣлъ порядокъ
Устанавливать онъ сталъ.
Богатырскій сонъ былъ сладокъ
И какъ прежде витязь спалъ.

А другой промолвилъ въ спорѣ:
„Больше золота! Металъ
Зазвенитъ, онъ встанетъ вскорѣ!“
Принесли... онъ все же спалъ.

Третій молвилъ съ пылкимъ жаромъ:
„Отъ удара бы онъ всталъ!“
Повернувшись подъ ударомъ,
Богатырь, какъ прежде, спалъ.

А четвертый былъ въ сермягѣ,
Въ лаптяхъ съ радостнымъ челомъ
И сказалъ онъ, полнъ отваги:
„Братья! я спою псаломъ!“

Съ тихой прелестью новизны
Онъ запѣлъ, мольбу тая,
О бѣгущей вѣчно жизни
И о тайнахъ бытія.

Пѣлъ онъ о любви прекрасной,
Что вступила въ бой со зломъ,
Но изранена ужасно
И упала подъ мечомъ.

Пѣлъ онъ: „міръ не для покоя,
Но для вѣчныхъ дѣлъ любви;
Встань для подвиговъ героя,
Встань, проснися, оживи!“

И о, чудо! міръ дивится:
Тотъ, кто спалъ такъ много лѣтъ
Вотъ встаетъ и въ бой стремится
За любовь, добро и свѣтъ.

Октябрь 1904 г.
СПБ.

190. Торжественный входъ Господа въ Іерусалимъ.

Забрезжился востокъ сіяніемъ багровымъ,
И за долиною, окутанной туманомъ,
Открылися: стѣна, ворота, башенъ рядъ.
То Іерусалимъ виднѣлся. Ароматъ
Проснувшихся цвѣтовъ и вѣтерка дыханье,
И солнечныхъ лучей привѣтное сіянье
Сливались съ звуками поющихъ голосовъ,
И блескомъ залита была вся даль луговъ.
Тутъ молвили мужи:—Оставьте трудъ суровый!
И жены, полные кувшины опустивъ,
Повиновались имъ. Въ душѣ какой-то новой
И свѣтлой радости почувствовавъ приливъ,
Они запѣли всѣ, а въ рощахъ птичекъ стая
Кружилась, пѣснью ихъ волшебной оглашая.
Но вдругъ замолкло все. Предчувсвіемъ полны,
Глядѣли женщины какимъ-то влажнымъ взоромъ
Въ сіяющую даль. За мрачнымъ косогоромъ,
Среди молчанія и полной тишины,
Другіе голоса звучали дивныхъ хоромъ.
Небесной пѣснію казался ихъ напѣвъ,
Проникшій сладостно въ сердца невинныхъ дѣвъ.
„Ликуйте! Тотъ, Кого вы ждете и о Комъ
Тоскуете—Его съ собою мы ведемъ,
Онъ—избавитель душъ и свѣтъ неизрѣченный.
Мы слѣдуемъ за Нимъ и въ этотъ день священный
Къ народу вѣрному приводимъ мы Царя,
Надъ Чьей главой звѣзда затеплилась, горя.

Въ Его коронѣ всѣ соединились царства,
Онъ властенъ покарать и грѣхъ нашъ, и коварство,
Но Онъ прощаетъ намъ и ждетъ любви одной.
Онъ съ миромъ къ намъ идетъ и съ радостью
святой;

Утѣшитъ горести Рахили Онъ и Сарры,
И скипетра Его могучіе удары
Разрушатъ древній адъ и змія сокрушатъ.
Отраднѣй, чѣмъ цвѣтовъ душистыхъ ароматъ,
Намъ имя Господа, и надъ Его главою
Немолчной небеса наполнены хвалою.
Онъ—болѣе чѣмъ царь. Онъ—побѣдитель зла.
Онъ—свѣтъ, Онъ—истина, Онъ полонъ благодати;
Осанна же Ему! Хвала Ему, хвала!"
Замолкло пѣніе, и тутъ узрѣть могла
Толпа, какъ ѣхалъ Онъ, сидящій на осляти.
Раздвоились власы вокругъ Его чела,
Былъ ясенъ взоръ очей благихъ и просвѣтленныхъ,
И дѣти шли предъ Нимъ съ пучкомъ вѣтвей
зеленыхъ,

И были женщины цвѣтами убраны.
Народа тысячи глядѣли со стѣны
И кровель городскихъ, бѣжали предъ толпою
И матери съ дѣтьми грудными на рукахъ:
Ихъ поднимали вверхъ съ молитвой на устахъ...
Казалось, тайною Онъ полонъ былъ святою,
И многіе предъ Нимъ одежды разстилали,
И старцы вслѣдъ Ему: „Осанна!" восклицали.
„Благословенъ грядый!" звучало надъ толпой,—
„Вотъ Онъ принесшій намъ съ Собою искупленье!"
А Онъ задумчиво глядѣлъ на ихъ стеченье,
На вѣтви надъ Главой священною Его,
На яркій солнца свѣтъ, на блескъ и торжество,
На эти передъ Нимъ простертыя одежды,
На лица полныя восторга и надежды,
На всѣхъ, Учителя пришедшихъ лицезрѣть,
И Онъ скааалъ Себѣ: „Я долженъ умереть!"

191. Проповѣдь Предтечи и проповѣдь Христа.

Среди песковъ пустыни Іордана,
Гдѣ высятся ряды угрюмыхъ скалъ,
Гдѣ бродятъ волкъ голодный и шакалъ,
Звучала рѣчь святая Іоанна,
Какъ къ покаянію народному призывъ.
Толпа людей, какъ волнъ морскихъ приливъ,
Стекалися къ убѣжищу Предтечи
И слушали пророческія рѣчи
Отшельника. Постами изможденъ,
Питаяся акридами и медомъ
И власяницею суровой облеченъ,
Святой пророкъ явился предъ народомъ
И въ пламенныхъ, бичующихъ словахъ
Училъ его и обличалъ въ грѣхахъ.
Когда-жъ избралъ, какъ символъ очищенья,
Въ водахъ рѣки крещенье—
Увѣровавъ въ ученіе его,
Шли многіе креститься у него.
Онъ возвѣщалъ пришествіе Того,
Кому ремень отъ обуви Его
Онъ развязать во прахѣ недостоинъ.
Онъ говорилъ собравшимся о Томъ,
Кто сотворитъ крещеніе огнемъ
И Духомъ Пресвятымъ, о Томъ—Непогрѣшимомъ
Кто въ житницу пшеницу соберетъ
Лопатою, солому-же сожжетъ
Онъ на огнѣ Своемъ неугасимомъ.

О. Чюмина.

192.

Христосъ ходилъ по Галилеѣ
И поучалъ ея народъ
Святой евангельской идеѣ —

Любить другъ друга въ родъ и родъ.
И слухъ о милостяхъ богатыхъ
Его повсюду пробѣжалъ,
И приводили бѣсноватыхъ
Къ Нему и Онъ ихъ исцѣлялъ!
И люди ближней Іудеи,
Десятиградія земли,
Отъ Іордана, Галилеи —
За Нимъ толпой несмѣтной шли.

В. В. Богословскій.

193. Іисусъ у Мареы и Маріи.

Склонялся медленно къ закату лѣтній день,
Когда зашелъ Христосъ въ знакомое селенье,
И въ домѣ Мареиномъ присѣлъ онъ на ступень;
Маслины и кусты отбрасывали тѣнь,
Въ вечернемъ воздухѣ стихало пташекъ пѣнье,
И Онъ заговорилъ, — и полонъ вдохновенья
Былъ взоръ Учителя и смыслъ Его рѣчей.
Марія, не сводя восторженныхъ очей
Съ лица Спасителя, у ногъ Его сидѣла,
И вѣрой пламенной, любовью безъ предѣла
Пылала въ ней душа, и открывался ей
Иной, нездѣшній міръ, великій и безбрежный, —
Проникновенный взоръ, благій и безмятежный,
О свѣтѣ говорилъ божественной любви.
А Мареа, хлопоча, межъ тѣмъ, объ угощеньѣ,
Приблизившися къ нимъ, сказала въ нетерпѣньѣ:
— Пошли сестру мою на помощь мнѣ, Равви! —
Но молвилъ Іисусъ: — Печешься ты о многомъ
О! Мареа! Чуждая заботамъ и тревогамъ,
Марія избрала благую часть: у ней
Та не отнимется и благо будетъ ей!

О. Чюмина.

194. Грѣшница.

„И говорятъ Ему: „Она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья,
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья;
Скажи намъ мнѣніе Свое!“
И на лукавое воззванье,
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто — грустенъ и унылъ —
Перстомъ Божественнымъ чертилъ
И, наконецъ, сказалъ народу:
„Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу,
Подниметъ тяжкую десницу?“ —
И вновь писалъ Онъ на аемлѣ...
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья,
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: „Покинь твою боязнь,
Гдѣ твой синедріонъ упорный?
Кто осудилъ тебя на казнь?“
Она въ отвѣтъ: — Никто, Учитель! —
„Итакъ, и Я твоей души
Не осужу, — сказалъ Спаситель: —
Иди въ свой домъ и не грѣши.

Полежаевъ.

195. Воскрешеніе Лазаря.

Былъ боленъ нѣкто Лазарь. Онъ
Въ минуты тяжкія и злыя

Былъ нѣжной лаской окруженъ
Сестеръ и Мареы, и Маріи.

И умеръ Лазарь. Пятый день
Кончины горестной и тлѣнья
Уже смѣнилъ ночную тѣнь,
Когда Христосъ пришелъ въ селенье.

И взоръ Его блестѣлъ слезой
Въ сознаньи горестной потери...
Заложенъ тяжкою плитой
Былъ входъ къ таинственной пещерѣ...

— Возьмите тягостный гранитъ! —
Онъ рекъ, но Мареа отвѣчала:
— Вѣдь Лазарь умеръ и смердитъ,
То — признакъ тлѣннаго начала

Но камень отняли — и Онъ,
Творя молитвы Всеблагому,
Промолвилъ: — Лазарь выйди вонъ
И восвратися съ миромъ къ дому!

И Лазарь вышелъ... И кругомъ,
Не вѣрить въ Господа не смѣя,
Склонились долу предъ Христомъ
Въ священномъ страхѣ Іудеи.

В. В. Жуковъ.

196. Волхвы.

Въ сіяньѣ звѣздномъ къ дальней цѣли
Спѣшитъ усердный караванъ;
И, вотъ, лѣса зазеленѣли,
Засеребрился Іорданъ,
Вотъ, башни стѣнъ Іерусалима,

Громады храмовъ и дворцовъ,—
Но горній свѣтъ неугасимо
Зоветъ все дальше мудрецовъ.
Струитъ звѣзда надъ Палестиной
Лучи прозрачные свои..
Вотъ, надъ уснувшею долиной
Гора пророка Иліи.
Все ниже, ниже свѣтъ небесный,
Вотъ Виѳлеемъ—холмовъ гряда...
И надъ скалой пещеры тѣсной
Остановилася звѣзда.
Лучи небесные погасли;
Янтарный отблескъ фонаря
Чуть озаряетъ ложе—ясли
Новорожденнаго Царя.
Волхвами вѣщій сонъ разгаданъ,
Открылся Богъ своимъ рабамъ.
И смирну, золото и ладанъ
Они несутъ къ Его стопамъ.
Младенецъ внемлетъ ихъ разсказамъ.
Небесный лучъ свѣтитъ имъ вновь:
Въ очахъ Христа — предвѣчный разумъ
Въ улыбкѣ — вѣчная любовь.

К. Льдовъ.

197. Святая ночь.

Надъ Виѳлеемомъ ночь сіяла
Огнями вѣчными небесъ;
Межъ нихъ блистая, путь свершала
Комета, вѣстница чудесъ.
Она плыла; за ней съ востока,
Вдали отъ суетной молвы,
Влекомы вѣрою глубокой,
Нѣмой пустыней шли волхвы;
Когда-жъ чудесное свѣтило,
Полночный мракъ преодолѣвъ,

Съ любовью кроткою пролило
Свои лучи на бѣдный хлѣвъ —
Волхвы, объятые волненьемъ,
Подъ кровлю низкую вошли
И тамъ, склонясь съ благоговѣньемъ,
Царя вселенной обрѣли.

Его лелѣяла Марія,
Онъ въ бѣдныхъ ясляхъ возлежалъ.
Въ соломѣ искры золотыя
Блестѣли; тусклый свѣтъ дрожалъ.
Сквозь сумракъ мулъ смотрѣлъ на ясли,
Сквозь сонъ овца тянулась къ нимъ. . .
А звѣзды въ небѣ тихо гасли
Передъ разсвѣтомъ золотымъ.

Очнулись пастыри съ стадами
И, устремивши къ небу взоръ,
Узрѣли между облаками
Крылатый свѣтлый, дивный хоръ.
Лаская слухъ, чаруя зрѣнье,
Безплотныхъ силъ безсмертный клиръ
Пѣлъ: „нынѣ всѣмъ благоволенье
И на землѣ, и въ людяхъ миръ“.

О. I.

198. Поклоненіе волхвовъ.

Тихо полночь плыветъ надъ уснувшей землей.
Ночь безмолвна, пустыня тиха.
Въ эту ночь на землѣ безмятежный покой,
Въ эту ночь на землѣ нѣтъ грѣха. . .
И горитъ и сіяетъ на небѣ звѣзда,
Льетъ лучи, словно солнце, вдали. . .
Не свѣтили такъ звѣзды нигдѣ, никогда
Съ сотворенія самой земли. .
Знать рождается въ мірѣ владыка царей —
Кроткій вождь поколѣній земныхъ,

Какъ маякъ на просторѣ мятежныхъ морей
Для усталыхъ, гонимыхъ, больныхъ. . .
Тихо полночь плыветъ надъ пустыней нѣмой,
И къ звѣздѣ, возсіявшей вдали,
Днемъ и ночью спѣшатъ, позабывши покой
Отъ востока волхвы-короли. . .

Скоро кончится путь ихъ предъ звѣзднымъ лучомъ
И придутъ до прихода зари —
И въ пещерѣ глухой предъ Небеснымъ Царемъ
Преклонятся земные цари. . .
Въ небѣ звѣзды и ангелы стройно поютъ:
— Слава въ вышнихъ и миръ на земли! —
И къ Невѣдомой Тайнѣ съ дарами идутъ
Отъ востока волхвы-короли. . .

Геор. Аркатовъ.

199. Звѣзда Виѳлеема.

И вотъ свечерѣло. . . И ночь голубая
Раскинула плащъ надъ снѣгами. . .
И вспыхнуло небо отъ края до края,
И вспыхнуло небо звѣздами.
Алмазы — не звѣзды! Но въ розсыпи звѣздной —
Одна всѣхъ яснѣй, всѣхъ замѣтнѣй, —
Зажглась, какъ свѣтильникъ надъ темною бездной,
И свѣтитъ теплѣй и привѣтнѣй.
Во мракѣ вѣковъ надъ далекимъ Востокомъ
Она въ первый разъ засіяла,
Царямъ и рабамъ, и вождямъ, и пророкамъ
Дорогу къ любви указала. . .
Все тлѣнно, все временно въ суетномъ мірѣ:
Погибнетъ и Мудрость сѣдая,
Погибнетъ Богатство въ кичливой порфирѣ,
И сила погибнетъ живая.
Одно, лишь одно не измѣнится вѣчно,
Одно не погибнетъ на свѣтѣ —
Любовь, та любовь, что какъ Богъ безконечна,

Что знаютъ и старцы, и дѣти...
Она родилась въ Виѳлеемской пещерѣ,
Зажглась, какъ звѣзда золотая, —
Весь міръ укрѣпляетъ въ надеждѣ и вѣрѣ,
Зажглась и не меркнетъ сіяя...
Безъ этой любви жизнь — могилы темнѣе;
А свѣтитъ она между нами —
И радость, и счастье рождаются съ нею,
Надъ жизнью мерцая звѣздами.

Апол. Коринфскій.

200. У святыхъ яслей.

Въ пещерѣ пастуховъ Новорожденный спитъ —
Младенцу не нашлось пріюта въ домѣ.
Онъ пеленами бѣдными повитъ
Въ убогихъ ясляхъ на соломѣ.

И смотритъ Дѣва Мать на Сына своего
Въ благоговѣніи глубокомъ.
Какъ безмятеженъ сладкій сонъ его
Подъ нѣжнымъ материнскимъ окомъ!

Почіетъ тихо здѣсь Младенецъ-Богъ;
Во мракѣ ночи льется свѣтъ янтарный.
Горитъ вертепъ, какъ царственный чертогъ
Въ сіяньи славы лучезарной.

Поетъ Христу хвалу съ небесъ небесный хоръ,
И сердце Матери такъ радостно трепещетъ.
Къ Спасителю ея прикованъ взоръ,
Слезою умиленья блещетъ

А ясли бѣдныя теперь окружены
Крылатымъ сонмомъ силъ безплотныхъ.
Какъ вѣетъ свѣжестью невинною весны
Отъ дѣтскихъ личекъ беззаботныхъ!

Дыханье затаивъ, тѣснятся дѣти тутъ,
Любуются Христомъ и шепчутъ межъ собою.
И пастыри въ вертепъ сейчасъ взойдутъ
Смятенной, радостной толпою.

201. Моленіе о чашѣ.

Когда одинъ въ полночной мглѣ,
Съ кровавымъ потомъ на челѣ,
Предчувствіемъ смертельныхъ мукъ томимый,
Молился Ты въ тоскѣ невыразимой
И къ Господу взывалъ, колѣни преклоня:
„Ужели чашѣ сей не миновать Меня?“
Въ ту ночь, когда напрасно жаждалъ мира
Твой скорбный духъ, измученный борьбой
И близкихъ не было въ тяжелый часъ съ Тобой;
Когда за грѣхъ великій міра
Безгрѣшной жертвою являлся Ты, Христосъ, —
Во тьмѣ отчаянья и слезъ
Впервые занялась надъ рощей Геѳсиманской
Заря любви и вѣры Христіанской.

Въ Своей борьбѣ, въ Своей печали
Ты былъ одинъ: всѣ малодушно спали,
Кто бодрствовать хотѣлъ съ Тобой
И снова предъ Отцомъ повергся Ты съ мольбой,
И снова Ты взывалъ: „Но если невозможно
Чтобъ Мнѣ не пить отъ чаши сей,
Пусть воля Господа свершится непреложно!“
А ночь была тиха, и надъ долиной всей
Въ сіяньѣ звѣздъ, въ журчаніи потока,
Въ благоуханьѣ розъ и трепетѣ листа
Казалось тайна разлита
Великая,—и съ Тѣмъ, кто одиноко
Молился и страдалъ въ безмолвіи ночномъ,
Казалось, что молилось все кругомъ.

И словно чуялось, какъ въ чудномъ откровеньѣ,
И близость мукъ и сладость искупленья.

И въ душу скорбную, томимую тоской,
Вновь снизошелъ божественный покой,
И съ полнымъ кротости укоромъ
И грустно Ты глядѣлъ Своимъ спокойнымъ взоромъ
На тѣхъ, что бодрствовать съ Тобою не могли.
Ты видѣлъ факелы, блеснувшіе вдали,
Ты сознавалъ, какъ близилось и зрѣло
Чудовищно-неслыханное дѣло.
Но кончилась борьба—и безъ боязни Самъ
Ты двинулся на встрѣчу палачамъ,
Готовый грѣхъ людей омыть Своею кровью.
Ты видѣлъ тѣнь Голгоѳскаго креста,
Но, побѣждая зло всесильною любовью,
Отъ чаши горькихъ мукъ не отвратилъ уста.

О. Чюмина.

202. Варавву иль Христа.

Въ разливѣ огненномъ сіялъ Іерусалимъ.
Пурпурно-темными, горячими лучами,
Волшебнымъ моремъ свѣта, блескомъ золотымъ
Пылало солнце юга знойно надъ домами,
Надъ свѣжестью тѣнистою садовъ
Надъ роскошью душистою цвѣтовъ.
По длиннымъ, узкимъ улицамъ тѣснясь,
Гудѣлъ, волнуяся, народъ толпой громадной.
Горячій солнца лучъ, какъ зарево свѣтясь,
Огнемъ всѣхъ обливалъ, томилъ жарой нещадной.
Шумѣла, нетерпѣніемъ полна,
Толпы несмѣтной пестрая волна.
На встрѣчу вышелъ къ ней смутившійся Пилатъ:
„Христа-ль, Варавву-ль отпустить—рѣшайте сами!“
Въ отвѣтъ ему не бури раздался раскатъ,
Мгновенно воздухъ весь потрясся голосами

И бѣшенно кричали всѣ они:
„Варавву отпусти, Христа распни!..

Въ вѣнкѣ терновомъ, крестъ тяжелый на плечахъ,
Не слыша злобныхъ криковъ и проклятій
Толпы, глядя на нихъ лишь съ жалостью въ очахъ,
Терпя, любя, прощая, шелъ Онъ на распятье.

И всѣ бросали камнями въ Него,
Въ Печальника святого своего!..

Межъ тѣмъ Варавву громко чествуя, за нимъ,
Ликуя, шелъ народъ, въ преступномъ ослѣпленьѣ
Его привѣтствуя избранникомъ своимъ
Въ тупомъ безсмысліи, въ безумномъ ослѣпленьѣ;

Пророку наглому воздвигнувъ храмъ,
Толпа ему кадила ѳиміамъ.

М. Ватсонъ.

203. Погребеніе Христа Спасителя.

I.

Всесильный, движимый любовью,
За насъ Онъ душу положилъ —
И на Крестѣ, лишенный силъ,
Облитый праведною кровью,
Нашъ грѣхъ страданіемъ омылъ!
Когда-же духъ Онъ испустилъ,
Воскликнувъ громко „совершилось“!—
Тогда земля вся потряслась,
Завѣса въ храмѣ раздралась
И солнце на небѣ затмилось!
Узрѣвъ смятеніе кругомъ,
Его мучители дрожали
И, съ тайнымъ ужасомъ шептали:
„Онъ былъ во истину Христомъ!“

II.

Убрать распятыхъ іудеи
Спѣшили къ Пасхѣ: снять съ креста
Пришелъ умершаго Христа
Іосифъ изъ Аримаѳеи.
Онъ тайнымъ былъ ученикомъ
Того, Кто спасъ людей всецѣло.
Христа израненное тѣло
Обвилъ онъ бѣлымъ полотномъ,
О чистотѣ Его радѣя.
Сюда пришелъ и Никодимъ;
Принесъ онъ масти. Вмѣстѣ съ нимъ
Іосифъ тѣло Назорея
Въ своемъ саду похоронилъ;
И къ двери временной гробницы
Тяжелый камень привалилъ.
Христа святыя ученицы
Стояли подлѣ: ихъ гнела
Неутомимая кручина
О Томъ, чья дивная кончина
Въ унынье многихъ привела,
Въ слезахъ Марія Магдалина,
Полна печали, здѣсь была;
Пришли сюда и Соломія
И мать Іакова Марія.

III.

Но развѣ смерть владѣла Имъ,
Который Самъ для жизни вѣчной,
По благодати безконечной,
Течетъ источникомъ живымъ —
И служитъ намъ къ блаженству рая
Путемъ единымъ и прямымъ?
О нѣтъ! Вѣщалъ Онъ, прорекая:

„Могу разрушить Божій Храмъ...
И если Я его разрушу,
То сохранивъ живую душу —
Въ три дня опять его создамъ!

В. Мюръ.

204. Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Была тиха, безмолвна, какъ могила,
Нѣмая ночь; во мракѣ спалъ Сіонъ,
Гдѣ изувѣрства тьма небесный свѣтъ затмила..
Душѣ такъ много, смутно говорила
Та ночь, когда почилъ во гробѣ Онъ!
Она была полна необычайной,
Глухой тоски истерзанныхъ сердецъ,
И вѣтра вздохъ, и каждый звукъ случайный
Казались трепетомъ необъяснимой тайны, —
Какъ будто міру наступалъ конецъ,..
Одна любовь во мракѣ не дремала.
Все торжество ликующаго зла
Угрозами ее не испугало.
Враговъ Христовыхъ не страшась ни мало,
Она ко гробу Господа пришла;
Неся въ сосудахъ нардъ благоуханнный,
Туда явились три святыхъ жены,
Гдѣ опочилъ Учитель бездыханный,
И вдругъ, увидѣвъ свѣтъ во тьмѣ нежданный,
Остановилися онѣ поражены.
Одеждой бѣлоснѣжною блистая,
Съ безоблачнымъ и радостнымъ челомъ,
Имъ тутъ предсталъ посланникъ свѣтлый рая,
И молвилъ онъ, скорбящихъ утѣшая:
„Воскресъ Господь, что спалъ во гробѣ томъ!
Воскресъ Господь!“ Блаженное мгновенье!
„Христосъ Воскресе!“ Радостный привѣтъ!
И такъ свершилась тайна искупленья,

И Свѣтлое Христово Воскресенье
Здѣсь „утру глубоку“ благовѣстилъ разсвѣтъ.
Такъ торжествуетъ „смертью смерть Поправый“
Враждѣ людской и злу на перекоръ.
Ему подвластны царства и державы...
Въ сіяніи несокрушимой славы
Мы видимъ ликъ божественный съ тѣхъ поръ.
Господь исторгъ у „смерти жало“,
Намъ обѣшалъ блаженство и покой,
Чтобъ насъ могила больше не пугала.
Да, тьма Его собою не объяла“
И всѣмъ Христосъ велитъ бороться съ тьмой.

Александра Линдехренъ.

205. Воскресеніе Спасителя.

I.

Святымъ Писаніемъ реченное сбылося:
Явился въ міръ обѣщанный Мессія —
И міръ весь осѣнилъ божественной любовью,
Свой краткій путь отмѣтивъ чудесами...
И заключилъ Онъ дѣломъ искупленья
Вѣнецъ своихъ чудесъ!
Себя принесъ Онъ въ жертву добровольно,
Омывъ безгрѣшной, неповинной кровью
Грѣхи людей, слѣпотствующихъ духомъ,
Испивъ до дна страданій крестныхъ чашу...
И умеръ Онъ, поруганный, распятый;
А въ третій день воскресъ!..

II,

И вотъ приходитъ первый день недѣли,
Сокрушена глубокою печалью,
Ко Гробу Господа Марія Магдалина,
Въ тотъ ранній часъ, когда на темномъ небѣ
Чуть теплится заря!..

И видитъ: камень гробовой отваленъ;
Но погребеннаго не видитъ Іисуса!
Тогда бѣжитъ съ нерадостною вѣстью
Она къ своимъ, о странномъ похищеньи
Смущенно говоря...

III.

Ученики, словамъ ея не вѣря,
Направились поспѣшно къ мѣсту Гроба;
Дивясь исчезновенію Іисуса:
Они еще не знали изъ писаній,
Что надлежало Господу воскреснуть
И смертью смерть попрать!

Ученики ушли; опять Марія
Одна осталась плачущей у Гроба;
И въ это время, въ бѣломъ одѣяньи,
Два ангела очамъ ея предстали;
А обратясь, узрѣла Іисуса
Который ей велѣлъ о воскресеньи
Всѣмъ братьямъ разсказать!

IV.

Когда же шла Марія Магдалина
И съ нею вмѣстѣ женщина другая,
Исполнены и радости, и страха,
Всѣмъ возвѣстить о славномъ воскресеньи
Умершаго Христа—

Вдругъ Самъ Христосъ встрѣчаетъ ихъ въ дорогѣ
И говоритъ имъ: „Радуйтесь! не бойтесь!
Скажите братьямъ, скорбью сокрушеннымъ—
Пускай спѣшатъ къ предѣламъ Галилейскимъ,
Гдѣ предваряетъ Іисусъ воскресшій
Учениковъ своихъ!“

V.

Одиннадцать апостоловъ немедля
Пошли, куда назначено имъ было;
И на горѣ, въ священной Галилеѣ,
Явился имъ Учитель и Спаситель...
И, подойдя къ нимъ, сталъ имъ говорить
Мнѣ на землѣ и на небѣ отъ вѣка
Власть всякая дана, и такъ идите,
Народы правдѣ Божьей научите,
Во имя Троицы Единой ихъ крестите —
И до конца пребуду съ вами Я.

В. Мюръ.

206. Странникъ и Ангелъ.

Ангелъ.

Что съ тобою, странникъ бѣдный!
Не робѣй, — смѣлѣе въ путь.
Скоро, скоро путь побѣдный,
Отдохнешь когда-нибудь.

Странникъ.

Я озябъ, полдневный пламень
Догорѣлъ давнымъ-давно.
Путь не конченъ; дай мнѣ камень,
Я усну — мнѣ все равно!

Ангелъ.

Бойся, бойся, малодушный,
И не сѣтуй. Вѣрь мнѣ. Богъ
Скоро дастъ тебѣ воздушный,
Полный сладости чертогъ.

Странникъ.

Какъ не сѣтовать сурово.
Плачу я—и ты заплачь!
У подножья Бога—Слова
Есть сѣкира и палачъ.

Ангелъ.

О, возрадуйся! Всевышній
Цѣпь съ сѣкирой сокрушитъ...
И одѣнетъ ризой пышной
Тѣхъ, кто мыслію не спитъ!

Странникъ.

Горекъ хлѣбъ моей надежды,
Умерла моя мечта.
Стали ветошью одежды,
И сума давно пуста.

Ангелъ.

Богъ угладитъ путь неровный;
Подыми твое чело!
Кто вкушаетъ хлѣбъ духовный,
У того растетъ крыло.
Прочь, костыль! Смѣлѣй въ дорогу!
Да возславятъ жизнь уста:
Это къ радостному Богу
Сердца первыя врата.

К. Фофановъ.

207. Христосъ и душа человѣческая.

I.

Ангелы.

Какъ нищій съ сумкой бѣдной,
Куда идешь, Христосъ,
Ты горестный и блѣдный,
Одинъ въ юдоли слезъ?

Христосъ.

Иду Я въ міръ унылый
Къ возлюбленной Моей;
Назвавъ невѣстой милой,
Я сердце отдалъ ей.
Она Меня любила,
Но клятвы не храня,
Невѣста измѣнила,
Покинула Меня
И все объ ней тоскую,
И все ее люблю,
Люблю Я дщерь земную,
Избранницу Мою.
Я далъ ей духъ свободный;
Ее одну любя,
Я сдѣлалъ благородной,
Похожей на Себя.
Я далъ ей плоть въ рабыни
И волю для борьбы...
Она-же стала нынѣ
Рабой своей рабы!
Она во власти тѣла;
И Господа забывъ,
Дары Мои презрѣла,
Отвергла Мой призывъ!

Ангелы.

Но той, кто всѣхъ дороже,
Кого Ты такъ любилъ,
Сказать-ли намъ, о Боже,
Что Ты ее простилъ?

Христосъ.

Скорѣй несите вѣсти
Возлюбленной Моей,
Что Я простилъ невѣстѣ,
Что Я грущу о ней.
Зачѣмъ-же длить разлуку?
Скажите, чтобъ пришла,
Чтобъ милаго на муку,
На смерть не обрекла!..
И брачныя одежды
Я возвращу ей вновь,—
И всѣ Мои надежды,
И всю Мою любовь!..

II.

Ангелы.

Душа—въ оковахъ тѣла
И смерти, и грѣха,
Ты Господа презрѣла,
Отвергла жениха!
Поднять не смѣешь вѣжды,
Не можешь встать съ земли...
Разорваны одежды
Чело твое—въ пыли...

Душа.

Когда я вспоминаю
О Томъ, Кто навсегда
Ушелъ,— я умираю
Отъ горя и стыда.
О, какъ я низко пала!
Брожу во тьмѣ ночной,—
И смерть меня объяла.
И гибель предо мной...

Ангелы.

Омой слезами очи,
Съ надеждой подымись,
Скорѣй изъ мрака ночи
Ты къ Господу вернись!
Тебя Онъ приметъ снова,
Забудь печаль и страхъ,
Не скажетъ Онъ ни слова,
Не вспомнитъ о грѣхахъ.

Душа.

О, гдѣ же Онъ?.. Далеко
Отъ Бога моего
Я плачу одиноко...
Умру я безъ Него!
Скажите мнѣ, скажите,
Видалъ-ли кто-нибудь
Гдѣ милый?.. Укажите
Къ возлюбленному путь?

Ангелы.

Мы видѣли — Распятый,
Одинъ — на высотѣ

Голгофы, тьмой объятой,
Страдалъ Онъ на крестѣ.
Въ тоскѣ изнемогая,
Но все еще любя,
Спаситель, умирая,
Молился за тебя.

Душа.

О, плакать буду вѣчно!..
За міръ Онъ пролилъ кровь.
Любилъ такъ безконечно
И умеръ за любовь.
Въ любви — какая сила!..
Любовь, о для чего,
Безумная, убила
Ты Бога моего!..

Д. Мережковскій.

207. Сны Фараона.

I.

Приснился Царю удивительный сонъ.
Дрожа и отъ страха блѣднѣя,
Прислужникамъ молвитъ въ смятеніи онъ:
— Зовите жрецовъ мнѣ скорѣе!
Приходятъ жрецы. Собрался ихъ синклитъ,
И царь о видѣньи своемъ говоритъ:

2.

Я видѣлъ рѣку: изъ ея глубины
Семь тучныхъ коровъ появились...
А слѣдомъ за ними, изъ той же волны
Семь тощихъ немедля открылись.

И тощія тучныхъ пожрали... Межъ тѣмъ
Не сдѣлались сами тучнѣе совсѣмъ!

3.

И видѣлъ я поле: на стеблѣ одномъ
Семь полныхъ колосьевъ созрѣли;
За ними созрѣли семь скудныхъ потомъ —
И скудные полныхъ поѣли,
Но сами не стали полнѣй оттого...
Что-жъ будетъ мнѣ въ жизни отъ сна моего?"

4.

Жрецамъ не понятно... Тутъ стражникъ одинъ
Осмѣлился выйти съ совѣтомъ:
„Я знаю,—сказалъ онъ, —о, царь—господинъ,
Того, кто разсудитъ объ этомъ!
То юноша нѣкій... Въ тюрьмѣ онъ сидитъ,
Но разума дивною силой блеститъ...

5.

Твоимъ повелѣніемъ были туда
Повержены слугъ твоихъ двое.
И сны они видѣли тоже, тогда
Проснулись объяты тоскою.
И юношѣ каждый свой сонъ разсказалъ,
И юноша мудро имъ сны толковалъ;

6.

Сказалъ виночерпію: — Будешь служить
Опять при царѣ—господинѣ...
Сказалъ хлѣбодару: — придется сложить
Тебѣ твою голову нынѣ!

И мѣсяцъ не мигнулъ отъ срока того,
Какъ все совершилось по слову его!

7.

Вели-жъ ты его поскорѣе позвать
Предъ свѣтлыя царскія очи: —
Быть-можетъ, удастся ему разгадать
Загадку томительной ночи!"
И юноша мудрый къ царю приведенъ,
И царь повторяетъ зловѣщій свой сонъ.

8.

И юноша молвилъ: „Въ предѣлѣ земномъ
Я нѣкое вижу начало:
Невзгоду и радость на корнѣ одномъ
Для жизни оно воспитало —
И людямъ великое счастье даритъ,
А слѣдомъ за счастьемъ несчастье сулитъ.

9.

И счастіе было какъ будто зерно,
Взростившее стебель несчастья...
И вотъ ужъ оно, словно прахъ, сметено,
Бушуетъ гроза и ненастье...
И солнечный блескъ и безоблачный день
Грозы породили тяжелую сѣнь.

10.

Гроза поглотила сіянье лучей
И солнышка блескъ золотого,
Но все же не стала яснѣй и свѣтлѣй,
Мрачнѣе лишь сдѣлалась снова...

Кручиною пожрано счастье — и все-жъ
Не сталъ ея обликъ на счастье похожъ!

11.

Пророчество сердцемъ я чувствую въ томъ!
Ты сонъ свой увидѣлъ не даромъ...
Счастливые годы придутъ... А потомъ
Зловѣщимъ и грознымъ ударомъ
Великое горе къ отчизнѣ придетъ
И голодъ, и нужды съ собой принесетъ...

12.

Въ годину удачи обильныхъ плодовъ
Родитъ твое царство не мало —
Сбери же ты ихъ, чтобъ для черныхъ годовъ
Запаса надолго достало...
Такъ мудрый хозяинъ хозяйство ведетъ
И бодро встрѣчаетъ суровый онъ годъ...

13.

Такъ бодрости пламя въ душѣ сохраня,
Отважно въ несчастья годину
Мы встрѣтимъ напасти суроваго дня
И вынесемъ злую кручину:
Надежды и мужества полный запасъ
Тогда сохраняется въ сердцѣ у насъ

14.

Но горе тому, кто покоя дары
Растратитъ, кто въ лѣни позорной
Убьетъ свою душу для грозной поры
Кручины и горести черной!

Когда разразится страданія годъ —
Безмолвно безсильно въ борьбѣ онъ падетъ!

15.

И горе странѣ, если въ дни тишины
Народъ свой и царство родное
Оставишь средь полной дарами страны
Въ глухомъ и безмолвномъ покоѣ
И данную Богомъ обильную рожь
Заботливо въ житницу ты не сберешь!

16.

Такъ кликни же царскій свой кличъ по странѣ:
Придите безъ страха и лести,
О, вѣрныя дѣти, придите комнѣ
Трудиться для родины вмѣстѣ,
Чтобъ съ полнымъ запасомъ и бодрой душой
Намъ встрѣтить страданія день роковой! "

17

И царь отвѣчалъ: „Изъ юдоли глухой
Услышалъ я доброе слово!
Дворецъ и палаты молчатъ предо мной;
То слово имъ чуждо и ново...
Но истины свѣтъ засіялъ изъ темницъ,
И сердцемъ предъ нимъ преклоняюсь я ницъ!

18.

Коль выростетъ колосъ обильный добра,
Какъ сладкій пророчитъ твой голосъ —
Не сгубитъ его лихолѣтья пора —
Изсохшій страданія колосъ!
Запасъ урожайный мы вмѣстѣ сберемъ,
А рѣчи твои помяну я добромъ! "

Б. Никоновъ.

208. Валтасаръ.

Въ безмолвіе ночи и мглу погруженъ,
Ужъ сномъ безмятежнымъ почилъ Вавилонъ;
Но все не стихаютъ въ чертогахъ владыки
Наперсниковъ царскихъ веселые клики.
Огнями чертогъ исполинскій залитъ:
Въ вѣнцѣ и порфирѣ владыка сидитъ,
Вокругъ, за бокаломъ бокалъ осушая
Ликуетъ кревретовъ толпа золотая.
Ликуютъ клевреты, бокалы звенятъ,
Блуждаетъ царя упоеннаго взглядъ;
Но вотъ встрепенулся онъ, вспыхнуло око
И нагло, чело поднимая высоко,
Безумецъ въ порывѣ отваги слѣпой
Егову поноситъ презрѣнной хулой.
Пылаютъ ланиты и сердце трепещетъ,
Онъ мечетъ проклятья — толпа рукоплещетъ...
И вдругъ онъ рабу приказаніе далъ:
И быстро исчезъ рабъ, и въ праздничный залъ
Принесъ драгоцѣнные кубки литые —
Изъ храма Салима сосуды святые!
Тогда Валтасаръ, дерзновенной рукой
Схвативъ освященный фіалъ золотой,
Наполнилъ его искрометною влагой,
До дна осушилъ и воскликнулъ съ отвагой:
„Егова! Я власти не знаю твоей,
Я царь Вавилона, я царь всѣхъ царей!“
Сказалъ — зашатался и въ ужасѣ дикомъ
Сосудъ драгоцѣнный онъ выронилъ съ крикомъ..
Смѣшались безбожники, въ сонмищѣ ихъ
Кощунственный хохотъ мгновенно затихъ,
И видятъ развратные слуги Ваала:
Рука передъ ними, рука засіяла —
И пишетъ, и пишетъ на бѣлой стѣнѣ,
И буквы встаютъ и сверкаютъ въ огнѣ!
Глядѣлъ нечестивецъ — и облакомъ тѣни

Чело одѣвалось, дрожали колѣни;
Клевретовъ уста шевелились безъ словъ,
И лица мертвѣли и стынула кровь.
Волхвы собралися, но грозныя строки
Прочесть не могли Вавилона пророки;
Когда-жъ занялася на небѣ заря,
Проснулась измѣна — не стало царя.

Ивановъ.

209. Іовъ.

(Библейская поэма).

I.

. . . И непорочнаго Іова струпьями лютой проказы
Богъ поразилъ отъ подошвы ноги и по самое темя
Іовъ сидѣлъ далеко за оградой селенья на пеплѣ.
Острую онъ взялъ себѣ черепицу скоблить свои раны.
Молвитъ жена ему: „все еще твердъ ты въ своемъ благочестьи?
Встань и Творца похули, чтобъ тебѣ умереть“. Но смиренно
Іовъ женѣ отвѣчаетъ: „я доброе принялъ отъ Бога.
Должно и злое принять; да исполнится воля Господня!“

Мудрый Сафаръ, Елифазъ изъ Ѳемани, Вилдадъ изъ Савхеи
Вмѣстѣ сошлись, чтобы сѣтовать съ нимъ, утѣшая страдальца.
Очи поднявъ, издали не узнали несчастнаго друга.
Жалобный голосъ возвысили, ризы свои разодрали,
Стали рыдать неутѣшные, пыль надъ главами бросая.
Съ Іовомъ рядомъ семь дней и ночей просидѣли въ молчаньи:
Слова никто не сказалъ, оттого что страданіе было
Слишкомъ велико. И первый открылъ онъ уста и промолвилъ:

II.

Іовъ.

Да будетъ проклятымъ навѣкъ
Тотъ день, какъ я рожденъ для смерти и печали
Да будетъ проклятой и ночь, когда сказали:
„Зачался человѣкъ“.
Теперь я плачу и тоскую,
Зачѣмъ сосалъ я грудь родную.
Зачѣмъ не умеръ я: лежалъ бы въ тишинѣ,
Дремалъ и было бы спокойно мнѣ
И почивалъ бы съ великими царями,
Съ могучими владыками земли,—
Побѣдоносными вождями,
Что войны нѣкогда вели,
Копили золото и строили чертоги...
Я былъ бы тамъ, гдѣ нѣтъ тревоги,
Гдѣ больше нѣтъ вражды земной,
Гдѣ равенъ малому великій,
Вкушаютъ узники покой
И рабъ—свободенъ отъ владыки...
На что мнѣ жизнь, на что мнѣ свѣтъ?
Какъ знойнымъ полднемъ изнуренный,
Тоскуя, тѣни ждетъ работникъ утомленный,
Я смерти жду,—а смерти нѣтъ.
О, если-бъ на меня простеръ Ты, Боже, руку
И больше страхомъ не томилъ,—
Чтобъ кончить сразу жизнь и муку,
Однимъ ударомъ поразилъ!..

Елифазъ.

Ужель ты праведнѣй Отца вселенной,
Ужель на судъ Его зовешь?
Зачѣмъ же съ рѣчью дерзновенной
Ты противъ Бога возстаешь?
Безумецъ тотъ, кто не склоняетъ
Во прахъ главы передъ Творцомъ.

Когда и небеса нечисты предъ лицомъ
Всевышняго, когда не довѣряетъ
Онъ даже ангеламъ своимъ,—
То, какъ же чистымъ быть предъ Нимъ
Тому, кто рвется на свободу,
Въ темницу плоти заключенъ,
Тому, кто женщиной рожденъ
И беззаконье пьетъ, какъ воду?

Іовъ.

О да! Надъ бездной Богъ грядетъ,
Столпы земли передвигаетъ,
Печать на звѣзды налагаетъ,
Прикажетъ,—солнце не взойдетъ.
Онъ пронесется,—не замѣчу,
Захочетъ взять,—кто запретитъ?
Онъ спроситъ,—какъ Ему отвѣчу,
Накажетъ,—кто меня проститъ!
Предъ взоромъ мудрости Господней
Открыты тайны преисподней,
И херувимы, падши ницъ,
Не открывая въ страхѣ лицъ,
Трепещутъ у Его подножья
И полонъ міръ Его чудесъ,
И все величіе небесъ—
Отъ дуновенья Духа Божья.
Живъ мой Создатель, живъ Господь,
Мой Богъ, суда меня лишившій,
Мнѣ душу скорбью омрачившій,
Его нельзя мнѣ побороть..,
Но пусть страдаю, неутѣшный,—
Я вашей лжи не потерплю,
И правоты моей безгрѣшной,
Пока я живъ, не уступлю!
Голодныхъ я кормилъ, я утолялъ печали,
Я утѣшалъ больныхъ, для сиротъ былъ отецъ,
И чресла бѣдняковъ меня благословляли,

Согрѣтыя руномъ моихъ овецъ.
За щедрость въ дни былые славилъ
По всей землѣ меня народъ.
Въ тѣни вечерней у воротъ
Мое сѣдалище я ставилъ.
И юноши ко мнѣ, и старцы, приходя,
Въ благоговѣніи молчали,
И словъ моихъ смиренно ждали,
Какъ благодатнаго дождя
За что же нынѣ я въ позорѣ,
Людьми отвергнутый живу;
Не знаю, гдѣ въ слезахъ и горѣ
Склонить бездомную главу,
Въ пыли, со струпьями на почернѣлой кожѣ,
Сижу и думаю: меня утѣшитъ ложе,
Но Богъ видѣньями пугаетъ и во снѣ...
И ночью холодно въ разодранныхъ одеждахъ
Во мнѣ страдаетъ духъ, и плоть болитъ на мнѣ,
Тѣнь смерти—на усталыхъ вѣждахъ
И все-таки я правъ, я чистъ передъ Тобой,
Не вѣдаю, Господь, за что терплю мученье!
Земля, ты кровь мою невинную не скрой, —
Да вопіетъ она о мщеньи!

Вилдадъ.

Скажи, ты видѣлъ ли, чтобъ Богъ вознаграждалъ
Людей жестокихъ и лукавыхъ,
Чтобъ Онъ поддерживалъ неправыхъ
И непорочныхъ отвергалъ.
О нѣтъ! въ шатрѣ у беззаконныхъ
Померкнетъ радостный очагъ,
Онъ возстановитъ угнетенныхъ,
И будетъ къ праведному благъ,
И судъ рабамъ своимъ даруетъ.
Но кары Божьей не минуетъ
Творящій темныя дѣла:
Когда въ бронѣ онъ безполезной

Уйдетъ отъ палицы желѣзной
Настигнетъ мѣдная стрѣла:
За грѣхъ твой скорбь вошла въ обитель,
И за вину твоихъ дѣтей
Рукою любящей Своей
Тебя караетъ Вседержитель...
Терпи, смиряйся и молчи.

Іовъ.

Всѣ утѣшенія напрасны,
О, безполезные врачи!
Шатры злодѣевъ—безопасны,
Дома грабителей полны
Благословенной тишины.
Я знаю. правды нѣтъ, и все-жъ о ней тоскую;
Безъ правды жить я не хочу,
Лишь только вспомню, негодую
И содрогаюсь и ропщу...
Не буду я молчать, не буду покоряться,
Невиненъ я, и пусть меня накажетъ Богъ!
О, если-бъ съ Нимъ я только могъ,
Какъ равный съ равнымъ, состязаться!
Но нѣтъ возмездья, нѣтъ суда...
Ужель Онъ праведныхъ не любитъ,
И злыхъ, и добрыхъ вмѣстѣ губитъ?
Зачѣмъ, о Господи, не вѣдаетъ труда
И богатѣетъ нечестивый?
Зачѣмъ обильный плодъ ему приносятъ нивы
И множатся въ поляхъ его стада?
Зачѣмъ преступные живутъ среди веселій,
Пируютъ, смерти не боясь?
Ихъ дѣти прыгаютъ, смѣясь,
Подъ звукъ тимпана и свирели...
Господь забылъ своихъ рабовъ,
Онъ не поможетъ угнетеннымъ,
Онъ не утѣшитъ бѣдняковъ,—
Онъ землю отдалъ беззаконнымъ!..

И отторгаютъ отъ сосцовъ
Младенцевъ плачущихъ, живутъ подъ кровомъ неба
Нагіе безъ одеждъ, голодные безъ хлѣба...
Межъ тѣмъ, какъ долженъ быть злодѣй
Соломинкой, Господь, въ живой рукѣ Твоей,
Былинкой, вѣтромъ уносимой,—
Онъ жизнь кончаетъ, невредимый!
„Его потомству Богъ возмездье бережетъ".
Такъ кто-нибудь изъ васъ мнѣ скажетъ.
Но пусть и самъ злодѣй отъ мести Божьей пьетъ,
Пускай Господь самихъ грабителей накажетъ,
А до дѣтей и до грядущихъ бѣдъ
Имъ послѣ смерти—дѣла нѣтъ.
Скопилось въ мірѣ слишкомъ много
Неотомщаемыхъ обидъ,
И это видятъ очи Бога;
Онъ это терпитъ и молчитъ.

Софаръ.

Не говори, что Богъ не справедливъ,
Но люди вѣчнаго постигнуть не умѣютъ...
Лишь сердцемъ мудрые, гордыню укротивъ,
Предъ Нимъ благоговѣютъ,—
Затѣмъ, что святъ Его законъ,
И въ сонмѣ ангеловъ небесныхъ
Онъ страшнымъ для очей тѣлесныхъ
Великолѣпьемъ окруженъ.
И если-бъ отнялъ Онъ на мигъ Свое дыханье
И сердце обратилъ къ Себѣ Господь,
Погибъ бы человѣкъ и всякое созданье
И возвратилась бы во прахъ живая плоть.
Ты самъ избралъ свою дорогу:
На бремя жизни не ропщи.
Будь добрымъ для себя, не угождая Богу,
И за добро свое награды не ищи.
Мы по землѣ пройдемъ, какъ тѣни,
Учись у древнихъ мудрецовъ

Учись у прошлыхъ поколѣній,
У нашихъ дѣдовъ и отцовъ.
А мы вчерашніе и ничего не знаемъ,
Во всемъ ничтожные—во благѣ и во злѣ.
Мы, не достигнувъ на землѣ
Ни мудрости, ни счастья,—умираемъ.

Іовъ.

О, если-бъ судьбой я помѣнялся съ вами
Не такъ же ли, какъ вы, главой бы я кивалъ,
Старался бы помочь въ страданіяхъ словами,
Движеньемъ губъ васъ утѣшалъ.
Но тотъ, чье сердце въ счастьи дремлетъ,
Понять чужую скорбь не можетъ никогда:
Кричу: обида!—Богъ не внемлетъ,
Я вопію,—и нѣтъ суда.
И что мы для Него? Зачѣмъ подстерегаетъ,
Зачѣмъ испытываетъ насъ
Онъ каждый день и каждый часъ,
И мститъ, и горечью намъ душу пресыщаетъ?
Не Ты-ль образовалъ, скрѣпилъ костями плоть
И жизнь не Самъ-ли Ты вдохнулъ въ меня, Господь,
Не Ты ли надо мной трудился, какъ ваятель?
За что невиннаго губить?
Ужели хочешь истребить
Ты дѣло рукъ Твоихъ, Создатель?
И въ нескончаемой борьбѣ
Зачѣмъ меня врагомъ поставилъ Ты Себѣ?
Кого преслѣдуешь? Какъ ураганъ—пылинку
Меня похититъ смерть... Я слабъ и одинокъ...
Не гонишь ли, Господь, Ты сорванный листокъ,
Не сокрушаешь ли увядшую былинку?
Кто знаетъ, доживу-ль до завтращняго дня...
Вотъ скоро я умру,—поищешь,—нѣтъ меня...
Уйду—и не вернусь—въ страну могильной сѣни,
Въ страну безмолвія и ужаса, и тѣни. .
Когда могучій стволъ повалитъ дровосѣкъ,

Еще надежда есть, что вновь зазелѣнѣетъ
Полузасохшій пень и дастъ живой побѣгъ,
Какъ только брызнетъ дождь и сыростью повѣетъ;
А если человѣкъ съ лица земли исчезъ.—
Онъ не вернется вновь, изъ гроба не воспрянетъ,
Во прахѣ ляжетъ и не встанетъ
Онъ до скончанія небесъ...
О, если у Тебя могущество и благость,
Господь, что значитъ грѣхъ людей,
Зачѣмъ бы не простить и осужденій тягость
Не снять съ души моей?..
Отвѣть же, выслушай, Владыко, оправданье,
Иль лучше,—нѣтъ,.. оставь, оставь меня... забудь,
Чтобъ мнѣ опомниться, перевести дыханье,
Не мучай, отступи и дай мнѣ отдохнуть!..

III.

Смертному Богъ отвѣчалъ несказаннымъ глаголомъ изъ бури.
Іовъ лежалъ предъ лицомъ Іеговы въ прахѣ и пеплѣ:
„Вотъ я ничтоженъ, о Господи!.. Мнѣ ли съ Тобою бороться?
Руку мою на уста налагаю, умолкнувъ навѣки...“
Но противъ воли, межъ тѣмъ какъ лежалъ онъ во прахѣ и пеплѣ,—
Ненасыщенное правдою сердце его возмущалось..,
Богъ возвратилъ ему прежнее счастье, богатство умножилъ.
Новыя дѣти на праздникѣ свѣтломъ опять пировали.
Овцы, собаки и верблюды въ долинахъ паслись безмятежныхъ;
Умеръ онъ въ старости, долгими днями вполнѣ насыщенный,
И до колѣна четвертаго внуковъ и правнуковъ видѣлъ.

Только въ морщинахъ лица его вѣчная дума таилась,
Только и въ радости взоръ омраченъ былъ невѣдомой скорбью:
Тщетно за всѣхъ угнетенныхъ алкала душа его правды,—
Правды Господь никому никогда на землѣ не откроетъ.

Д. Мережковскій.

210.

Я не хочу веселія земного,
Ни грезъ о краткой призрачной любви.
Нѣтъ!.. Жаждетъ духъ мой счастія иного,
И высоко летятъ мечты мои.
Идти на помощь страждущему брату,
Его тяжелый крестъ помочь нести,
Участьемъ въ душу влить ему отраду
И поддержать на жизненномъ пути...
Идти къ тому, кто Бога отрицаетъ,
И научить его молиться и любить
Того, Кто всѣхъ заблудшихъ призываетъ,
Кто можетъ людямъ всѣ грѣхи простить.
Вотъ цѣль. Для ней моей всей жизни мало,
Но много надо силъ имѣть въ борьбѣ...
О, помоги достичь мнѣ идеала,
Молюся жарко, Боже мой, къ Тебѣ!

Е. Н. Миллеръ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.7081 P94N C001
Novalaĵ arfa: sbornik dukhovno-nravstve
3 0112 093346077